

ISSN 2791-0954 [Print]

**Eurasian Journal
of International Law
(EAJIL)**

2023, Number # 3 (7)

Founded in 2022

Published 4 times a year

Astana, 2023

ISSN 2791-0954 [Print]

**Еуразия халықаралық
құқық журналы
(ЕАХҚЖ)**

2023, 3 (7) Нөмірі

2022 жылдан бастап шығады

Жылына 4 рет шығады

Астана, 2023

ISSN 2791-0954 [Print]

**Евразийский журнал
международного права
(ЕАЖМП)**

2023, Номер № 3 (7)

Издается с 2022 года

Выходит 4 раза в год

Астана, 2023

Бас редакторлар:

Абайділданов Ербол Мусинұлы, заң ғылымдарының докторы, профессор, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті халықаралық құқық кафедрасының профессоры (Қазақстан Республикасы, Астана).

Абашидзе Аслан Хусейнович, заң ғылымдарының докторы, профессор, Ресей халықтар достығы университеті халықаралық құқық кафедрасының меңгерушісі (Ресей Федерациясы, Мәскеу).

Жауапты хатшы: **Тлепина Шолпан Валерийқызы**, заң ғылымдарының докторы, профессор, Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ Халықаралық құқық кафедрасының меңгерушісі (Қазақстан Республикасы, Астана).

Техникалық хатшылар: **Жунусбекова Айгерім Жүнісбекқызы**, PhD, Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ халықаралық құқық кафедрасының оқытушысы (Қазақстан Республикасы, Астана); **Михеева Виктория Игоревна**, Ресей халықтар достығы университетінің аспиранты (Ресей Федерациясы, Мәскеу).

Редакциялық кеңес:

Абдуллин Адель Ильсиярович, заң ғылымдарының докторы, профессор, Қазан федералды университеті халықаралық және еуропа құқығы кафедрасының меңгерушісі (Ресей Федерациясы, Қазан).

Борубашов Бекбосун Ишенбекович, заң ғылымдарының докторы, профессор, Қырғыз-Ресей Славян университеті халықаралық және конституциялық құқық кафедрасының меңгерушісі (Қырғыз Республикасы, Бішкек).

Довгань Елена Федоровна, заң ғылымдарының докторы, профессор, Беларусь мемлекеттік университеті халықаралық құқық кафедрасының профессоры (Беларусь Республикасы, Минск).

Құлжабаева Жанат Орынбекқызы, заң ғылымдарының кандидаты, доцент, Қазақстан Республикасы Әділет министрлігінің «Қазақстан Республикасының Заңнама және құқықтық ақпарат институты» ШЖҚ РМК директорының кеңесшісі (Қазақстан Республикасы, Астана).

Куликпаева Мира Жумагазыевна, PhD, Қазақстан Республикасы Әділет министрлігінің «Қазақстан Республикасының Заңнама және құқықтық ақпарат институты» ШЖҚ РМК халықаралық құқық және салыстырмалы құқықтану бөлімінің жетекшісі (Қазақстан Республикасы, Астана).

Нығматуллин Ришат Вахидович, заң ғылымдарының докторы, профессор, Уфа ғылым және технологиялар университеті құқық институты директорының халықаралық істер және қоғаммен байланыс жөніндегі орынбасары, халықаралық құқық және халықаралық қатынастар

кафедрасының меңгерушісі (Ресей Федерациясы, Уфа).

Саидмухторов Алишержон Абдухаликович, заң ғылымдарының кандидаты, доцент, Тәжікстан Республикасы Президенті жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы Халықаралық құқық кафедрасы меңгерушісі (Тәжікстан Республикасы, Душанбе).

Сайрамбаева Жұлдыз Талғатқызы, заң ғылымдарының кандидаты, доцент, Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ халықаралық құқық кафедрасының меңгерушісі (Қазақстан Республикасы, Алматы).

Сәрсембаев Марат Алдангорұлы, заң ғылымдарының докторы, профессор, Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ халықаралық құқық кафедрасының профессоры (Қазақстан Республикасы, Астана).

Редакция мекенжайы: 010008, Қазақстан, Астана қ.,

Қ. Сәтбаев көшесі, 2, 325 каб.

Тел.: +7(7172)709-500 (ішкі 31-267).

электрондық пошта: eajil2022@mail.ru; sholpanw@yandex.kz;

erbolabay@mail.ru

<https://eajil.enu.kz>

Eurasian Journal of International Law (EAJIL)

Еуразия халықаралық құқық журналы (ЕАХҚЖ)

Евразийский журнал международного права (ЕАЖМП)

Меншік иесі: «Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті» коммерциялық емес акционерлік қоғамы.

Қазақстан Республикасы Ақпарат және қоғамдық даму министрлігінде тіркелген. Тіркеу куәлігі: № KZ27VPY00047364 (30.03.2022)

Журналдың шығу жиілігі: жылына 4 рет

Баспахана мекенжайы: 010008, Қазақстан, Астана қ., Қажымұқан к., 13/1, тел.: +7(7172)709-500 (ішкі 31-434)

Главные редакторы:

Абайдельдинов Ербол Мусинович, д.ю.н., профессор, профессор кафедры международного права Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Республика Казахстан, Астана).

Абашидзе Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой международного права Российского университета дружбы народов (Российская Федерация, Москва).

Ответственный секретарь: **Тлепина Шолпан Валерьевна**, д.ю.н., профессор, заведующая кафедрой международного права ЕНУ им. Л.Н. Гумилева (Республика Казахстан, Астана).

Технические секретари: **Жунусбекова Айгерим Жунусбековна**, PhD, преподаватель кафедры международного права ЕНУ им. Л.Н. Гумилева (Республика Казахстан, Астана); **Михеева Виктория Игоревна**, аспирант Российского университета дружбы народов (Российская Федерация, Москва).

Редакционный совет:

Абдуллин Адель Ильсиярович, д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права Казанского федерального университета (Российская Федерация, Казань).

Борубашов Бекбосун Ишенбекович, д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой международного и конституционного права Кыргызско-Российского Славянского Университета (Кыргызская Республика, Бишкек)

Довгань Елена Федоровна, д.ю.н., профессор, профессор кафедры международного права Белорусского университета (Республика Беларусь, Минск).

Кулжабаева Жанат Орынбековна, к.ю.н., доцент, советник директора РГП на ПХВ «Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан» Министерства Юстиции Республики Казахстан (Республика Казахстан, Астана).

Куликпаева Мира Жумагазыевна, PhD, руководитель Отдела международного права и сравнительного правоведения РГП на ПХВ «Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан» Министерства юстиции Республики Казахстан (Республика Казахстан, Астана).

Нигматуллин Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор, заместитель директора по международной деятельности и связи с общественностью Института права, заведующий кафедрой международного права и международных отношений Института права Уфимского университета науки и технологий (Российская Федерация, Уфа)

Саидмухторов Алишержон Абдухаликович, к.ю.н., доцент, заведующий

кафедрой международного права Академии государственного управления при Президенте Республики Таджикистан (Республика Таджикистан, Душанбе).

Сайрамбаева Жулдыз Талгатовна, к.ю.н., доцент, заведующая кафедрой международного права КазНУ имени аль-Фараби (Республика Казахстан, Алматы).

Сарсембаев Марат Алдангорович, д.ю.н., профессор, профессор кафедры международного права ЕНУ им. Л.Н. Гумилева (Республика Казахстан, Астана)

Адрес редакции: 010008, Казахстан, г. Астана,
ул. К. Сатпаева 2, каб. 325

Тел.: +7(7172) 709-500 (вн. 31-267).

e-mail: eajil2022@mail.ru; sholpanw@yandex.kz; erbolabay@mail.ru

<https://eajil.enu.kz>

Eurasian Journal of International Law (EAJIL)

Еуразиялық халықаралық құқық журналы (ЕАХҚЖ)

Евразийский журнал международного права (ЕАЖМП)

Собственник: Некоммерческое акционерное общество «Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева».

Зарегистрирован Министерством информации и общественного развития Республики Казахстан. Регистрационное свидетельство: № KZ27VPY00047364 (30.03.2022)

Периодичность: 4 раза в год.

Адрес типографии: 010008, Казахстан, г. Астана, ул. Кажымукана, 13/1, тел.: +7(7172)709-500 (вн. 31-434).

Chief editors:

Abaideldinov Yerbol Musinovich, Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of International Law, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan).

Abashidze Aslan Khuseinovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law, RUDN University – The Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation).

Executive Secretary: **Tlepina Sholpan Valerievna**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan).

Technical secretaries: **Zhunusbekova Aigerim Zhunusbekovna**, PhD, lecturer at the Department of International Law, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan); **Mikheeva Victoria Igorevna**, Postgraduate, RUDN University – The Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation).

Editorial board:

Abdullin Adel Ilsiyanovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International and European Law, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation).

Borubashov Bekbosun Ishenbekovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International and Constitutional Law, Kyrgyz-Russian Slavic University (Bishkek, Kyrgyz Republic).

Dovgan Yelena Fedorovna, Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of International Law, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus).

Kulzhabayeva Zhanat Orynbekovna, PhD in Law, Associate Professor, Advisor to the Director of the RSE on REM “Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan” of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan (Astana, Republic of Kazakhstan).

Kulikpayeva Mira, PhD, Head of the Department of International Law and Comparative Legal Studies of the RSE on REM “Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan” of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan (Astana, Republic of Kazakhstan).

Nigmatullin Rishat Vakhidovich, Doctor of Law, Professor, Deputy Director for International Affairs and Public Relations at the Institute of Law, Head of the Chair of International Law and International Relations of the Institute of Law, Ufa University of Science and Technologies (Ufa, Russian Federation).

Saidmukhtorov Alisherjon Abdukhalikovich, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of International Law, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan).

Sairambayeva Zhuldyz Talgatovna, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of International Law, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan).

Sarsembaev Marat Aldangorovich, Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of International Law, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan)

Editorial address: 010008, Kazakhstan, Astana,
Satpaev st. 2, off. 325

Tel.: +7(7172)709-500 (internal number: 31-267)

e-mail: eajil2022@mail.ru; sholpanw@yandex.kz; erbolabay@mail.ru
<https://eajil.enu.kz>

Eurasian Journal of International Law (EAJIL)

Еуразиялық халықаралық құқық журналы (ЕАХҚЖ)

Евразийский журнал международного права (ЕАЖМП)

Owner: «L.N. Gumilyov Eurasian National University» Non-commercial jointstock company.

Registered by the Ministry of Information and Social Development of the Republic of Kazakhstan. Registration certificate: KZ27VPY00047364 (30.03.2022)

Frequency: 4 times a year.

Printing house address: 010008, Kazhymukan st. 13/1, Astana, Kazakhstan.
Tel.: +7(7172)709-500 (internal number: 31-434)

**Цифровизированное производство
электромоторной и беспилотной техники для АПК (перспективные
нормы казахстанского и международного права)**

Сарсембаев Марат Алдангорович

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
международного права ЕНУ имени Л.Н. Гумилева, Консалтинговая Группа
«Болашақ»,

Астана, Казахстан

e-mail: daneker@mail.ru;

ORCID: 0000-0002-8483-4234; JTL-code: K24 Cyber Law

Зейнулла Жасулан Серикулы

докторант Евразийского центра физико-энергетических исследований и
высоких технологий ЕНУ имени Л.Н. Гумилева, Консалтинговая Группа
«Болашақ»,

Астана, Казахстан

e-mail: zeizhaser@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5339-3165

Аннотация. Представлены результаты исследования о новых для Казахстана способах внедрения цифровых технологий в производственный процесс заводов сельскохозяйственного машиностроения в целях выпуска электромоторных, беспилотных комбайнов, тракторов, новейшего оборудования для нужд агропромышленного комплекса (АПК) в перспективе. Исследованы причины необходимости перехода от двигателей внутреннего сгорания, функционирующих в автомобилях, к электромоторам. Упор сделан на то, что такой переход способствует экологической чистоте окружающей человека среды. Немаловажным обстоятельством в этой связи является истощение углеводородов (нефти) по истечении нескольких десятилетий. Подробно проанализированы особенности внедрения всех цифровых технологий в производственную деятельность казахстанских заводов сельскохозяйственного машиностроения. Обоснована необходимость вывода самоходных сельскохозяйственных машин на режим беспилотного передвижения. Предложены новые организационно-правовые средства содействия цифровизированному производству сельскохозяйственной техники в Казахстане. Сформулированы наименования новых международных универсальных и региональных соглашений, которые необходимо разработать и подписать в ближней перспективе, могущие содействовать цифровизации процесса производства сельскохозяйственных машин в Казахстане и других странах.

Ключевые слова: электродвигатель, беспилотная техника, цифровая технология, сельскохозяйственное машиностроение, агромашиностроение, тяговая батарея, датчики, международное право.

Агроөнеркәсіптік кешен үшін электроқозғалтқыш және ұшқышсыз көліктердің цифрландырылған өндірісі (қазақстандық және халықаралық құқықтың перспективалық нормалары)

Сәрсембаев Марат Алданғорұлы

заң ғылымдарының докторы, профессор, Л. Н. Гумилев атындағы ЕҰУ халықаралық құқық кафедрасының профессоры, «Болашақ» консалтингтік тобы,

Астана, Қазақстан

e-mail: danekeer@mail.ru;

ORCID: 0000-0002-8483-4234; JTL-code: K24 Cyber Law

Зейнолла Жасұлан Серікұлы

Л. Н. Гумилев атындағы ЕҰУ Еуразиялық физика-энергетикалық зерттеулер және жоғары технологиялар орталығының докторанты, «Болашақ» консалтингтік тобы,

Астана, Қазақстан

e-mail: zeizhaser@gmail.com;

ORCID: 0000-0002-5339-3165

Түйіндеме. Болашақта агроөнеркәсіптік кешеннің (АӨК) мұқтаждары үшін пилотсыз комбайндар, тракторлар, жаңа жабдықтар шығару мақсатында ауыл шаруашылығы машина жасау зауыттарының өндірістік процесіне цифрлық технологияларды енгізудің Қазақстан үшін жаңа тәсілдері туралы зерттеу нәтижелері ұсынылды. Автомобильдерде жұмыс істейтін ішкі жану қозғалтқыштарынан электр қозғалтқыштарына ауысу қажеттілігінің себептері зерттелді. Мұндай ауысу адамның қоршаған ортасының экологиялық тазалығына ықпал ететініне баса назар аударылады. Осыған байланысты бірнеше онжылдықтар өткеннен кейін көмірсутектердің (мұнайдың) сарқылуы маңызды жағдай болып табылады. Қазақстандық ауыл шаруашылығы машина жасау зауыттарының өндірістік қызметіне барлық цифрлық технологияларды енгізу ерекшеліктері егжей-тегжейлі талданды. Өздігінен жүретін ауылшаруашылық машиналарын пилотсыз қозғалыс режиміне шығару қажеттілігі негізделген. Қазақстанда ауыл шаруашылығы техникасын цифрландырылған өндіруге жәрдемдесудің жаңа ұйымдық-құқықтық құралдары ұсынылды. Қазақстанда және басқа елдерде ауыл шаруашылығы машиналарын өндіру процесін цифрландыруға жәрдемдесетін, жақын болашақта әзірленуі және қол қойылуы қажет жаңа халықаралық әмбебап және өңірлік келісімдердің атаулары тұжырымдалған.

Негізгі сөздер: электр қозғалтқышы, пилотсыз техника, цифрлық технология, ауылшаруашылық машина жасау, агромашиналар, тартқыш батарея, датчиктер, халықаралық құқық.

**Digitalized production
of electric motor and unmanned vehicles for agro-industrial complex
(promising norms of Kazakhstan and international law)**

Sarsembayev Marat Aldangorovich

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of International Law of the L.N. Gumilyov Eurasian National University, Bolashak Consulting Group,
Astana, Kazakhstan
e-mail: daneker@mail.ru;
ORCID: 0000-0002-8483-4234; JTL-code: K24 Cyber Law

Zeinulla Zhasulan Serikuly

Doctoral student of the Eurasian Center for Physics and Energy Research and High Technologies of L.N. Gumilyov Eurasian National University, Bolashak Consulting Group,
Astana, Kazakhstan
e-mail: zeizhaser@gmail.com;
ORCID: 0000-0002-5339-3165

Abstract. The results of a study on new ways for Kazakhstan to introduce digital technologies into the production process of agricultural machinery plants in order to produce electric, unmanned combines, tractors, the latest equipment for the needs of the agro-industrial complex (AIC) in the future are presented. The reasons for the need to switch from internal combustion engines operating in cars to electric motors are investigated. The emphasis is placed on the fact that such a transition contributes to the ecological purity of the human environment. An important circumstance in this regard is the exhaustion of hydrocarbons (oil) after several decades. The features of the introduction of all digital technologies into the production activities of Kazakh agricultural machinery plants are analyzed in detail. The necessity of bringing self-propelled agricultural machines to the mode of unmanned movement is substantiated. New organizational and legal means of promoting digitalized production of agricultural machinery in Kazakhstan are proposed. The names of new international universal and regional agreements that need to be developed and signed in the near future, which can contribute to the digitalization of the production process of agricultural machinery in Kazakhstan and other countries, are formulated.

Keywords: electric motor, unmanned vehicles, digital technology, agricultural machinery, agricultural machinery plants, traction battery, sensors, international law.

Введение

Из проживающих в Казахстане 19 млн 765 тыс. человек 38, 2 процента или 7 млн 556 тыс. человек [1] живут в 6 285 селах и 2 177 сельских округах, которые по состоянию на 1 января 2023 года зарегистрировали более 248 тысяч крестьянских, фермерских хозяйств, приняли участие в создании более 20 тысяч предприятий по производству, хранению, переработке сельскохозяйственной продукции, организовали более 1,6 миллиона домохозяйств, производящих разнообразную продукцию сельского хозяйства, стали индивидуальными предпринимателями (более 26 тысяч человек) [2, 3]. Они нуждаются в новейших качественных сельскохозяйственных машинах и оборудовании. Если в Германии на 1 тысячу гектаров пашни приходится 65 тракторов и 11 комбайнов, в США – 26 тракторов и 18 комбайнов, то в Казахстане на каждой 1 тысяче пашни работают только 6,4 трактора и 2,8 комбайна. Этого явно мало. Как свидетельствуют данные Министерства сельского хозяйства Республики Казахстан на начало 2022 года, на полях республики находились 153 тыс. тракторов и 42 тыс. комбайнов, 80 процентов которых нуждались и нуждаются в обновлении. Эти обстоятельства дали импульс созданию 30 крупных и средних предприятий сельскохозяйственного машиностроения, как производящих компоненты, так и осуществляющих промышленную сборку сельскохозяйственных машин.

К таковым относятся: «Агромашхолдинг KZ» (г. Костанай, флагман отрасли), «Костанайский тракторный завод», комбайновый завод «Kazrost Engineering LTD» (г. Кокшетау), Казахстанская агро-инновационная корпорация (г. Кокшетау), тракторный завод «KazKioti» (Туркестанская область), «Семипалатинский машиностроительный завод», «Кайнар-АКБ» (Талдыкорган, аккумуляторы), Саранский шинный завод и другие. Цифровые технологии внедряются в производственную деятельность ряда перечисленных предприятий. Надо сказать, что цифровизация сельскохозяйственного машиностроения в Казахстане находится на начальной стадии. Поэтому после краткой характеристики внедрения ряда элементов цифровых технологий и автоматизации производства авторы в данной статье выдвигают рекомендации по цифровизации производства машиностроительных заводов, по выпуску электромоторных, беспилотных сельскохозяйственных машин на ближнюю перспективу. Поэтому тема о технологической трансформации экономики, машиностроения является актуальной [4, с.4].

Цель исследования – определить технологические и правовые пути внедрения цифровых инструментов в производственную деятельность заводов агротехнического машиностроения Казахстана в целях удовлетворения нужд агропромышленного комплекса (АПК).

Методы исследования

Материалами исследования стали труды российских, казахстанских и зарубежных ученых, специализирующихся в решении технологических

проблем сельскохозяйственного машиностроения, практические материалы заводов – членов Ассоциации казахстанского автобизнеса (в нее входят и предприятия агромашинобизнеса). Методами исследования стали метод сравнительного анализа, метод междисциплинарного изучения темы статьи, метод научного прогнозирования.

Обсуждение

Деятельность агромашинозаводов основана на гражданско-правовых договорах (специальных инвестиционных контрактах и соглашениях о промышленной сборке) с казахстанским государством в лице министерства индустрии и инфраструктурного развития, а также на документах международного частного права – соглашениях Казахстана с иностранными государствами и компаниями сельскохозяйственного машиностроения этих стран о промышленной сборке их брендов в республике. В этом международном техническом, технологическом сотрудничестве Казахстана значимое место принадлежит Российской Федерации. Это находит свое выражение в том, что с конвейеров «АгромашинохолдингаKZ», Казахстанской агро-инновационной корпорации, «Kazrost Engineering LTD» сходят самые мощные в мире тракторы «Кировец-744» Петербургского тракторного завода (Россия), бренд которого удостоен золотой медали и иных наград на западноевропейских сельскохозяйственных выставках, а также продукция компании «Ростсельмаш» (г. Ростов-на-Дону, Россия) в виде энергонасыщенных тракторов «RSM» серии 2000, зерноуборочных комбайнов «ACROS-595 Plus», «TORUM-750», «Vector-410», почвообрабатывающая техника «Рубцовского завода» - дисковые бороны БДП 6х4М, плуги ПЛН 8-35 (Алтайский край, Россия). Эти и другие казахстанские заводы осваивают тракторы «Lovol» (Китай). «ТОО СТ Assembly» (г. Петропавловск, северный Казахстан) обеспечивает промышленную сборку ряда наименований сельскохозяйственной техники – тракторов «Axion-950», «Xerion-4500», зерноуборочных, силосоуборочных комбайнов «Lexion-6800», «Trion-730», «Tiscano-580», посевных комплексов, кормоуборочных машин «Jaguar-850» компаний «CLAAS» и «Horsch» (Германия). Все эти сельскохозяйственные машины пользуются повышенным спросом у казахстанских фермеров, в сфере агропромышленного комплекса (АПК) республики.

Стремясь обеспечивать надлежащее качество промышленной сборки машинокомплектов агротехнических машин заводов приведенных зарубежных стран, а также компонентов к этим машинам, производимым в Казахстане на основе локализации, процент которого растет из года в год и достиг 40 процентов в последние годы. Одним из ярких примеров казахстанской локализации является ввод в эксплуатацию в 2021 году Костанайского локализационного центра (завода) по производству компонентов сельскохозяйственной техники, который уже выпускает более 1 тысячи деталей в виде кронштейнов, опор, втулок, ступиц, зубчатых дисков, пластин и многого

другого, которые направляются на другие аграрно-машиностроительные заводы. Нужно строить цифровизированные заводы по производству различных машинокомплектов для агротехнических машин.

Элементы цифровизации завода «Агромашхолдинг KZ» видны во внедрении роботизации, который начал содействовать автоматизации рутинных производственных процессов посредством программного обеспечения. Руководство предприятия обеспечило автоматизированный процесс управления продажами выпускаемой сельскохозяйственной продукцией, такой же автоматизированный процесс ведения бухгалтерского учета, а также введение электронного документооборота. Казахская агро-инновационная корпорация для усиления контроля над производством начала устанавливать элементы искусственного интеллекта. Другой элемент цифровизации на этом заводе проявился в создании роботизированного центра сварки кабин комбайнов и тракторов. Завод «Кайнар-АКБ» (г. Талдыкорган), выпускающий аккумуляторы для тракторов, комбайнов, в перспективе может выпускать литий-ионные тяговые батареи (к примеру, 42-квт-ные литий-ионные батареи с напряжением 400 вольт) для тракторов и комбайнов в целях замены дизельного двигателя электрическим двигателем (например, асинхронным трехфазным электродвигателем с воздушным охлаждением) и направлять их на сборочные заводы сельскохозяйственного машиностроения республики. У этого завода многие производственные и офисные процессы автоматизированы. Реальное развитие каждого предприятия связано с использованием полной цифровизации и инновации [5, с.16].

Но внедренных элементов цифровизации в деятельность тридцати агро-машиностроительных заводов республики недостаточно. Необходимо внедрить цифровые средства и связанные с ними технологии искусственного интеллекта (нейронной сети) с тем, чтобы повысить качество производимых сельскохозяйственных машин, усилить скорости функционирования производственных операций, увеличив тем самым количество выпускаемых машин [6, с.134].

Результаты

Каковы пути и средства внедрения цифровых технологий в деятельность заводов по выпуску нужной для АПК сельскохозяйственной техники? Ответом на вопрос могут стать ниже перечисляемые средства: 1)глубокое изучение коллективом завода всех цифровых технологий, их сути, преимуществ на каждом рабочем месте, в каждом цехе; 2)выбор такой высокопрофессиональной IT-компании для внедрения технологий, которая специализируется в машиностроительной сфере; 3)поиск и нахождение заводом финансовых средств на приобретение инфраструктуры по функционированию цифровых технологий (государственное субсидирование, венчурное финансирование, выпуск на бирже облигаций завода, выделение части прибыли завода); 4)приглашение инженеров агромашиностроительных заводов (компаний) из развитых в

отношении сельскохозяйственного машиностроения стран (США, Германии, России, Южной Кореи), имеющих богатый практический опыт работы с цифровыми технологиями; 5) грамотное организационно-пошаговое, нормативно-правовое (инструктивное) урегулирование внедрения цифровых инструментов в рамках завода в производственный процесс; 6) создание совместных агро-машиностроительных предприятий с приглашением иностранных инвесторов и специалистов.

Внедрение промышленного интернета вещей или IIoT как главного сегмента цифровизации на агро-машиностроительном заводе республики обеспечит взаимосвязь, соединит работу цифровых данных, станков и работников (людей) в производственных процессах. Эта цифровая технология использует сенсоры, роботов и совокупность громадной массы данных для постоянного взаимодействия между собой в процессе изготовления соответствующих технических компонентов трактора, комбайна, тех или иных видов сельскохозяйственного оборудования. Завод должен осуществлять мониторинг производственного процесса завода на каждом участке. Иначе говоря, завод сельскохозяйственного машиностроения, претендующий на статус цифровизированного предприятия, не сможет им стать, если на его станках, оборудовании, конвейерах, производственных и иных помещениях не будут установлены тысячи датчиков с микросхемами, передающими громадные потоки цифровых данных от каждого станка и оборудования на серверы или в облачные технологии.

Благодаря большим данным (big data) - еще одной цифровой технологии - постоянный анализ больших данных [7] в машиностроительном предприятии увеличит прибыль в связи с проводимой оптимизацией производственных процессов. Смысл оптимизации заключается в том, что благодаря анализу собранных данных можно видеть решения, неработающие на практике и приводящие к снижению производительности соответствующих цехов и завода в целом. Это позволит не только отказаться от таких решений, но и переиначить структуру организации, а также скорректировать должностные обязанности своих сотрудников. Установленные на всех станках, конвейерах датчики на основе сбора цифровых данных могут прогнозировать возможные поломки в станке или оборудовании. Эта система тем самым позволит планировать организационные технические работы до возникновения прогнозируемой поломки той или иной детали станка. Кроме того, такой сбор и анализ больших данных увеличит производство примерно на 10 процентов, реально улучшит систему доставки (поставок) произведенных плугов, борон, сеялок, сенокосилок, электромоторных, беспилотных комбайнов и тракторов, создаст дополнительные условия для большей удовлетворенности клиентов-казахстанских фермеров.

Следующая цифровая технология - дополненная реальность путем накладывания реальных данных и виртуальных образов может сверять, насколько точно выполняются все стадии работ. Эта цифровая технология

позволит на 11 процентов поднять производительность труда каждого работника завода. Рабочее место и действия каждого руководителя, офисного работника, инженера, мастера, рабочего должны быть предельно оцифрованы: это касается прихода каждого из них на работу, получения наряд-задания, ознакомления с законами, а также нормативными документами по министерству, заводу, соблюдения им производственных правил, правил техники безопасности, внесения им рационализаторских, изобретательских предложений, составления им отчета о выполненных видах работ. Аддитивные технологии как разновидность цифровой технологии представляют собой «трёхмерную печать» или «3D-печать», которую можно в перспективе использовать для производства высокоточных изделий в машиностроении [8]. Роботов, задействованных в процесс цифровизации и функционирующих на основе программирования искусственного интеллекта на казахстанских заводах немного, поэтому необходимо резко увеличить их численность и разнообразить их функциональное содержание. Это позволит автоматизировать производственные операции в масштабе всего завода и увеличить его производительность, эффективность до 40 процентов. Было бы целесообразно разработать и принять новый казахстанский закон «О внедрении цифровых технологий в отрасли промышленности, машиностроения», который регулировал бы и сельскохозяйственное машиностроение в этом вопросе.

Если технологически грамотно будут использованы все внедренные цифровые технологии на заводе, то это позволит повысить производительность труда до 160 процентов, «увеличить выход продукции» до 200 процентов [9, с.136]. Надо более тщательно проверить и перепроверить приведенные А. Трачуком и Н. Ндер чересчур большие цифры процентов. Масштабируя все виды и объемы внедрения цифровых и ИИ-технологий, необходимо добиться того, чтобы все агро-машиностроительные заводы Казахстана стали «умными» заводами, которые могли бы производить электромоторные, беспилотные тракторы и комбайны, разнообразные виды сельскохозяйственного оборудования высокого качества и в большом количестве. Преимущества цифровых технологий в машиностроении состоят в следующем: 1)они содействуют автоматизации процессов производства; 2)они оказывают значительное содействие изготовлению очень сложных машиностроительных механизмов и деталей; 3) они повышают эффективность заводского производства и производительности труда, при этом бракованная продукция практически исключается; 4)они роботизацией решают вопросы опасного производства, что позволяет не рисковать жизнями рабочих и специалистов; 5)они содействуют выполнению индивидуальных заказов, скажем, на производство мини-трактора; 6)они способствуют производству машинокомплектов и осуществлению промышленной сборки сельскохозяйственной техники в большом количестве и в предельно короткие сроки; 7)они улучшают управленческий процесс всего агромашиностроения.

Установки электродвигателей на производимые тракторы и комбайны взамен двигателей внутреннего сгорания на конвейерах агромашиностроительных заводов республики осуществляются не только из соображений экологической чистоты в целях укрепления здоровья и снижения смертности селян, но и из того, что запасы нефти в мире и Казахстане закончатся в ближайшие 40-50 лет. К тому же испытания показали, что электромоторные тракторы марки «Беларус» (Минский тракторный завод) оказались мощнее аналогичных тракторов с дизельными двигателями. Производя колесные тракторы марки МТЗ-82, казахстанские заводы сельскохозяйственного машиностроения могли бы выпускать те же колесные тракторы с установлением на их рамы не дизельных, а электрических двигателей мощностью примерно 60 кВт или 81 л. с. Машиностроители должны устанавливать на таком тракторе литий-ионные тяговые батареи. Такой трактор понравится механизатору простотой обслуживания, облегченностью подпитки батареи, проведением ремонтных работ, отсутствием шума и вредных для здоровья выбросов. Было бы желательно разработать и принять новый казахстанский закон «О переводе всех бензиново-дизельных транспортных, сельскохозяйственных и иных машин на электрическую тягу».

На этих же заводах машиностроители республики должны производить беспилотные сельскохозяйственные машины, которые прошли успешные испытания в ряде стран [10]. Это связано с тем, что в республике наблюдается дефицит в кадрах: ежегодно не хватает более 170 тысяч специалистов, среди которых наибольшее число приходится на механизаторов (трактористов, комбайнеров). Один оператор мог бы управлять группой тракторов при выполнении земледельческих работ, целым рядом комбайнов в период уборки соответствующего урожая.

Чтобы выпускать такие машины, нужно, чтобы в цехах, складах, иных помещениях завода и между ними курсировали электромобильные, беспилотные грузовые кары. Познав производственные механизмы и программирование искусственного интеллекта на собственных электромобилях, работники завода будут производить высококачественные беспилотные обычные и мини-комбайны и тракторы. Для этого они могут устанавливать автопилот, к примеру, российский механизм «Агродроид С2-А2» (он прошел успешные испытания в Белгородской и Томской областях). Для обеспечения беспилотного вождения трактора или комбайна машиностроители должны установить лидар или радар, видеокамеры, датчики работы основных узлов комбайна или трактора, систему компьютерного зрения, чтобы машина могла объезжать препятствия и двигаться в заданном направлении, датчики погодных условий, программирование алгоритмов принятия машиной решений как в штатных, так и в нештатных ситуациях. Для ускорения решения вопроса о производстве беспилотных тракторов и комбайнов необходимо принять правительственное постановление «О целесообразности производства беспилотных сельскохозяйственных, транспортных и иных машин»,

детализированные инструктивные документы о производстве этих машин, а также стандарты по внедрению программирования для беспилотного вождения машин.

Казахстаном как субъектом международного права и ЮНИДО (Организацией Объединенных Наций по индустриальному развитию) в 2015 году была подписана двусторонняя Декларация о сотрудничестве в целях привлечения знаний экспертов данного специализированного учреждения ООН для оказания содействия усилиям казахстанского Правительства по индустриализации сельскохозяйственной экономики, ее агропромышленного комплекса. На этой международно-правовой основе Казахстан мог бы проинициировать открытие в одном из казахстанских городов Центра ЮНИДО о международном промышленном сотрудничестве, как это сделала Российская Федерация 18 декабря 1989 года. Такой Центр мог бы оказывать организационное-правовое, консультационно-технологическое, научно-образовательное содействие предприятиям сельскохозяйственного машиностроения страны, в частности, «АгромашхолдингуKZ», «Казахстанской агро-инновационной корпорации», «Костанайскому тракторному заводу», «МТЗ-Казахстан», «Южно-Казахстанскому машиностроительному заводу», заводу элеваторного оборудования «Астык», заводу по производству оборудования для животноводства, птицеводства «AgroService KZ», компании по почвообрабатывающему оборудованию «KazAgro», «Петропавловскому тракторному заводу».

В течение 2022 года ЮНИДО заключило десятки соглашений с государствами, международными организациями, с индустриальными компаниями. В частности, одно из соглашений называлось Соглашением об основах стратегического партнерства между ЮНИДО и министерством продовольствия, сельского хозяйства и легкой промышленности Монголии на период 2021-2025 годов, подписанного 25 февраля 2022 года [11, с. 34]. Исходя из этого примера, казахстанские министерства сельского хозяйства и индустрии и инфраструктурного развития могли бы подписать соглашение об основах стратегического партнерства по вопросам развития сельскохозяйственного машиностроения в Казахстане. Есть смысл обратить внимание на Соглашение между ЮНИДО и Китайским международным центром по экономическому и технологическому сотрудничеству для реализации проекта «Содействие созданию и развитию Международного центра водородной энергетики», подписанное 11 и 23 августа 2022 года [12, с. 37]. Министерство энергетики Республики Казахстан, Центр компетенций по водородной энергетике могли бы подписать с ЮНИДО аналогичное соглашение с учетом того, что Казахстан планирует строительство завода о выработке «зеленого» водорода на западе страны. Именно экологически чистый водород станет топливом для многочисленных электростанций, которые будут снабжать электроэнергией не только промышленные, машиностроительные объекты, но и аккумуляторные

батарей, электродвигатели, автопилотные механизмы сотен тысяч самоходных сельскохозяйственных машин Республики Казахстан.

Масштабной деятельности Центра ЮНИДО и заводов агротехнического машиностроения могли бы содействовать многочисленные договоры, контракты и соглашения, которые регулировались бы нормами казахстанского гражданского права и международного частного права. При договорном сотрудничестве с Центром, при содействии руководства ЮНИДО на основании международного публичного права Республика Казахстан могла бы предложить на ближнюю и отдаленную перспективу приступить к разработке, подписанию таких универсальных и региональных международных договоров, соглашений, конвенций, как: «О взаимном согласовании промышленной политики государств в области сельскохозяйственного машиностроения», «О внедрении государствами цифровизации, автоматизации производственных процессов заводов в сфере аграрно-технического машиностроения», «О соединении усилий государств и компаний (заводов, предприятий) по запуску в серийное производство беспилотных транспортных средств для разнообразных сельскохозяйственных нужд», «Об оказании содействия развивающимся странам в осуществлении промышленной сборки сельскохозяйственных машин и оборудования наилучших брендов мирового уровня», «Об оказании взаимного содействия государствами и специализированными международными организациями по обмену новейшими цифровыми и иными технологиями в сфере сельскохозяйственного машиностроения».

Казахстан как субъект международного права, министерство индустрии и инфраструктурного развития как специализированное ведомство по вопросам сельскохозяйственного машиностроения должны принимать активное участие в деятельности Международного союза электросвязи, в таких его фокус-группах, где концентрированно изучают возможные направления стандартизации технических аспектов в сфере искусственного интеллекта, как: FG-ML5G (группа по машинному обучению для будущих сетей, включая сверхскоростную технологию 5G); группа по беспилотному транспорту, в том числе по самоходным сельскохозяйственным машинам. Представители заводов сельскохозяйственного машиностроения республики должны включаться в состав правительственных и министерских делегаций с тем, чтобы они могли четко изучать международный технический и технологический опыт по производству цифровизированной и беспилотной сельскохозяйственной техники, которую можно было бы профессионально эксплуатировать на полях Казахстана.

«Глобальное сообщество специалистов в области технологий из 193 государств-членов и более 900 компаний, университетов, исследовательских институтов и международных организаций. Формируем будущее цифровых технологий – вместе», - так характеризуется членство специализированного учреждения ООН, международной организации – Международного союза электросвязи [13]. Министерство индустрии и инфраструктурного развития и

министерство цифрового развития Республики Казахстан как специализированные государственные ведомства по оказанию содействия в деле внедрения цифровых технологий в деятельность заводов сельскохозяйственного машиностроения республики должны принимать деятельное участие в работе Международного союза электросвязи. Тем самым через свои министерства Республика Казахстан дополнительно могла бы проявлять свою международную правосубъектность. Как видим, сотни компаний входят в состав данной международной организации. Крупные заводы сельскохозяйственного машиностроения Казахстана могли бы войти в состав Международного союза электросвязи и тем самым они могли бы перенимать международный опыт по цифровизации напрямую.

Конструкторские бюро, инженерно-технические службы, работники казахстанских заводов сельскохозяйственного машиностроения в своей повседневной деятельности должны постоянно изучать, глубоко знать, скрупулезно руководствоваться как национальными, так и международными стандартами. Умение следовать этим стандартам является залогом высококачественного производства как отдельных компонентов, так и сельскохозяйственной машины в целом. Международные технические стандарты формулируются Международной организацией по стандартизации. Стандарты этой международной организации охватывают разнообразные сферы, в том числе «механику, машинное оборудование, транспорт, информацию, технологии» [14], которые в значительной мере имеют отношение к цифровизации заводов сельскохозяйственного машиностроения. Наиболее близкими к производству сельскохозяйственных машин и оборудования можно назвать следующие стандарты, которые разрабатываются и разработаны: ISO/IEC 22989, Искусственный интеллект – концепции и терминология (Artificial intelligence — Concepts and terminology); ISO/IEC 23053, Фреймворк систем ИИ, основанных на машинном обучении (Framework for Artificial Intelligence (AI) Systems Using Machine Learning (ML)); ISO/IEC TR 24029-1, Оценка робастности нейронных сетей — часть 1: обзор (Assessment of the robustness of neural networks — Part 1: Overview); ISO/IEC 23894, Управление рисками (Risk Management); ISO/IEC 38507, Последствия использования систем ИИ для систем управления (Governance implications of the use of artificial intelligence by organizations); ISO/IEC TR 20547-1, Эталонная архитектура больших данных: Часть 1, фреймворк и процесс практического применения (Big data reference architecture — Part 1: Framework and application process); ISO/IEC TR 24030, Примеры практического использования (Use cases); ISO/IEC TR 24372, Обзор вычислительных методов в системах ИИ (Overview of computational approaches for AI systems).

Заключение

Обоснована необходимость цифровизации производства заводов сельскохозяйственного машиностроения и показаны новые для Казахстана пути

ее внедрения, чтобы АПК, труженики села могли иметь высококачественную технику в ближней перспективе. Предложены новые казахстанские законы и подзаконные акты для оказания содействия процессу внедрения цифровизации в производство агромашиностроения республики. Период принятия документов в виде технических регламентов, принципов, рекомендаций удобнее назвать периодом нечетких правил, определенного правового вакуума, юридических экспериментов, регуляторных песочниц. Но эти правила станут в существенной мере базовой основой концептуальных подходов, законов, кодексов республики. Сформулированы международно-правовые инструменты, которые раскрыты в ряде специализированных международных, межправительственных организаций и которые оказывают существенное содействие цифровизации производства электромобильной и беспилотной техники для казахстанского агропромышленного комплекса.

Данное исследование осуществлено при финансовой поддержке Комитета по науке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН № AP09261449).

Список литературы

1. Численность населения Республики Казахстан по полу и типу местности (на 1 января 2023 года). [Электрон. ресурс]. - URL: <https://new.stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/6369/> (дата обращения: 15.04.2023).
2. Количество действующих крестьянских хозяйств выросло на 8,7% в Казахстане. [Электрон. ресурс]. - URL: https://el.kz/ru/kolichestvo-deystvuyuschi-krestyanski-hozyaystv-vyroslo-na-87-v-kazahstane_61678/ (дата обращения: 18.04.2023).
3. Административно-территориальные единицы Республики Казахстан. [Электрон. ресурс]. - URL: <https://new.stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-inno/publications/6381/> (дата обращения: 22.04.2023).
4. Носачев П. Цифровой пояс Как Узбекистан и Казахстан превращаются в цифровой хаб. // ИТ в ЦА. Алматы, 2023. С. 15.
5. Сарсен К.А., Кирдасинова К.А., Орозонова А.А. (2023). Мировые тренды измерения инновационного потенциала предприятия. Экономика: стратегия и практика. № 18 (1). С. 6-19.
6. Дорохов А. С., Сибирёв А. В., Аксенов А. Г., Мосяков М. А., Сазонов Н. В. Модель искусственной нейронной сети при повышении эффективности уборки картофеля качественной заделкой посадочного материала // Аграрный научный журнал. 2023. № 1. С. 128–135.
7. Kothapalli M. (2023). The Challenges of Data Quality and Data Quality Assessment in the Big Data. Geethanjali College of Engineering and Technology Hyderabad. Pp. 1-7.
8. Федоренко В. Ф., Голубев И.Г. Перспективы применения аддитивных технологий при производстве и техническом сервисе сельскохозяйственной техники. М.: Юрайт, 2022. 137 с.

9. Трачук А.В., Линдер Н.В. Влияние технологий индустрии 4.0 на повышение производительности и трансформацию инновационного поведения промышленных компаний // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2020. № 11 (2). С. 132-149.

10. Zhanatauov S. U. (2023). A cognitive model recognizing a farmer's dream. *ISJ Theoretical & Applied Science*. No. 03 (119). Pp. 53-61.

11. Ежегодный доклад ЮНИДО за 2022 год – Annual Report 2022. Appendices. Добавление Г. Вена: Организация Объединенных Наций по промышленному развитию, 2023. С. 34.

12. Ежегодный доклад ЮНИДО за 2022 год – Annual Report 2022. Appendices. Добавление Г. Вена: Организация Объединенных Наций по промышленному развитию, 2023. С. 37.

13. Членский состав Международного союза электросвязи. [Электрон. ресурс]. - URL: <https://www.itu.int/hub/membership/> (дата обращения: 30.05.2023).

14. Международная организация по стандартизации (ISO). [Электрон. ресурс]. - URL: <https://global.ihs.com/standards.cfm?publisher=ISO> (дата обращения: 30.05.2023).

References

1. Chislennost' naseleniya Respubliki Kazakhstan po polu i tipu mestnosti (na 1 yanvarya 2023 goda) [Population of the Republic of Kazakhstan by sex and type of locality (as of January 1, 2023)]. [Elektron. resurs]. - URL: <https://new.stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/6369/> (data obrashcheniya: 15.04.2023). (in Russian).

2. Kolichestvo deystvuyushchikh krest'yanskikh khozyaystv vyroslo na 8,7% v Kazakhstane [The number of active farms grew by 8.7% in Kazakhstan]. [Elektron. resurs]. - URL: https://el.kz/ru/kolichestvo-deystvuyushchih-krestyanskih-hozyaystv-vyroslo-na-87-v-kazahstane_61678/ (data obrashcheniya: 18.04.2023). (in Russian).

3. Administrativno-territorial'nyye yedinitsey Respubliki Kazakhstan [Administrative-territorial units of the Republic of Kazakhstan]. [Elektron. resurs]. - URL: <https://new.stat.gov.kz/ru/industries/usiness-statistics/stat-inno/publications/6381/> (data obrashcheniya: 22.04.2023). (in Russian).

4. Nosachev P. Tsifrovoy poyas. Kak Uzbekistan i Kazakhstan prevrashchayutsya v tsifrovoy khab [Digital belt. How Uzbekistan and Kazakhstan are turning into a digital hub] // IT v TSA [IT in Central Asia]. Almaty, 2023. S. 15. (in Russian).

5. Sarsen K.A., Kirdasinova K.A., Orozonova A.A. (2023). Mirovyeye trendy izmereniya innovatsionnogo potentsiala predpriyatiya [Global trends in measuring the innovative potential of an enterprise]. *Ekonomika: strategiya i praktika* [Economy: strategy and practice]. № 18 (1). S. 6-19. (in Russian).

6. Dorokhov A. S., Sibirov A. V., Aksenov A. G., Mosyakov M. A., Sazonov N. V. Model' iskusstvennoy neyronnoy seti pri povyshenii effektivnosti uborki

kartofelya kachestvennoy zadelkoy posadochnogo materiala [A model of an artificial neural network for increasing the efficiency of potato harvesting by high-quality incorporation of planting material // Agrarnyy nauchnyy zhurnal [Agrarian scientific journal]. 2023. № 1. S. 128–135. (in Russian).

7.Kothapalli M. (2023). The Challenges of Data Quality and Data Quality Assessment in the Big Data. Geethanjali College of Engineering and Technology Hyderabad. Pp. 1-7.

8.Fedorenko V. F. Golubev I.G. Perspektivy primeneniya additivnykh tekhnologiy pri proizvodstve i tekhnicheskoy servise sel'skokhozyaystvennoy tekhniki [Prospects for the use of additive technologies in the production and technical service of agricultural machinery]. M.: Yurayt, 2022. 137 s. (in Russian).

9.Trachuk A.V., Linder N.V. Vliyaniye tekhnologiy industrii 4.0 na povysheniye proizvoditel'nosti i transformatsiyu innovatsionnogo povedeniya promyshlennyykh kompaniy [Influence of industry 4.0 technologies on productivity improvement and transformation of innovative behavior of industrial companies] // Strategicheskiye resheniya i risk-menedzhment [Strategic decisions and risk management]. 2020. № 11 (2). S. 132-149. (in Russian).

10.Zhanatauov S. U. (2023). A cognitive model recognizing a farmer's dream. ISJ Theoretical & Applied Science. No. 03 (119). Pp. 53-61.

11.Yezhegodnyy doklad UNIDO za 2022 god – Annual Report 2022. Appendices. Dobavleniye G. [UNIDO Annual Report 2022 - Annual Report 2022. Appendices. Appendix G] Vena: Organizatsiya Ob'yedinennykh Natsiy po promyshlennomu razvitiyu, 2023. S. 34. (in Russian).

12. Yezhegodnyy doklad UNIDO za 2022 god – Annual Report 2022. Appendices. Dobavleniye G. [UNIDO Annual Report 2022 - Annual Report 2022. Appendices. Appendix G] Vena: Organizatsiya Ob'yedinennykh Natsiy po promyshlennomu razvitiyu, 2023. S. 37. (in Russian).

13.Chlenskiy sostav Mezhdunarodnogo soyuza elektrosvyazi [Membership of the International Telecommunication Union]. [Elektron. resurs]. - URL: <https://www.itu.int/hub/membership/> (data obrashcheniya: 30.05.2023). (in Russian).

14.Mezhdunarodnaya organizatsiya po standartizatsii (ISO) [International Organization for Standardization (ISO)]. [Elektron. resurs]. - URL: <https://global.ihs.com/standards.cfm?publisher=ISO> (data obrashcheniya: 30.05.2023). (in Russian).

Охрана культурного наследия в деятельности ЮНЕСКО

Абдуллин Адель Ильсиярович

доктор юридических наук, профессор

заведующий кафедрой международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета,
Казань, Россия
e-mail: Adel.Abdullin@kpfu.ru;
ORCID: 0000-0001-6078-8029; JEL-code: K33 International Law

Гибадуллин Тимур Дамирович
кандидат юридических наук
ассистент кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета,
Казань, Россия
e-mail: TimurDGibadullin@kpfu.ru;
ORCID: 0000-0003-2752-6347; JEL-code: K33 International Law

Аннотация. Научная статья посвящена исследованию актуальных вопросов деятельности Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) в области охраны культурного наследия. На основе анализа Устава данной международной организации авторы рассматривают проблемы её компетенции в указанной сфере. Раскрываются основные функции ЮНЕСКО в области охраны культурного наследия, в частности осуществление образования, продвижения знаний и понимания в данной сфере; рекомендация заинтересованным государствам принятия соответствующих международных договоров; кооперативная функция. Рассматриваются основные направления деятельности данной международной организации, касающиеся охраны культурного наследия, а также степень самостоятельности ЮНЕСКО в данных вопросах. Указывается на отсутствие полной зависимости этой международной организации от государств-членов в рассматриваемой сфере и приводятся конкретные примеры сохранения культурного наследия благодаря усилиям ЮНЕСКО. Обсуждаются основные положения Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. и Конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 г. как примеров международных договоров, принятых под эгидой ЮНЕСКО и институциональный механизм которых администрируется ей. Затрагивается вопрос влияния данной международной организации на международные договоры об охране культурного наследия, принятые под её эгидой. Делается заключение о том, что ЮНЕСКО вынуждена находить баланс между высокими целями, заложенными в её Уставе, и практическими реалиями её деятельности.

Ключевые слова: ЮНЕСКО, культурное наследие, культурные ценности, культурное достояние, общее наследие, всемирное наследие, Список всемирного наследия

ЮНЕСКО қызметіндегі мәдени мұраны қорғау

Абдуллин Адель Ильсиярович

заң ғылыми докторы, профессор

Қазан (Еділ) федералды университетінің Халықаралық және Еуропалық құқық кафедрасының меңгерушісі,

Қазан, Ресей

e-mail: Adel.Abdullin@kpfu.ru;

ORCID: 0000-0001-6078-8029; JEL-code: K33 International Law

Гибадуллин Тимур Дамирович

заң ғылыми кандидат

Қазан (Еділ) федералды университетінің Халықаралық және Еуропалық құқық кафедрасының ассистенті,

Қазан, Ресей

e-mail: TimurDGibadullin@kpfu.ru;

ORCID: 0000-0003-2752-6347; JEL-code: K33 International Law

Түйіндеме. Ғылыми мақала Біріккен Ұлттар Ұйымының білім, ғылым және мәдениет мәселелері жөніндегі (ЮНЕСКО) мәдени мұраны қорғау саласындағы қызметінің өзекті мәселелерін зерттеуге арналған. Осы халықаралық ұйымның жарғысын талдау негізінде авторлар оның осы саладағы құзыретінің мәселелерін қарастырады. ЮНЕСКО-ның мәдени мұраны қорғау саласындағы негізгі функциялары, атап айтқанда, білім беруді жүзеге асыру, осы салада білім мен түсінуді ілгерілету; мүдделі мемлекеттерге тиісті халықаралық шарттарды қабылдауды ұсыну; кооперативтік функция ашылады. Мәдени мұраны қорғауға қатысты осы халықаралық ұйым қызметінің негізгі бағыттары, сондай-ақ осы мәселелердегі ЮНЕСКО-ның дербестік дәрежесі қарастырылады. Қарастырылып отырған салада осы халықаралық ұйымның мүше мемлекеттерге толық тәуелділігінің жоқтығы көрсетілген және ЮНЕСКО-ның күш-жігерінің арқасында мәдени мұраны сақтаудың нақты мысалдары келтірілген. 1972 жылғы дүниежүзілік мәдени және табиғи мұраны қорғау туралы конвенцияның және 2003 жылғы материалдық емес мәдени мұраны қорғау туралы конвенцияның негізгі ережелері талқыланады. ЮНЕСКО қамқорлығымен қабылданған және институционалдық механизмі оған басқарылатын халықаралық шарттардың мысалдары ретінде. Осы халықаралық ұйымның оның қамқорлығымен қабылданған Мәдени мұраны қорғау туралы халықаралық шарттарға әсері мәселесі қозғалады. ЮНЕСКО өзінің жарғысында белгіленген жоғары мақсаттар мен оның қызметінің практикалық шындықтары арасындағы тепе-теңдікті табуға мәжбүр деген қорытынды жасалады.

Негізгі сөздер: ЮНЕСКО, мәдени мұра, мәдени құндылықтар, мәдени мұра, ортақ мұра, Дүниежүзілік мұра, Дүниежүзілік мұра тізімі.

Protection of cultural heritage in the activities of UNESCO

Abdullin Adel Ilsiyarovich

Doctor of Legal Sciences, Professor

Head of the Department of International and European Law, Kazan (Volga region) Federal University,

Kazan, Russia

e-mail: Adel.Abdullin@kpfu.ru;

ORCID: 0000-0001-6078-8029; JEL-code: K33 International Law

Gibadullin Timur Damirovich

Candidate of Legal Sciences

Assistant at the Department of International and European Law, Kazan (Volga region) Federal University,

Kazan, Russia

e-mail: TimurDGibadullin@kpfu.ru;

ORCID: 0000-0003-2752-6347; JEL-code: K33 International Law

Abstract. The scientific article is devoted to the study of topical issues in the activities of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO) in the field of cultural heritage protection. Based on an analysis of the Constitution of this international organization, the authors consider the problems of its competence in this area. The main functions of UNESCO in the field of cultural heritage protection are revealed, in particular the implementation of education, promotion of knowledge and understanding in this area; recommendation of the adoption of relevant international treaties to interested States; cooperative function. The main areas of activity of this international organization related to the protection of cultural heritage, as well as the degree of independence of UNESCO in these matters, are considered. The lack of complete dependence of this international organization on Member States in the area under consideration is pointed out and specific examples of saving cultural heritage thanks to the efforts of UNESCO are given. The main provisions of the 1972 Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage and of the 2003 Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage, as examples of international treaties adopted under the auspices of UNESCO and the institutional mechanism of which is administered by it, are discussed. The issue of the influence of this international organization on international treaties on the protection of cultural heritage adopted under its auspices is raised. The conclusion is drawn that UNESCO is forced to find a balance between the high goals laid down in its Constitution and the practical realities of its activities.

Keywords: UNESCO, cultural heritage, cultural property, cultural patrimony, common heritage, World Heritage, World Heritage List

Введение. Вопросы охраны бесценных достояний культуры — памятников архитектуры, произведений изобразительного искусства, археологических находок, обычаев, форм выражения и представления и многих других — уже долгое время находятся на международной повестке. Международное сообщество не перестаёт вести работу по выработке мер, направленных на противодействие угрозам для подобных объектов и проявлений. Тем не менее, эти угрозы всё ещё вполне реальны, причём они существуют как в контексте вооружённых конфликтов, так и вне них — ввиду проведения общественных работ, загрязнения окружающей среды, хищений [2, с. 123].

Материалы и методы. Несмотря на имеющиеся в современной мире заметные тенденции регионализации, универсальные международные механизмы и, в частности, универсальные международные организации продолжают играть существенную роль в сфере охраны культурного наследия. Это не случайно: в некоторых международно-правовых актах подобные объекты и проявления называются не иначе как наследием всего человечества. Кроме того, на наш взгляд, вопросы культуры являются одними из подлинно общечеловеческих проблем, что стимулирует сотрудничество государств в данной сфере на глобальном уровне. В связи с этим мы считаем, что в ближайшей перспективе роль универсальных международных организаций в области охраны культурного наследия будет оставаться значительной.

Нельзя не согласиться с мнением целого ряда специалистов, что среди универсальных международных организаций главенствующую позицию в деле охраны культурного наследия занимает Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) [1, с. 50–51; 11, р. 413; 15, р. 156; 16, р. 6; 19, р. 755].

Данная международная организация была учреждена 16 ноября 1945 г. в соответствии с международным договором, именуемым Устав Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры [8]. ЮНЕСКО является специализированным учреждением ООН, связанным с последней Соглашением между Организацией Объединённых Наций и Организацией Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры 1946 г. [7; 22, р. 738]. Этот документ предусматривает эффективное сотрудничество между данными международными организациями в достижении их общих целей, одновременно признавая автономию ЮНЕСКО в областях её компетенции [22, р. 738].

Обсуждение. По состоянию на ноябрь 2023 г. рассматриваемая международная организация имеет 194 государства-члена (в число которых входят в том числе Российская Федерация и Республика Казахстан), а также 12 ассоциированных членов («членов-сотрудников») [23].

В соответствии со ст. III Устава ЮНЕСКО её органами являются Генеральная конференция, Исполнительный совет и Секретариат.

Компетенция данной международной организации в сфере охраны культурного наследия закрепляется уже в ст. I Устава. Она проистекает из

задачи ЮНЕСКО, которой согласно п. 1 ст. I Устава является содействие укреплению мира и безопасности с помощью расширения сотрудничества народов в сфере науки, культуры и образования, чтобы обеспечить универсальное уважение законности, справедливости, прав человека и основных свобод, закреплённых для всех народов без различия пола, расы, религии или языка в Уставе ООН. В свою очередь, пп. с) п. 2 ст. 1 предусматривает, что в этих целях ЮНЕСКО способствует сохранению, распространению и увеличению знаний, в числе прочего содействуя сохранению и охране мирового наследия человечества, такого как произведения искусства, книги, памятники, имеющие научное и историческое значение, а также рекомендуя заинтересованным государствам принятие соответствующих международных договоров.

В том числе вышеуказанное также позволяет выделить ряд функций данной международной организации в сфере охраны культурного наследия. Первая из них предполагает достижение задачи ЮНЕСКО через образование, продвижение знаний и понимания, что подразумевается в вышеупомянутом положении о содействии данной международной организацией сохранению и охране мирового наследия человечества, такого как произведения искусства, книги, памятники, имеющие научное и историческое значение [11, р. 414]. В качестве второй функции можно выделить также упоминавшуюся рекомендацию заинтересованным государствам принятия соответствующих международных договоров [11, р. 414]. Представляется, что с точки зрения международно-правовой охраны культурного наследия эта функция является главной. При этом она проистекает из третьей, кооперативной функции: в её рамках ЮНЕСКО обеспечивает рассмотрение государствами вопросов, представляющих общий интерес для человечества, создаёт совместно с государствами соответствующие кооперативные режимы [11, р. 414].

Кроме того, М.М. Богуславский выделяет ряд направлений деятельности ЮНЕСКО в сфере охраны культурного наследия, которые, как видится, во многом проистекают из рассмотренных выше функций. К ним он относит помощь государствам-членам по охране их культурного наследия; содействие обмену информацией в данной сфере; подготовку международных договоров и иных международно-правовых актов; организацию семинаров по применению международных договоров и иных мероприятий, проведение консультаций по разработке национального законодательства [1, с. 52].

Представляется, что отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о степени самостоятельности ЮНЕСКО, её возможности действовать по собственной инициативе. Здесь в первую очередь необходимо отметить, что, безусловно, межправительственный характер данной международной организации обуславливает зависимость её повестки, приоритетов и достижений от государств-членов [25, р. 14]. Как указывается А.Ф. Врдоляк и Л. Мескелл, необходимо понимать, что утопические идеалы, о которых говорилось при учреждении ЮНЕСКО, постепенно были заменены

межправительственными императивами [25, р. 39]. Кроме того, важно помнить о таких ограничителях самостоятельности данной международной организации, как её программа и бюджет, утверждаемые государствами-членами [11, р. 414].

Тем не менее, всё это не исключает самостоятельности обсуждаемой международной организации в некоторых вопросах, ряд из которых уже были упомянуты выше, в том числе как направления деятельности ЮНЕСКО в сфере охраны культурного наследия. Также не стоит забывать об оказании рассматриваемой международной организацией влияния на государства с целью сохранения культурного наследия, и не только с помощью правовых мер [11, р. 414]. ЮНЕСКО также может делать это, например, путём убеждения и политического давления на государства, особенно на международных площадках, или через обещание административной, технической и иногда финансовой помощи [11, р. 414].

Можно привести в пример ряд случаев, когда подобные усилия помогли данной международной организации сохранить культурное наследие. К ним относится предотвращение: строительства завода по переработке бокситов рядом с археологическим памятником в Дельфах, Греция; затопления памятников наскального искусства в долине реки Коа в Португалии во время строительства плотины; строительства шоссе рядом с пирамидами Гизы в Египте; строительства канатной дороги в Мачу-Пикчу в Перу [14, р. 325 (приводится по: 11, р. 414–415)].

Анализ деятельности ЮНЕСКО в сфере охраны культурного наследия был бы неполным без более детального исследования непосредственно правового измерения её работы в данной области.

В первую очередь здесь необходимо отметить, что именно ЮНЕСКО сыграла решающую роль в формировании современного режима международно-правовой охраны культурного наследия на универсальном уровне. Началом его становления мы считаем заключение в 1954 г. Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооружённого конфликта [3], которая была принята именно под эгидой ЮНЕСКО. Можно сказать, что с этого же года международно-правовая охрана культурного наследия начала занимать одно из главных мест в деятельности данной международной организации [17, р. 249].

Документы ЮНЕСКО занимают доминирующее положение в сфере международно-правовой охраны культурного наследия [16, р. 6]. В частности, и другие основные международные договоры, касающиеся данных объектов и проявлений, были приняты под эгидой именно этой международной организации [25, р. 14].

Реализация программ по содействию международному сотрудничеству, поощрению справедливого обмена культурным наследием, технической помощи по совершенствованию национальных законодательств в сфере его охраны, профессиональному образованию и просвещению общественности — всё это осуществляется ЮНЕСКО, а также организациями-партнёрами при

сотрудничестве с правительствами государств в том числе и для поддержки установленного международно-правового режима [17, p. 250].

Стоит отметить, что связь данной международной организации с конвенциями по охране культурного наследия, заключёнными под её эгидой, не ограничивается непосредственно предоставлением площадки для их принятия: ЮНЕСКО в том числе администрирует институциональный механизм ряда из них.

Помимо уже упомянутой Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооружённого конфликта 1954 г. это касается, в частности, Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. [5], которая является наиболее успешным и известным международным договором, подготовленным под эгидой данной международной организации [18, p. 102]. Об этом свидетельствует в том числе тот факт, что по состоянию на ноябрь 2023 г. в рассматриваемой Конвенции участвуют 195 государств (в том числе Российская Федерация и Республика Казахстан) [26] — больше, чем в каком-либо другом из всех существующих международных договоров, касающихся культурного наследия [13, Annex II, p. 10].

У упомянутого успеха есть конкретная причина. Как пишет Ф. Франчиони, в данной Конвенции найден баланс между общим интересом всего человечества в сохранении культурных и природных сокровищ и интересом конкретных государств в максимальной популяризации таких объектов [12, para. 14].

Конвенция 1972 г. направлена на охрану культурного и природного наследия, имеющего выдающуюся универсальную ценность (ст. ст. 1, 2), а фундаментом механизма данного международного договора является Список всемирного наследия [16, p. 7–8] (ст. 11), куда могут быть внесены объекты, одновременно имеющие упомянутую ценность и удовлетворяющие иным высоким критериям [20, paras. 77–78].

Можно сказать, что включение того или иного объекта в Список всемирного наследия говорит о заинтересованности в его сохранении со стороны всего человечества [12, para. 14]. Запускается механизм международного сотрудничества, включающего в числе прочего предоставление международной помощи (ст. ст. 19–26 Конвенции) или, в случае срочной необходимости, внесение объекта в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой [12, para. 14] (п. 4 ст. 11).

Решение о внесении того или иного объекта в данные списки принимается Комитетом всемирного наследия (ст. 11) — межправительственным органом, учреждённым рассматриваемым международным договором при ЮНЕСКО (ст. 8). Последняя участвует и в формировании его Секретариата: он назначается Генеральным директором данной международной организации (ст. 14).

По состоянию на ноябрь 2023 г. в Список всемирного наследия внесено 6 объектов, находящихся на территории Республики Казахстан, и 31 объект, расположенный в Российской Федерации [28]. 31-ым из них стали

Астрономические обсерватории Казанского федерального университета, которые были внесены в Список в сентябре 2023 г. [10, p. 449].

Следует, помимо этого, отметить учреждение Конвенцией Фонда всемирного наследия (ст. 15), а также тот факт, что в 1992 г. в качестве единого секретариата для культурного и природного наследия и как средство достижения целей данного международного договора был создан Центр всемирного наследия [16, p. 7] — опять же в рамках ЮНЕСКО. Его можно назвать координационным центром в пределах данной международной организации по всем вопросам, связанным с всемирным наследием [27].

Интерес в рамках нашего исследования представляет и ещё один из наиболее успешных международных договоров, принятых под эгидой ЮНЕСКО — Конвенция об охране нематериального культурного наследия 2003 г. [6]

В сфере охраны культурного наследия международное сообщество долгие годы уделяло внимание лишь материальным объектам. Подобное положение дел может быть объяснено существующим в западной культуре пониманием, что выражение творческих способностей человека должно иметь именно материальную форму [12, para. 18]. Однако в иных культурах, особенно в Азии и Африке, культурное наследие представлено в значительной мере устными традициями, исполнительскими искусствами, практиками и иными нематериальными формами выражения [12, para. 18].

К. Одендаль указывает, что лишь ближе к 90-м гг. XX века международным сообществом, в том числе ввиду растущего осознания последствий глобализации, начинают приниматься правовые меры по охране нематериального культурного наследия [18, p. 111]. Именно заключение в 2003 г. под эгидой ЮНЕСКО Конвенции об охране нематериального культурного наследия можно назвать их кульминацией. Она стала первым универсальным международным договором, посвящённым данным вопросам, как об этом говорится в абзаце 9 её преамбулы.

По состоянию на ноябрь 2023 г. в данном международном договоре участвует 181 государство, в том числе Республика Казахстан [9]. Российская Федерация данную Конвенцию не ратифицировала [9]. Среди всех принятых в мире международных договоров, касающихся культурного наследия, обсуждаемый международный договор занимает второе место по числу государств-участников (впереди него находится только Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г.) [13, Annex II, p. 10].

Два упомянутых международных договора сближает то, что система охраны, выстроенная в более позднем из них, во многом базируется на такой системе, предусмотренной в более раннем [25, p. 36]. Однако Конвенция об охране нематериального культурного наследия 2003 г. пошла дальше, и, в частности, определение культурного наследия, содержащееся в ней, можно назвать более широким и комплексным, чем такое определение из какого-либо

другого универсального международного договора, касающегося данных объектов и проявлений [25, р. 36].

П. 1 ст. 2 Конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 г. характеризует последнее как формы выражения и представления, обычаи, навыки и знания (и, кроме того, связанные с ними предметы, инструменты, культурные пространства и артефакты), которые признаны группами, сообществами, а также, в некоторых случаях, отдельными лицами как часть их культурного наследия. При этом Конвенция охватывает не любые подобные проявления: они должны соответствовать международному праву прав человека, не нарушать требования взаимного уважения и устойчивого развития (п. 1 ст. 2).

Данный международный договор говорит об охранных мерах в отношении нематериального культурного наследия на двух уровнях: национальном и международном. В охранных мерах на международном уровне прослеживается сходство с нормами Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. [18, р. 112]: также учреждаются два международных списка — Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества (ст. 16) и Список нематериального культурного наследия, нуждающегося в срочной охране (ст. 17). Более того, их составлением, обновлением и публикацией тоже занимается межправительственный комитет (ст. ст. 16, 17), также учреждённый при ЮНЕСКО (ст. 5). В Конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 г., более того, прямо предусматривается, что Секретариат упомянутой международной организации оказывается помощь данному комитету, в том числе готовит для него документацию, проекты повестки дня его заседаний и обеспечивает выполнение принимаемых им решений (ст. 10). Таким образом, как и в случае с Конвенцией об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г., ЮНЕСКО вносит значительный вклад в обеспечение функционирования институционального механизма рассматриваемого международного договора.

Говоря об иных сходствах упомянутых международных договоров, можно отметить, что в соответствии с Конвенцией об охране нематериального культурного наследия 2003 г. также, например, создаётся целевой фонд — Фонд нематериального культурного наследия (ст. ст. 25–28).

Однако следует помнить, что более ранний из упомянутых международных договоров охраняет объекты, имеющие «выдающуюся универсальную ценность». В то же время Конвенция об охране нематериального культурного наследия 2003 г. направлена на охрану проявлений, важных в первую очередь для сообществ (а также групп и отдельных лиц), создавших и поддерживающих их, а значит и для сохранения богатого разнообразия форм культурного самовыражения человечества [12, para. 19].

Наконец, заслуживает внимания вопрос влияния со стороны ЮНЕСКО на международные договоры, принятые под её эгидой. Здесь можно выделить, в частности, такие факторы, как расширение и диверсификация членского состава ЮНЕСКО, а также различные приоритеты лиц, занимавших должность Генерального директора данной международной организации [24, р. 3].

Так, для государств, недавно получивших независимость, наиболее важно было преодолеть культурные потери, происходившие из-за нерегулированного оборота культурного наследия [24, р. 3]. Представляется, что это сказалось на принятии, в частности, Конвенции о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности 1970 г. [4].

Что касается более недавних приоритетов государств-членов, к ним стоит отнести, например, стремление стран Азии и Африки, столкнувшихся в конце XX века с проблемами стремительного экономического развития, устранить пробел в международно-правовой охране культурного наследия, касавшийся его нематериальных проявлений [24, р. 3]. Несомненно, что кульминацией соответствующих усилий стало принятие Конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 г.

Результаты и заключение. Подводя итог, можно сделать вывод, что деятельность ЮНЕСКО в сфере охраны культурного наследия не теряет своей актуальности и является примером эффективной реализации международной организацией своих полномочий. Тем не менее, нельзя не отметить, что, в общем и целом, надежды и устремления ЮНЕСКО, хоть и не до конца, но всё же были несколько подорваны той же самой человеческой историей и политикой, что данная международная организация стремилась преодолеть [25, р. 39]. Можно согласиться с существующим в науке мнением, что Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры приходится балансировать между невероятными ожиданиями, закреплёнными в её Уставе, и сложными реалиями, с которыми ей нужно сталкиваться ежедневно [21, р. 5 (приводится по: 25, р. 39)].

Список литературы

1. Богуславский М.М. Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма : ИНФРА-М, 2012. – 416 с. + вкл. (16 с.).
2. Галенская Л.Н. Музы и право: правовые вопросы международного сотрудничества в области культуры. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1987. – 223 с.
3. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооружённого конфликта (14 мая 1954 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. – Вып. XIX. – М.: Госполитиздат, 1960. – С. 114–142.

4. Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (14 ноября 1970 г.) // Сборник международных договоров СССР. – Вып. XLIV. – М.: Международные отношения, 1990. – С. 506–513.

5. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (16 ноября 1972 г.) // Сборник международных договоров СССР. – Вып. XLIV. – М.: Международные отношения, 1990. – С. 496–506.

6. Конвенция об охране нематериального культурного наследия (17 октября 2003 г.) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 19.11.2023).

7. Соглашение между Организацией Объединенных Наций и Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (утверждено 6 декабря 1946 г. Генеральной конференцией и 14 декабря 1946 г. Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций) // Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры: Основные документы. – Издание 2022 года, включающее тексты документов и изменения, принятые Генеральной конференцией на ее 41-й сессии (Париж, 9-24 ноября 2021 г.). – Париж: ЮНЕСКО, 2022. – С. 183–194.

8. Устав Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (16 ноября 1945 г.) // Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры: Основные документы. – Издание 2022 года, включающее тексты документов и изменения, принятые Генеральной конференцией на ее 41-й сессии (Париж, 9-24 ноября 2021 г.). – Париж: ЮНЕСКО, 2022. – С. 5–21.

9. Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage. States Parties [Electronic resource]. URL: <https://www.unesco.org/en/legal-affairs/convention-safeguarding-intangible-cultural-heritage#item-2> (date of access: 19.11.2023).

10. Decisions adopted during the extended 45th session of the World Heritage Committee (Riyadh, 2023). – UNESCO Doc. WHC/23/45.COM/19. – 6 October 2023.

11. Forrest C. International Law and the Protection of Cultural Heritage. – London; New York: Routledge, 2010. – xxii, 458 p.

12. Francioni F. Cultural Heritage // Max Plank Encyclopedia of Public International Law [Electronic resource]. URL: <https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1392?prd=MPIIL> (date of access: 22.02.2022).

13. Implementation of Standard-Setting Instruments. Part I. General Monitoring. Comprehensive Report by the Director-General on UNESCO's Standard-Setting Instruments. – UNESCO Doc. 212 EX/23.I.INF. – 16 August 2021.

14. Musitelli J. World Heritage, between Universalism and Globalization // International Journal of Cultural Property. – 2002. – Vol. 11. – No. 2. – P. 323–336.

15. Nafziger J.A.R. *Frontiers of Cultural Heritage Law*. – Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2021. – xiv, 402 p.
16. Nafziger J.A.R., Paterson R.K. *Cultural heritage law // Handbook on the Law of Cultural Heritage and International Trade* / ed. by J.A.R. Nafziger, R.K. Paterson. – Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar, 2014. – P. 1–18.
17. Nafziger J.A.R., Paterson R.K., Renteln A.D. *Cultural Law: International, Comparative, and Indigenous*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
18. Odendahl K. *Global conventions for the protection of cultural heritage // Cultural Heritage and Legal Aspects in Europe* / ed. by M. Guštin, T. Nypan. – Koper: Institute for Mediterranean Heritage, Institute for Corporation and Public Law, Science and Research Centre, University of Primorska, 2010. – P. 100–113.
19. Odendahl K. *Securing and Enhancing the Common Cultural Heritage // The Council of Europe: Its Law and Policies* / ed. by S. Schmahl, M. Breuer. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – P. 749–768.
20. *Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention*. – UNESCO Doc. WHC.21/01. – 31 July 2021. – 188 p.
21. Preston W., Herman E.S., Schiller H.L. *Hope and Folly: The United States and UNESCO, 1945–1985*. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1989. – xxv, 367 p.
22. Scovazzi T. *International Cultural Heritage Law: The Institutional Aspects // The Oxford Handbook of International Cultural Heritage Law* / ed. by F. Francioni, A.F. Vrdoljak. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – P. 737–759.
23. UNESCO. Member States [Electronic resource]. – URL: <https://www.unesco.org/en/countries> (date of access: 19.11.2023).
24. Vrdoljak A.F., Francioni F. *Introduction // The Oxford Handbook of International Cultural Heritage Law* / ed. by A.F. Vrdoljak, F. Francioni. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – P. 1–10.
25. Vrdoljak A.F., Meskell L. *Intellectual Cooperation Organisation, UNESCO, and the Culture Conventions // The Oxford Handbook of International Cultural Heritage Law* / ed. by F. Francioni, A.F. Vrdoljak. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – P. 13–39.
26. *World Heritage Convention. States Parties* [Electronic resource]. – URL: <https://whc.unesco.org/en/statesparties/> (date of access: 19.11.2023).
27. *World Heritage Centre* [Electronic resource]. URL: <https://whc.unesco.org/en/world-heritage-centre/> (date of access: 19.11.2023).
28. *World Heritage List* [Electronic resource]. URL: <https://whc.unesco.org/en/list> (date of access: 19.11.2023).

References

1. Boguslavskii M.M. *Kul'turnye tsennosti v mezhdunarodnom oborote: pravovye aspekty*. – 2-e izd., pererab. i dop. – M.: Norma : INFRA-M, 2012. – 416 s. + vkl. (16 s.).

2. Galenskaya L.N. Muzy i pravo: pravovye voprosy mezhdunarodnogo sotrudnichestva v oblasti kul'tury. – L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1987. – 223 s.

3. Konventsia o zashchite kul'turnykh tsennosti v sluchae vooruzhennogo konflikta (14 maya 1954 g.) // Sbornik deistvuyushchikh dogovorov, soglashenii i konventsii, zaklyuchennykh SSSR s inostrannymi gosudarstvami. – Vyp. XIX. – M.: Gospolitizdat, 1960. – S. 114–142.

4. Konventsia o merakh, napravlennykh na zapreshchenie i preduprezhdenie nezakonnogo vvoza, vyvoza i peredachi prava sobstvennosti na kul'turnye tsennosti (14 noyabrya 1970 g.) // Sbornik mezhdunarodnykh dogovorov SSSR. – Vyp. XLIV. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1990. – S. 506–513.

5. Konventsia ob okhrane vsemirnogo kul'turnogo i prirodnogo naslediya (16 noyabrya 1972 g.) // Sbornik mezhdunarodnykh dogovorov SSSR. – Vyp. XLIV. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1990. – S. 496–506.

6. Konventsia ob okhrane nematerial'nogo kul'turnogo naslediya (17 oktyabrya 2003 g.) [Elektronnyi resurs]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (data obrashcheniya: 19.11.2023).

7. Soglasenie mezhdru Organizatsiei Ob"edinennykh Natsii i Organizatsiei Ob"edinennykh Natsii po voprosam obrazovaniya, nauki i kul'tury (utverzhdno 6 dekabrya 1946 g. General'noi konferentsiei i 14 dekabrya 1946 g. General'noi Assamblei Organizatsii Ob"edinennykh Natsii) // Organizatsiya Ob"edinennykh Natsii po voprosam obrazovaniya, nauki i kul'tury: Osnovnye dokumenty. – Izdanie 2022 goda, vklyuchayushchee teksty dokumentov i izmeneniya, prinyatye General'noi konferentsiei na ee 41-i sessii (Parizh, 9-24 noyabrya 2021 g.). – Parizh: YUNESKO, 2022. – S. 183–194.

8. Ustav Organizatsii Ob"edinennykh Natsii po voprosam obrazovaniya, nauki i kul'tury (16 noyabrya 1945 g.) // Organizatsiya Ob"edinennykh Natsii po voprosam obrazovaniya, nauki i kul'tury: Osnovnye dokumenty. – Izdanie 2022 goda, vklyuchayushchee teksty dokumentov i izmeneniya, prinyatye General'noi konferentsiei na ee 41-i sessii (Parizh, 9-24 noyabrya 2021 g.). – Parizh: YUNESKO, 2022. – S. 5–21.

9. Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage. States Parties [Electronic resource]. URL: <https://www.unesco.org/en/legal-affairs/convention-safeguarding-intangible-cultural-heritage#item-2> (date of access: 19.11.2023).

10. Decisions adopted during the extended 45th session of the World Heritage Committee (Riyadh, 2023). – UNESCO Doc. WHC/23/45.COM/19. – 6 October 2023.

11. Forrest C. International Law and the Protection of Cultural Heritage. – London; New York: Routledge, 2010. – xxii, 458 p.

12. Francioni F. Cultural Heritage // Max Plank Encyclopedia of Public International Law [Electronic resource]. URL:

<https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1392?prd=MPIL> (date of access: 22.02.2022).

13. Implementation of Standard-Setting Instruments. Part I. General Monitoring. Comprehensive Report by the Director-General on UNESCO's Standard-Setting Instruments. – UNESCO Doc. 212 EX/23.I.INF. – 16 August 2021.

14. Musitelli J. World Heritage, between Universalism and Globalization // *International Journal of Cultural Property*. – 2002. – Vol. 11. – No. 2. – P. 323–336.

15. Nafziger J.A.R. *Frontiers of Cultural Heritage Law*. – Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2021. – xiv, 402 p.

16. Nafziger J.A.R., Paterson R.K. *Cultural heritage law // Handbook on the Law of Cultural Heritage and International Trade* / ed. by J.A.R. Nafziger, R.K. Paterson. – Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar, 2014. – P. 1–18.

17. Nafziger J.A.R., Paterson R.K., Renteln A.D. *Cultural Law: International, Comparative, and Indigenous*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

18. Odendahl K. Global conventions for the protection of cultural heritage // *Cultural Heritage and Legal Aspects in Europe* / ed. by M. Guštin, T. Nypan. – Koper: Institute for Mediterranean Heritage, Institute for Corporation and Public Law, Science and Research Centre, University of Primorska, 2010. – P. 100–113.

19. Odendahl K. Securing and Enhancing the Common Cultural Heritage // *The Council of Europe: Its Law and Policies* / ed. by S. Schmahl, M. Breuer. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – P. 749–768.

20. Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. – UNESCO Doc. WHC.21/01. – 31 July 2021. – 188 p.

21. Preston W., Herman E.S., Schiller H.L. *Hope and Folly: The United States and UNESCO, 1945–1985*. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1989. – xxv, 367 p.

22. Scovazzi T. *International Cultural Heritage Law: The Institutional Aspects* // *The Oxford Handbook of International Cultural Heritage Law* / ed. by F. Francioni, A.F. Vrdoljak. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – P. 737–759.

23. UNESCO. Member States [Electronic resource]. – URL: <https://www.unesco.org/en/countries> (date of access: 19.11.2023).

24. Vrdoljak A.F., Francioni F. Introduction // *The Oxford Handbook of International Cultural Heritage Law* / ed. by A.F. Vrdoljak, F. Francioni. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – P. 1–10.

25. Vrdoljak A.F., Meskell L. Intellectual Cooperation Organisation, UNESCO, and the Culture Conventions // *The Oxford Handbook of International Cultural Heritage Law* / ed. by F. Francioni, A.F. Vrdoljak. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – P. 13–39.

26. World Heritage Convention. States Parties [Electronic resource]. – URL: <https://whc.unesco.org/en/statesparties/> (date of access: 19.11.2023).

27. World Heritage Centre [Electronic resource]. URL: <https://whc.unesco.org/en/world-heritage-centre/> (date of access: 19.11.2023).

28. World Heritage List [Electronic resource]. URL: <https://whc.unesco.org/en/list> (date of access: 19.11.2023).

Обзор основных моделей высшего образования

Давлетгильдеев Рустем Шамилович

доктор юридических наук, профессор,

заместитель декана юридического факультета по международной деятельности, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, профессор кафедры международного и европейского права Казанского Федерального (Приволжского) университета, город Казань, Российская Федерация

e-mail: davletru@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5412-9027

Тлепина Шолпан Валерьевна

доктор юридических наук, профессор,

заведующая кафедрой международного права Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

e-mail: tlepina_shv@enu.kz

ORCID: 0000-0002-6586-3515

JEL-Code K330 Международное право

Аннотация: В статье рассмотрены основные модели высшего образования: континентальная, либеральная (атлантическая), социальная (североевропейская) и консервативная (иерархическая). Континентальная модель традиционно представляется на примерах Германии, Нидерландов, Швейцарии, с акцентом на историю возникновения и опыт германских вузов. Либеральная (атлантическая) модель связана с системами высшего образования Великобритании, США, Ирландии, ее отличительными особенностями являются институциональная и финансовая автономия вузов, их тесная связь с бизнес-сообществом, сильное самоуправление, непрямой контроль со стороны государства, наличие специализированных агентств-посредников, которым делегированы управленческие функции. Либеральная (атлантическая) модель исторически выстраивается на базе двухуровневой системы «бакалавриат + магистратура», это модель «поздней профессиональной дифференциации» (выбор специальности в вузе не предопределяется автоматически типом оконченной школы), соответственно, образовательные траектории учащихся в данной модели не столь жестко детерминированы самим институциональным устройством системы. Социальная (североевропейская) модель представлена на

примере Швеции, консервативная (иерархическая) модель показана на примере Японии.

В процессе подготовки научной статьи авторы руководствовались документами и материалами в сфере высшего и послевузовского образования. Основным методом стал метод теоретического исследования и анализа научных и теоретических материалов. Большое значение имеют резолютивные решения министров науки и высшего образования государств-участников Болонского процесса.

Ключевые слова: системы высшего образования, модели высшего образования, континентальная модель высшего образования, либеральная (атлантическая) модель высшего образования, социальная (североевропейская) модель высшего образования, консервативная (иерархическая) модель высшего образования

Жоғары білім берудің негізгі үлгілеріне шолу

Давлетгильдеев Рустем Шамилович

заң ғылымдарының докторы, профессор,

Заң факультеті деканының халықаралық қатынастар жөніндегі орынбасары, мемлекет және құқық теориясы мен тарихы кафедрасының меңгерушісі, Қазан федералды (Еділ бойы) университетінің халықаралық және еуропалық құқық кафедрасының профессоры,

Қазан, Ресей Федерациясы

e-mail: davletru@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5412-9027

Тлепина Ш.В.

заң ғылымдарының докторы, профессор,

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті Халықаралық құқық кафедрасының меңгерушісі,

Астана, Қазақстан,

sholpanw@yandex.kz

ORCID: 0000-0002-6586-3515

JEL Code K330 International Law

Түйіндеме: Мақалада жоғары білімнің негізгі үлгілері қарастырылады: континенттік, либералдық (атлантикалық), әлеуметтік (солтүстік еуропалық) және консервативті (иерархиялық). Континенталды модель дәстүрлі түрде Германия, Нидерланды және Швейцария мысалдарын пайдалана отырып, неміс университеттерінің пайда болу тарихы мен тәжірибесіне баса назар аударады. Либералдық (атлантикалық) модель Ұлыбританияның, АҚШ-тың, Ирландияның жоғары білім беру жүйелерімен байланысты, оның айрықша белгілері университеттердің институционалдық және қаржылық автономиясы,

олардың бизнес-қоғамдастықпен тығыз байланысы, күшті өзін-өзі басқаруы, жанама бақылауы болып табылады. мемлекет тарапынан, басқару функциялары берілген мамандандырылған делдалдық агенттіктердің болуы. Либералды (атлантикалық) модель тарихи түрде «бакалавр+магистратура» екі деңгейлі жүйе негізінде құрылған, ол «кеш кәсіби саралау» моделі (университеттегі мамандық таңдау автоматты түрде анықталмайды. аяқталған мектеп түрі); сәйкесінше, осы үлгідегі оқушылардың білім беру траекториялары жүйенің институционалдық құрылымымен соншалықты қатаң анықталмаған. Әлеуметтік (солтүстік еуропалық) модель Швеция мысалында, консервативті (иерархиялық) модель Жапония мысалында көрсетілген.

Ғылыми мақаланы дайындау барысында авторлар жоғары және жоғары оқу орнынан кейінгі білім беру саласындағы құжаттар мен материалдарды басшылыққа алды. Негізгі әдіс ғылыми және теориялық материалдарды теориялық зерттеу және талдау әдісі болды. Болон процесіне қатысушы мемлекеттердің ғылым және жоғары білім министрлерінің қарар шешімдерінің маңызы зор.

Негізгі сөздер: жоғары білім беру жүйелері, жоғары білім үлгілері, жоғары білім берудің континенттік моделі, жоғары білім берудің либералдық (атлантикалық) моделі, жоғары білімнің әлеуметтік (солтүстік еуропалық) моделі, жоғары білім берудің консервативті (иерархиялық) моделі

Overview of the main models of higher education

Davletgildeev Rustem Shamilevich

Doctor of Juridical Sciences, Professor,

Deputy Dean of the Faculty of Law for International Affairs, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Professor of the Department of International and European Law, Kazan Federal (Volga Region) University, Kazan, Russian Federation

Kazan, Russian Federation,

e-mail: davletru@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5412-9027

Sholpan V. Tlepina

Doctor of Juridical Sciences, Professor,

Head of the Department of International Law of L.N. Gumilyov Eurasian National University

Astana, Kazakhstan,

sholpanw@yandex.kz

ORCID: 0000-0002-6586-3515

JEL Code K330 International Law

Abstract: The article examines the main models of higher education: continental, liberal (Atlantic), social (Northern European) and conservative (hierarchical). The continental model is traditionally presented using the examples of Germany, the Netherlands, and Switzerland, with an emphasis on the history of the emergence and experience of German universities. The liberal (Atlantic) model is associated with the higher education systems of Great Britain, the USA, and Ireland; its distinctive features are the institutional and financial autonomy of universities, their close connection with the business community, strong self-government, indirect control by the state, the presence of specialized intermediary agencies that managerial functions are delegated. The liberal (Atlantic) model is historically built on the basis of a two-level system “bachelor’s degree + master’s degree”; it is a model of “late professional differentiation” (the choice of a specialty at a university is not automatically determined by the type of school completed); accordingly, the educational trajectories of students in this model are not so strictly determined by themselves institutional structure of the system. The social (Northern European) model is shown using the example of Sweden, the conservative (hierarchical) model is shown using the example of Japan.

In the process of preparing a scientific article, the authors were guided by documents and materials in the field of higher and postgraduate education. The main method was the method of theoretical research and analysis of scientific and theoretical materials. The resolute decisions of the Ministers of Science and Higher Education of the participating States of the Bologna Process are of great importance.

Keywords: higher education systems, higher education models, continental model of higher education, liberal (Atlantic) model of higher education, social (Northern European) model of higher education, conservative (hierarchical) model of higher education

Введение

Болонский процесс в Европе – самая значительная по своим последствиям реформа высшего образования за последние двести лет.

19 июня 1999 года 29 министрами образования европейских государств была подписана знаменитая Болонская декларация, предусматривающая формирование общеевропейского пространства высшего образования.[1]

К сегодняшнему дню 49 государств и Европейская Комиссия являются участниками Болонского процесса. Из этих 49 государств 48 также участвуют в Европейской культурной конвенции Совета Европы 1954 года. В статье 2 этой конвенции указано, что участники должны поощрять изучение своего языка или языков, истории и культуры на территории других участников и предоставлять гражданам этих стран возможности для проведения такого изучения на своей территории. [2]

В 2010 году на Будапештско-Венской встрече к Болонскому процессу присоединилась Республика Казахстан – первое государство, располагающееся

за пределами европейского континента. На той же встрече было официально создано Европейское пространство высшего образования. [3]

Болонский процесс предусматривает сближение систем высшего образования европейских государств с целью функционирования единого европейского пространства высшего образования, направленного на обеспечение совместимости и сравнимости национальных систем высшего образования через установление общих образовательных стандартов, и основывается на добровольном участии в нем заинтересованных государств.

Суть заключается в объединении структурных и содержательных аспектов модернизации образовательного процесса, что приведет к увеличению разнообразия образовательных услуг и продуктов на рынке высшего образования. [4]

Основными документами, организующими международное сотрудничество, выступают декларации и коммюнике, а также стандарты, руководящие принципы, руководства принимаемые министрами образования государств, участвующих в этом процессе.

Европейское пространство высшего образования опирается на международные договоры: с точки зрения членства, для того, чтобы вступить в ЕПВО, требуется участие в Европейской культурной конвенции (1954). [5] Другим важнейшим договорным актом выступает Лиссабонская конвенция Совета Европы о признании квалификаций в отношении высшего образования в Европейском регионе 1997 г., [6] участниками которой являются 56 государств и Европейский Союз, Ереванское коммюнике 2015 г. [7] в приложении II содержит в качестве одного из обязательств проверку внутреннего законодательства государств на предмет обеспечения полного соответствия с положениями Лиссабонской конвенцией. [8]

Определенное значение имеют также Европейская конвенция об общей эквивалентности периодов университетского обучения 1990 г., [9] Европейская конвенция об эквивалентности дипломов, ведущих к доступу в университеты 1953 г. [9] с Протоколом 1964 г., [9] Европейская конвенция об академическом признании университетских квалификаций 1959 г., [10] Европейская конвенция об эквивалентности периодов университетского обучения 1956 г., [11] Конвенция о признании учебных курсов, дипломов о высшем образовании и ученых степеней в государствах региона Европы 1979 г., [12] Международная конвенция о признании учебных курсов, дипломов о высшем образовании и ученых степеней в арабских и европейских государствах бассейна Средиземного моря 1979 г. [13]

В мировой практике существуют несколько основных моделей высшего образования: особо выделяются континентальная и либеральная (атлантическая), также следует отметить североевропейскую модель, имеющую существенную социальную направленность, а также консервативную (иерархическую) модель, свойственную для государств Дальнего Востока. Континентальная модель, примеры которой можно увидеть в Германии,

Нидерландах и Швейцарии, ориентирована на подготовку специалистов и профессионалов. Она подчинена задачам функционирования производственных систем, при этом акцент делается на просветительскую деятельность и овладение необходимыми знаниями, умениями и навыками. [14]

Либеральная модель высшего образования в Великобритании, США и Ирландии характеризуется следующими особенностями, которые отличают ее от других систем:

- 1) Институциональная и финансовая автономия вузов;
- 2) Тесная связь с бизнес-сообществом;
- 3) Сильное самоуправление;
- 4) Непрямой контроль со стороны государства;
- 5) Двухступенчатая система бакалавриата и магистратуры. [15]

Североевропейская модель высшего образования, характерная для скандинавских стран (Швеции, Норвегии, Финляндии), имеет сильную социальную направленность при высокой степени директивности управления. Выше требований экономической эффективности и воспроизводства социальной структуры в североевропейской модели ставятся требования равного доступа к образованию, однородности результатов обучения, социальной ориентации вузов и их “миссия оказания услуг обществу” [53].

Материалы и методы

В процессе подготовки научной статьи авторы руководствовались документами и материалами в сфере высшего и послевузовского образования. Основным методом стал метод теоретического исследования и анализа научных и теоретических материалов. Кроме того, авторами использованы методы эмпирического уровня, а именно: описание, сравнение; методы экспериментально-теоретического уровня – анализ и синтез, моделирование, логический и исторический методы. Были изучены данные научных периодических изданий, исследования зарубежных ученых в сфере международного образовательного права. Большое значение имеют резолютивные решения министров науки и высшего образования государств-участников Болонского процесса. В статье использованы международно-правовые документы, нормативные правовые акты – Европейская культурная конвенция (1954), Лиссабонская конвенция Совета Европы о признании квалификаций в отношении высшего образования в Европейском регионе (1997), Ереванское коммюнике (2015), Европейская конвенция об общей эквивалентности периодов университетского обучения (1990), Европейская конвенция об эквивалентности дипломов, ведущих к доступу в университеты (1953), Европейская конвенция об академическом признании университетских квалификаций (1959), Европейская конвенция об эквивалентности периодов университетского обучения (1956), Конвенция о признании учебных курсов, дипломов о высшем образовании и ученых степеней в государствах региона Европы (1979), Международная конвенция о признании учебных курсов,

дипломов о высшем образовании и ученых степеней в арабских и европейских государствах бассейна Средиземного моря (1979), др.

Обсуждение

Континентальная модель высшего образования

Континентальная модель высшего профессионального образования стала основой для современной системы высшего образования в некоторых постсоветских странах. В то же время в Казахстане модель высшего образования является относительно новой и вызывала значительное количество дискуссий до перехода к двухуровневой системе. Сейчас обсуждения улеглись, и внимание сосредотачивается на анализе последствий этого перехода, противоречиях и путях дальнейшего развития системы высшего образования. Такой анализ необходимо проводить с учетом особенностей истории, менталитета и потребностей общества Казахстана. Одновременно изучение современной казахстанской системы высшего образования невозможно без сравнения с западными образцами. [16]

Присоединение к Болонскому процессу существенно повлияло на цели и содержание национальной образовательной реформы в Казахстане. В результате поднялись задачи интернациональной гармонизации образовательных систем, соответствующих целям создания Европейского пространства высшего образования.

Значимость гармонизации образовательных систем в международном масштабе обусловлена их включением в общий процесс глобализации. Глобализация представляет собой объективный процесс интеграции на новом качественном уровне, когда все мировые экономические связи становятся всеохватывающими и интенсивными. В условиях современной экономики любой страны важно обеспечить открытость и интернационализацию образовательных ресурсов, рынков труда и инноваций, а также инвестировать в сферу образования с темпами, превышающими общие темпы экономического роста. [14] Экономика знаний – это экономика, которая использует знания для своего развития и конкурентоспособности. "Континентальная модель" образования отличается несколькими особенностями, включающими иерархичность учебных заведений, тесные связи с государственными структурами, прямое регулирование со стороны министерств и отсутствие прямых связей между университетами и бизнесом. Основанная на традиционной схеме учебных заведений и ранней профессиональной специализации, [15] континентальная модель образования представляет собой систему, в которой каждый уровень образования имеет четкую структуру и иерархию, а контроль и нормативы осуществляются централизованными государственными органами.

Германская модель высшего образования

Континентальная модель высшего образования основывается, прежде всего, на системе высшего образования Федеративной Республики Германии.

Исторически считается, что первым университетом Германии стал Гейдельбергский университет Рупрехта Карла, основанный Папой Римским Урбаном VI в 1386 г. для подготовки церковных и государственных деятелей, лояльных ему в условиях т.н. Великого западного раскола (Великой схизмы), когда параллельно существовали два «истинных» папы, один в Авиньоне, другой в Генуе. [17]

Классическая модель университетского образования в Германии связана с именем философа, лингвиста и дипломата Вильгельма фон Гумбольдта, который занимал должность министра образования Пруссии в начале XIX века и был братом известного биолога и физика Александра фон Гумбольдта. Реформа высшего образования, проведенная им, привела к учреждению в 1810 году Берлинского университета, представляющего собой прототип новой концепции немецкого университета, основанной на единстве исследований и обучения. Кроме того, в систему общего образования был включен выпускной экзамен, абитура, окончательно ограничивший доступ к высшему образованию для низших слоев населения. [18]

Правовое регулирование высшего образования Германии осуществляется на основе распределения полномочий между федерацией и ее субъектами – федеральными землями. После 2006 г. в связи с реформой принципов организации государственного устройства основная масса вопросов правового регулирования высшего образования передана на уровень федеральных земель. Федеральным законодательством регламентируются лишь вопросы допуска в учебные заведения и вопросы выпускных экзаменов (п.33 ст.74 Основного закона ФРГ). [19] На уровне федерации действует рамочный закон «О высшем образовании», принятый в 1976 г., обновлен в 1999 г., с последними изменениями 2019 г. [20]

Федеральный центр осуществляет общее руководство образованием в Германии, при этом Министерство образования ФРГ играет важную роль в разработке стратегии образовательной политики и установлении общенациональных юридических рамок для функционирования системы образования. Кроме того, министерство также выделяет средства на развитие вузов и создание современной инфраструктуры для их эффективной деятельности.

Управление образованием в Германии в настоящее время находится в компетенции правительств земель и регулируется соответствующими законами о высшем образовании, разработанными на основе Федерального рамочного закона. [21] Система высшего образования объединяет более 300 учебных заведений, в основном государственных, причем негосударственные вузы обязаны иметь государственную лицензию на преподавание. Все вузы в Германии можно классифицировать по нескольким типам, включая университеты и аналогичные учебные заведения, профессиональные высшие школы, педагогические институты, философско-теологические и церковные

колледжи, музыкальные колледжи, колледжи искусств, профессиональные академии, негосударственные учебные заведения и другие.

В Германии идеология подготовки специалистов оказала большое влияние на образовательный процесс, влияя на цели и задачи обучения. Это образование направлено на удовлетворение требований общества к квалифицированным специалистам. Социальные заказы государства и общества предусматривали массовое привлечение специалистов в управление и руководство, характерное для технизированной организации общественных взаимоотношений. [22]

Успех немецкого образования во многом обусловлен целенаправленной политикой отбора учащихся и обучения с учетом их природных способностей. Также в стране развита финансовая, социальная и образовательная поддержка, которая позволяет молодым людям из разных слоев общества получить высшее образование. [23]

Академический год в Германии состоит из двух семестров: летнего (с 1 апреля по 30 сентября) и зимнего (с 1 октября по 30 марта). В некоторых учебных заведениях семестр начинается и заканчивается на месяц раньше. При этом почти треть академического года приходится на студенческие каникулы, которые отличаются от обычного отпуска. Во время каникул студенты занимаются выполнением письменных работ, пишут контрольные и сдают экзамены. Поступление в университеты происходит два раза в год: весной перед летним семестром и осенью перед зимним. Эта система позволяет студентам иметь возможность выбора удобного времени для начала своего обучения.

Максимальная продолжительность очного высшего образования в Германии составляет 10 лет, однако общая продолжительность студенческой жизни в стране не ограничена. Неограниченная продолжительность обучения в немецких университетах стала вызовом для правительства и в итоге привела к борьбе с так называемыми "постоянными студентами". Сегодня, если студент учится дольше определенного срока (обычно пять-семь лет), ему приходится вносить небольшую плату за обучение. По окончании различных этапов высшего образования студенты могут получить диплом, степень бакалавра, магистра или доктора.

Научно-технические программы, а также многие социальные и экономические программы ведут к получению диплома. Процесс получения диплома включает в себя написание диссертации и сдачу серии устных и письменных экзаменов. Программы обучения в области гуманитарных наук предлагают присуждение степени магистра, которая необходима для подачи письменного научного исследования и сдачи нескольких экзаменов. Государственный экзамен сдается с экспертизой, успешным курсом, позволяющим работать в государственных учреждениях (например, учителями или судьями) или по профессиям, контролируемым государством (например, врачами, юристами, фармацевтами). [24]

Система докторантуры во всех землях Германии почти одинакова. Обычно к докторским диссертациям обращаются уже утвердившиеся ученые, расширяя свои исследования. Однако эта система часто сохраняет свой консервативный характер, не подвергаясь изменениям на протяжении многих десятилетий. Это может оказаться негативным, поскольку общество постоянно меняется, а с ним изменяются потребности, структура знаний и интересы ученых. В последнее время страны Европы признают необходимость сделать докторантуру более прозрачной и адаптированной к современным условиям.

Структура высшего образования в Германии делится на три уровня: бакалавриат, магистратура и докторантура в качестве высшего послевузовского образования. Эти уровни, безусловно, взаимосвязаны, и компоненты их учебного процесса схожи в различных европейских странах, хотя продолжительность обучения может быть различной. Высшими уровнями образования, обеспечивающими профессиональную подготовку на различных уровнях, являются уровень бакалавриата и степень магистра. [16] Выпускники с различным профессиональным уровнем имеют возможность занимать различные должности, продвигаться по службе и участвовать в развитии науки и производства.

Требования к студентам бакалавриата и магистратуры должны отличаться, учитывая разные уровни подготовки и различные критерии оценки знаний. В научной деятельности вузов Германии подчеркивается сочетание учебной и научной работы, согласно концепции В. Гумбольдта. Вузы играют центральную роль в научно-исследовательском процессе, и федеральное правительство активно поддерживает сотрудничество вузов с промышленными фирмами. [14]

В Германии отсутствуют ярко выраженные элитарные университеты, как в США, Великобритании и Франции, ибо нет официальных рейтингов учебных заведений. [26] Вместо этого авторитетные издания, такие как "Шпигель" и "Штерн", составляют независимые списки лучших учебных заведений, основанных на мнении преподавателей и студентов.

Государственные университеты являются частью системы правительства, их бюджет формируется из бюджета земли, а профессора считаются государственными служащими. [27] Основная доля расходов университетов покрывается из бюджета федеральных земель, около 20% поступает из федерального бюджета через различные программы, такие как «Инициатива по обеспечению превосходства» (Exzellenzinitiative), реализуемая Немецким научным обществом, а также программа Higher Education Pact 2020, предусматривающая компенсацию университетам расходов на абитуриентов. [27]

Швейцарская модель высшего образования

Швейцария является государством, имеющим значительную традицию университетского образования, первый университет был основан в Базеле в 1460 году, [28] в то же время она одним из первых подписала в 1999 г.

Болонскую декларацию и приступила к осуществлению реформы высшего профессионального образования. [4]

Швейцарская конфедерация имеет децентрализованную систему правового регулирования и управления высшим образованием. В соответствии со ст. 63а Федеральной Конституции 1999 года в редакции 2006 г. полномочия в области высшего образования входят в совместную компетенцию Конфедерации и кантонов. [29] К зоне ответственности Конфедерации относятся федеральные политехнические высшие школы, а также могут быть созданы, приняты в управление другие вузы и иные учреждения высшего образования.

Высшие учебные заведения создаются на уровне кантонов, управляются совместно Конфедерацией и кантонами, исходя из автономии вузов. Кантональные вузы получают поддержку от Конфедерации.

Основным источником правового регулирования высшего образования должны выступать соглашения между Конфедерацией и кантонами, в которых предусматривается создание общих органов, наделяемых компетенцией. На основе той же статьи 63а, ее п. 5 Конфедерация может устанавливать единообразные принципы финансирования, с которыми может быть увязана поддержка вузов.

Основным законодательным актом на уровне Конфедерации является Федеральный закон о поощрении развития высших школ и координации в области высших школ 2011 г., который раскрывает положения, предусмотренные Конституцией. [30]

В соответствии со ст. 2 Федерального закона 2011 г. высшие учебные заведения Швейцарии делятся на три основных типа: Высшие университетские школы (*Hautes écoles universitaires*, HEU), Высшие специализированные школы (*Hautes écoles spécialisées*, HES), а также Высшие педагогические школы (*Hautes écoles pédagogiques*, HEP). Кроме того, существует несколько учреждений узкой направленности, но всемирно известных, предлагающих более узконаправленные курсы, ведущие к получению высшей степени. [31] Эти учреждения субсидируются Конфедерацией и иногда аффилированы с университетами, в частности, Институт высшего международного образования и развития в Женеве (*L'Institut de hautes études internationales et du développement*, так же известный под названием *The Graduate Institute* и ряд других).

На основании ст. 66 Федерального закона 2011 г. Федеральный Совет обладает компетенцией в области заключения международных соглашений в области высшего образования. Администрирование системы высшего образования на уровне Конфедерации осуществляется Государственным секретариатом по подготовке, исследованию и инновациям (SEFRI). В швейцарских вузах используется европейская система кредитов (ECTS – *European Credit Transfer System*). С 2005 года в большинстве университетов Швейцарии введена система "бакалавриат – магистратура", аналогичная

системе, действующей в большинстве университетов Европы. Большинство программ бакалавриата фокусируются на одной предметной области, хотя некоторые вузы предлагают специальные программы, включающие изучение нескольких наук. Например, в Базельском университете есть бакалавриат по общественным наукам. Магистерские программы в Швейцарии предоставляют дополнительные углубленные знания. На уровне магистратуры существуют специализированные программы по таким областям, как медицина и право, которые в Германии не всегда соответствуют многоуровневой модели обучения. В швейцарских университетах и других вузах также предлагаются программы "постдипломного обучения" для повышения квалификации. Если эти программы соответствуют уровню магистратуры, выпускникам может быть присвоена степень магистра. Образовательные программы в новой модели имеют модульную структуру, где каждый модуль объединяет один или несколько курсов, направленных на достижение общей образовательной цели, и завершается общим экзаменом. Эти программы проходят аккредитацию в специальных агентствах, которые осуществляют экспертизу и оценивают их соответствие мировым образовательным стандартам. Эта внешняя экспертиза позволяет определить сопоставимость программ и оценить уровень и качество преподавания, а также содержание образования. [4]

В университетах Швейцарии стремятся к разработке образовательных концепций, ориентированных на формирование "нового типа учения", в котором каждый студент самостоятельно настраивает свой учебный процесс, оптимизирует его и направляется к конечному результату. Это предполагает, что студенты должны эффективно управлять своим временем, выбирать учебный материал и разрабатывать индивидуальный путь обучения для более эффективного усвоения материала.

Система многоступенчатой подготовки имеет свои преимущества, обеспечивая быстрый доступ к первичному высшему образованию, необходимому для профессиональной деятельности. Однако, с другой стороны, получение дополнительного образования, такого как степень магистра, может стать более сложным. "Новые" программы с модульной структурой, направленные на обеспечение мобильности, фактически ограничивают возможность выбора альтернативных траекторий, требуя значительных временных затрат для их завершения. Эти "новые" структуры сокращают продолжительность обучения в университете до 6–10 семестров, но в то же время создают трудности для студентов, стремящихся сочетать обучение с работой. Концепция "обучения целого дня", лежащая в основе этих структур, предполагает множество очных занятий, что делает проблематичным поддержание частичной занятости для финансирования обучения и обеспечения средств к существованию. С увеличением потребности студентов в частичной занятости существует необходимость в поиске баланса между требованиями "новых" структур и реальными потребностями студентов, включая возможность совмещения обучения с работой. [4]

Консервативная (иерархическая) модель высшего образования. Япония

Система высшего образования Японии остается одной из самых консервативных и самобытных в мире, всячески сопротивляясь модернизации. Вплоть до середины прошлого столетия это система работала на воспроизведение укорененного в японской культуре противопоставления «нихондзи/гайдзи» («японское/чужеродное»), и политика «открытых границ» в образовании ей чужда. С другой стороны, именно через реформы образования всегда происходило обновление японского общества: начиная с первой модернизации в конце XIX в., заложившей основы японского высшего образования, и заканчивая последними реформами, направленными против традиционной замкнутости учебных заведений [54].

Главное отличительное свойство системы высшего образования Японии – его иерархичность. Жесткие иерархии (часто «непересекающиеся», то есть существующие автономно и независимо друг от друга) пронизывают ее секторы.

Неуниверситетский сектор включает в себя младшие колледжи, технические колледжи и школы специальной подготовки. По сути, это «вузы второго сорта», выполняющие скорее социальные, чем образовательные функции. Юридически младшие колледжи с двух – или трехлетним курсом обучения считаются полноправными вузами, но фактическая подготовка и престиж их дипломов не соответствуют уровню высшей школы. Хотя их выпускникам теоретически предоставлена возможность поступать на второй или третий курс университета, на практике университеты требуют от них сдавать экзамены для поступления на первый курс. Технические колледжи ведут подготовку среднетехнических кадров на базе обязательной девятилетней школы и по многим параметрам соответствуют нашим техникумам. Последняя ступень иерархии неуниверситетского сектора – школы специальной подготовки. Большинство таких школ не могут быть зачислены без экзаменов даже на второй курс младших и технических колледжей.

В сущности, единственными полноценными вузами, чьи выпускники на испытывают дискриминации и котируются на рынке труда, являются университеты полного цикла. К началу последней реформы образования (2002 г.) в Японии насчитывалось 687 таких университетов с общей численностью студентов около 2.78 млн, человек. Иерархия этих вузов включает в себя следующие ступени:

1. Несколько самых престижных частных университетов, таких как Нихон, Васэда, Кейо или Университет Токай. Их выпускники составляют высшей класс японского менеджмента и политики. Попасть в подобный университет без соответствующей подготовки и рекомендации практически невозможно, но их диплом дает стопроцентную гарантию успешного трудоустройства вне зависимости от оценок, а зачастую и специальности.

2. Государственные университеты, занимающие первые места в рейтингах (Токийский технологический институт или Государственный университет Иогоамы). Плата за обучение здесь значительно ниже, но конкурс исключительно высок.

3. Прочие государственные университеты, чаще всего – учрежденные префектурами и органами местного самоуправления. Низкая плата за обучение и умеренный конкурс.

4. Небольшие частные университеты. При высокой плате за обучение – невысокий конкурс, непрестижный диплом и негарантированное трудоустройство.

На протяжении всего послевоенного периода японское правительство не только не проявляло активности при расширении системы государственных университетов, но и не ставило своей специальной задачей обеспечение стандартов качества обучения в частных вузах. Созданный при Министерстве образования Комитет стандартов обучения в частных университетах не проводил серьезных проверок частных вузов при выдаче лицензий, поскольку, согласно закону, членами этого комитета могли быть только сами президенты частных университетов, имевшие право избирать своих преемников. Министерство образования вообще не было представлено в комитете, а без финансовой поддержки оно не располагало и неформальным влиянием. В результате по сравнению с другими странами доля частных учебных заведений среди вузов Японии оказалась исключительно высокой. Отсюда двойственность понятия «негосударственный японский университет», которое одновременно включает самые престижные университеты и самые слабые учебные заведения.

Магистратуры и аспирантуры в Японии объединены в школы последиplomного обучения, находящиеся при университетах и обладающие относительной институциональной автономией. В конце 90-х годов насчитывалось 335 таких школ, в которых обучалось всего около 100 тыс. магистров и аспирантов. 97 школ последиplomного обучения принадлежат государственным университетам (70 тыс. магистрантов и аспирантов), 23 – муниципальным (4.5 тыс. магистрантов и аспирантов) и 215 – частным университетам (примерно 30 тыс. магистрантов и аспирантов.).

Любопытно, что основные научные ресурсы в Японии были задействованы именно для преподавания в государственных магистратурах, тогда как уровень преподавания в бакалавриате оставался сравнительно низким.

Японский бакалавриат ориентирован в основном на «поточной» выпуск квалифицированных представителей рабочего класса. Это связано с небывалыми масштабами «пролетаризации умственного труда» в Японии, где для работы на заводе (из-за усиления автоматизации производства) стал требоваться высокий уровень образования, а работа «белых воротничков» перестала быть прерогативой класса интеллектуальной элиты. Японский

менеджер, обладатель диплома бакалавра, не нуждается в узкоспециальных знаниях, его подготовка «стандартизована», он не представляет собой «уникального продукта» японской высшей школы. Поэтому разрыв в требуемом уровне образования между менеджером и рабочим стал стремительно сокращаться. И чем меньше был разрыв в образовании между «белыми» и «синими воротничками», тем больше дистанция между бакалавриатом и магистратурой.

Задача бакалавриата – выпуск специалистов, необходимых для поддержания системы, задача магистратуры – выпуск инициативных аналитиков, способных к проектированию ее развития. Технологический скачок в Японии стал возможен во многом за счет такого разделения задач и успешного развития школ последиplomного образования. Однако подобное положение оставалось эффективным лишь до тех пор, пока в японских корпорациях существовали система пожизненной занятости, патернализм по отношению к работникам и «продвижение по старшинству». Бизнес действительно не был заинтересован в повышении уровня преподавания в бакалавриате, поскольку при каждой корпорации существовали свои учебные центры, где выпускники вузов доучивались и приобщались к корпоративной культуре. (Такое вложение средств в работников оправдано, если они остаются связанными с корпорацией всю свою жизнь). Но сейчас эта система пошатнулась, корпорации недовольны низким уровнем обучения в бакалавриате, поскольку «дообучение» выпускников «на месте» требует слишком много средств и времени. В смене приоритетов кроется одна из причин упразднения старых и возникновения новых иерархий, которые принесла реформа образования (например, резкое падение престижа большинство частных вузов и рост престижа вузов, имеющих развитые школы последиplomного обучения).

Этатизм японского высшего образования заметно превосходит все континентальные формы. До XIX в. в Японии, существовавшей изолированно от остального мира, не было потребности в высшем образовании. В основе создания японских вузов лежали политические мотивы. Открывшаяся в 50-х годах XIX столетия первая высшая школа была призвана обеспечить правящую администрацию (Сегунат) необходимым знанием конфуцианских текстов. Первый японский министр образования Аринори Мори отмечал, например, что образовательная структура, начиная с ее нижних сегментов, должна «помочь людям быть лояльными по отношению к государству», преподаватель при этом является «скорее транслятором знаний, чем искателем истины».

Японская система университетского обучения не просто была призвана удовлетворять возникающие правительственные потребности, но и сама являлась частью этого правительственного механизма. Отсюда специфика системы управления высшим образованием. До конца 90-х годов эта система оставалась одной из самых централизованных и тотально контролируемых. Так, государственные университеты не имели права владеть землей и помещениями,

брать кредиты, использовать бюджет для достижения собственных целей, устанавливать заработную плату преподавателям и сотрудникам, а также размеры платы за обучение. Государственным вузам разрешалось самостоятельно ставить академические задачи и комплектовать штат сотрудников. Однако из-за их полной подотчетности процедуры валидации курсов и найма персонала нередко затягивались, поскольку в ряде случаев на эти шаги требовалось одобрение японского Министерства образования. Кроме того, статус преподавателей, назначаемых на академические позиции, должен был подтверждаться правительством каждые четыре года.

Самые же серьезные ограничения были связаны с Законом о госслужащих, которыми считались все сотрудники университетов. Им запрещалось без соответствующего разрешения Министерства образования работать в частной фирме, консультировать ее и т.п. Университеты, пытавшиеся напрямую сотрудничать с частными фирмами, делали это в нарушение закона.

Такое положение дел пагубно сказывалось в первую очередь на вузовской науке. Сравнительный анализ состояния науки и уровня развития технологии, проведенный в 2000 г. Научно – техническим управлением Японии, показал, что в этой сфере Япония все еще значительно отстает от Соединенных Штатов и стран Западной Европы. Так, в 1980-1990-е годы, по официальным оценкам Министерства промышленности и внешней торговли, японские фирмы потратили в 23 раза больше финансовых средств на научные исследования в зарубежных университетах, чем внутри страны. Три четверти японских ученых и инженеров едут учиться в США или страны Западной Европы. При этом почти 80 % иностранных научных сотрудников, обучающихся в Японии, приехали сюда из развивающихся стран Азиатского региона.

Во многом поэтому технологический скачок в японской промышленности, обеспечивший Японии устойчивые позиции на рынке, совершился без участия университетов, а большая часть внедряемых в производство разработок возникает не в университетских лабораториях, а в частных и государственных НИИ.

Социальная (североевропейская) модель высшего образования. Швеция

В высшей образовательной системе Швеции привлекает внимание взаимосвязь и взаимопроницаемость всех ее компонентов. Подобно Казахстану, высшее образование в Швеции представляет собой не просто конечную ступень, а скорее непрерывный процесс. [36] Здесь шведские граждане имеют возможность получать образование длительное время, включая получение диплома и последующую работу в общественной сфере. Это осуществляется через систему непрерывного образования, которая позволяет человеку обучаться на протяжении всей жизни, объединяя внутренние и внешние образовательные мероприятия. [37]

Система высшего образования Швеции включает в себя традиционные университеты и университетские колледжи. С 1977 по 1993 годы правительство регулировало объем, территориальное размещение и организационную структуру учебных заведений. После реформы 1993 года каждый вуз самостоятельно организует учебный процесс и разрабатывает образовательные программы в рамках образовательного заказа, определяемого парламентом для каждого вуза на период трех лет. Важным элементом шведской системы является децентрализация, позволяющая каждому учебному заведению адаптировать свою программу в соответствии с потребностями. Введение курсов в форме модулей с вариативностью дает студентам больше свободы в выборе, а оценочные критерии ставятся на основе конкретных результатов, которые вуз планирует достичь. Стоит отметить, что образование в Швеции бесплатно на всех уровнях, и учебные заведения конкурируют за финансирование в зависимости от своей эффективности. Модель обучения в шведских университетах основана на аудиторных занятиях, с акцентом на самостоятельной работе студентов. Все это создает благоприятное окружение для развития гибких и творческих навыков, что является важным фактором в условиях быстро меняющегося общества и рынка труда. [36]

Важным аспектом шведского образования является акцент на международном сотрудничестве, что подчеркивает важность глобальной перспективы. Студенты, приезжающие в рамках академической мобильности, дополнительно финансируются государством, что способствует увеличению качества шведского образования через расширение международного обмена.

В течение второй половины XX века в Швеции, при реализации социал-демократической системы социального обеспечения, формировался значительный научно-образовательный комплекс, который стал источником подготовки высококвалифицированных специалистов. Высокий потенциал шведской национальной инновационной системы определяется несколькими ключевыми факторами. [38] Среди них выделяются сильные научные и изобретательские традиции, разветвленная сеть исследовательских университетов, таких как Лундский университет, университет Гётеборга, университет Стокгольма, а также выдающийся Королевский технологический институт, входящий в ТОП-200 ведущих мировых вузов. Кроме того, значительную роль играет наличие небольшого числа крупных компаний, таких как "ABB", "IKEA", "Ericsson", "AstraZeneca", "SKF", которые являются ключевыми участниками в масштабных инновационных разработках.

Швеция остается лидером в мире по объему инвестиций в научные исследования и разработки, составляя около 4% ВВП. Государственная инновационная политика страны в сфере высшего образования и науки ориентирована на несколько ключевых направлений:

1. Сосредоточение ресурсов на поддержке инновационных проектов: Основное внимание уделяется малому и среднему бизнесу, с целью поддержки

проектов, способных создать уникальные продукты или услуги на мировом рынке.

2. Стимулирование независимых исследований: Государство поддерживает инновационные исследования, ориентированные на создание новых знаний и технологий, независимо от их коммерческого потенциала.

3. Создание институциональной среды для эффективного взаимодействия всех заинтересованных сторон: Государственные усилия направлены на формирование условий для сотрудничества между университетами, компаниями и другими заинтересованными сторонами, с целью создания благоприятной инновационной среды.

Эти направления свидетельствуют о стремлении Швеции к созданию устойчивой инновационной системы, способствующей не только научным исследованиям, но и успешной коммерциализации результатов, укрепляя позиции страны на мировой арене в области инноваций и технологического прогресса.

Реализация национальной стратегии Швеции в области инноваций базируется на модели "тройной спирали". Эта инновационная концепция способствует формированию устойчивой сети, объединяющей ключевых участников инновационного процесса: бизнес, государство и научные центры. Взаимодействие между этими сферами создает синергетический эффект, необходимый для успешного производства и внедрения инноваций. [39]

Национальная инновационная система Швеции обладает несколькими государственными координаторами и поставщиками ресурсов, которые активно участвуют в инновационной политике страны. Среди них выделяются важные агентства, играющие ключевую роль в области научных исследований. Наиболее ресурсоемкими из них являются следующие: [40]

1. Шведский совет по научным исследованиям (Swedish Research Council): это агентство координирует работу в четырех основных направлениях, включая медицину и здравоохранение, инженерные и естественные науки, гуманитарные и социальные науки, а также обеспечивает инфраструктуру исследований.

2. Совет по научным исследованиям в области окружающей среды, сельского хозяйства и территориального планирования (Formas): это агентство поддерживает исследования в области социально-экономического развития, а также вопросов, связанных с окружающей средой.

3. Шведское агентство инновационных систем VINNOVA: это агентство фокусируется на распределении ресурсов в быстроразвивающихся сферах, таких как телекоммуникации, транспорт и информационные технологии.

4. Шведский совет по научным исследованиям в области трудовых отношений и социального обеспечения (FAS): это агентство поддерживает научные исследования в области трудовых отношений и социального обеспечения, предоставляя гранты и создавая вакансии для научных сотрудников. [39]

Эти организации играют ключевую роль в обеспечении финансовой и организационной поддержки для инновационных проектов, способствуя развитию и реализации инноваций в Швеции. Модель "тройной спирали" позволяет им действовать согласованно и эффективно для достижения общих целей в сфере инноваций.

Верно, что национальная инновационная система Швеции в области высшего образования и науки демонстрирует высокий уровень координации и ресурсообеспечения. Сложные сетевые отношения между различными акторами в системе, такими как бизнес, государство и научные центры, способствуют успешному взаимодействию и достижению общих целей в сфере инноваций.

На этапе разработки и внедрения инноваций важную роль играют технопарки. Эти инновационные кластеры создают благоприятное окружение для взаимодействия между бизнесом и научными учреждениями, стимулируя технологические разработки и их практическое внедрение. Технопарки являются местами, где научные исследования превращаются в конкретные продукты, способствуя инновационному росту экономики. [41]

Швеция, используя описанные механизмы, демонстрирует успешное сбалансированное взаимодействие между государственным обеспечением научных разработок, участием частного предпринимательства и интересами научного сообщества. Этот баланс позволяет стране поддерживать высокий уровень научных разработок и занимать ведущие позиции в различных областях научных исследований. Швеция стала примером успешной инновационной политики, обеспечивающей стабильный рост и конкурентоспособность в мировой научной арене.

Либеральная (атлантическая) модель высшего образования

Известная как либеральная модель или парадигма, которая широко распространена в англосаксонских странах, выделяет важность развития личности. В этой модели акцент делается не только на передаче культурных образцов, но и на формировании и развитии личности в соответствии с индивидуальными идеалами. [14]

В общем, для европейской культурно-исторической традиции характерно сочетание двух тенденций в развитии образования. С одной стороны, присутствует унифицирующая тенденция, где образование рассматривается как передача культурных образцов. С другой стороны, наблюдается тенденция дифференциации, в рамках которой образование рассматривается как процесс формирования и развития личности в соответствии с определенными идеалами.

Понятие "либерального образования" впервые было четко определено кардиналом Дж.Г. Ньюменом в середине XIX века в цикле статей, озаглавленных "Идея университета". [32] Основная цель внедрения либеральной образовательной модели заключается в формировании личности будущего специалиста, способного гибко реагировать на изменения, происходящие на

рынке труда. Определение готовности основных участников данного процесса к принятию либеральной модели представляет собой важный аспект. [33]

Ценностный аспект высшего образования, основанного на либеральных принципах, включает несколько ключевых элементов: доступность образования, индивидуальное планирование учебного пути (выбор предметов, ориентированных на студента), и использование интерактивных методов преподавания. Эти основные принципы либерального образования создают обучающую среду, способствующую развитию гибких и творческих навыков у студентов. Это является ключевым аспектом их подготовки к быстро меняющемуся обществу и динамичному рынку труда. [34]

Анализ социокультурного пространства городов Казахстана и России в конце XX века действительно отражает готовность системы высшего образования к внедрению либеральной образовательной модели. [35] В этом контексте проявлялись несколько ключевых факторов:

1. Несоответствие потребностей вузов и государственной политики: В это время возрастало несоответствие между потребностями вузов и официальной государственной политикой в сфере высшего образования. Государственное финансирование снижалось, и традиционная модель образования переставала эффективно отвечать на запросы общества и рынка труда.

2. Низкое финансирование системы образования: Сокращение финансирования системы высшего образования также являлось существенным фактором, подчеркивающим необходимость изменений в модели образования.

3. Неудовлетворительное соответствие традиционной модели потребностям общества: Традиционная система образования стала неспособной полноценно удовлетворять новые требования и потребности общества.

Однако стоит отметить, что процесс внедрения либеральной образовательной модели сталкивался с некоторыми проблемами, такими как:

1. Недостаточное восприятие либеральной модели: Часть руководителей вузов и научно-педагогического сообщества не всегда полностью осознавали преимущества либеральной модели. Это могло создавать преграды для эффективной реализации реформ в системе высшего образования.

2. Сопротивление со стороны некоторых социальных групп: Процессы реформирования затрагивали интересы различных социальных групп, и не все группы граждан были однозначно заинтересованы в успешной адаптации системы высшего образования.

3. Институциональные и социальные проблемы: Адаптация системы высшего образования к требованиям Болонской декларации столкнулась с институциональными и социальными проблемами, требующими ответов на уровне управления вузами и общества в целом.

Несмотря на эти сложности, настоящее время характеризуется широким принятием платного образования и ориентированностью молодежи на либеральную модель. Это свидетельствует о том, что общественное восприятие

либеральной образовательной модели стало более благоприятным, и платное образование воспринимается как нормальная и приемлемая практика. [35]

Либеральная (атлантическая) модель, присущая странам, таким как США, Великобритания и Ирландия, выделяется особенностью поздней профессиональной дифференциации. Эта модель исторически формировалась на основе двухуровневой системы "бакалавриат + магистратура".[42]

Поздняя профессиональная дифференциация означает, что студенты не обязаны жестко привязываться к определенной специальности в вузе, и их образовательные траектории могут быть менее жестко определены институциональной структурой системы. Это обеспечивает большую гибкость и разнообразие в выборе образовательных путей.

Университет в атлантической модели развивается в рамках экономической логики, в отличие от континентальной модели, где преобладает логика государственного заказа и функции воспроизводства социальной структуры. Однако, как отмечается, в последние десятилетия наблюдается размывание этого различия. Традиционно либеральная атлантическая модель подвергается процессу "огосударствления", то есть увеличению роли государства в образовательном процессе. В то же время государствоцентричная континентальная модель подвергается процессу либерализации, что означает более выраженное внимание к принципам рыночной экономики и уменьшение роли государства в управлении образованием.

Эти изменения свидетельствуют о динамике и эволюции образовательных систем, а также о стремлении к более эффективному сочетанию гибкости индивида и регулирования государства в обеспечении качественного образования.

Рассмотрим либеральную (атлантическую) модель на примере систем высшего образования Великобритании и США.

Британская модель высшего образования

История университетского образования Великобритании традиционно связана с Оксфордским и Кембриджским университетами. Хотя дата основания Оксфордского университета не известна, однако считается, что преподавание в нем велось уже в 1096 году, активный рост университета произошел в 1167 г. после запрета королем Генрихом II обучения английских студентов в Парижском университете, а с 1249 года стали образовываться первые университетские колледжи. [43] В 1209 году преподаватели Оксфордского университета, спасаясь от враждебно настроенных горожан Оксфорда, переехали в Кембридж, где продолжили обучение и к 1226 году на регулярной основе проводили занятия со студентами. В 1284 г. в Кембридже был создан первый колледж. [44]

С 1334 года в Англии был введен указ короля Эдуарда III, который запрещал создание новых университетов. Этот запрет протягивался на протяжении 498 лет. В течение этого продолжительного периода происходило

заметное расширение университетов Оксфорда и Кембриджа, осуществляемое за счет строительства университетских колледжей. Эти колледжи, благодаря своим размерам, независимости в управлении и финансировании, фактически представляли собой подлинные университеты внутри основных учебных заведений. [45]

Система законодательства Великобритании в сфере высшего образования в основном направлена на регулирование вопросов финансирования высших учебных заведений, обеспечивая гарантии принципа равноправия и защиту основных прав и свобод. [46] Значительные полномочия в сфере высшего образования переданы региональным властям, особенно в Шотландии, где существует собственная независимая система образования. [47]

В Великобритании правовое регулирование высшего образования базируется на нескольких актах Парламента, включая Закон 1992 г. о последующем и высшем образовании (Further and Higher Education Act 1992), Закон 1998 г. о преподавании и высшем образовании (Teaching and Higher Education Act 1998), Закон 2004 г. о высшем образовании (Higher Education Act 2004), Закон 2017 г. о высшем образовании и научных исследованиях (Higher Education and Research Act 2017), а также Закон 2023 г. о высшем образовании (Свобода высказываний) (Higher Education (Freedom of Speech) Act 2023). [46]

Актуализация феномена высшего образования становится крайне важной и неотложной задачей в современном обществе по нескольким причинам. Во-первых, глобальное общество находится в стадии перехода к новому этапу развития, который отмечен постиндустриальным, информационным и программным характером. Эти фундаментальные изменения требуют соответствующей реакции от ключевого социокультурного института — высшего образования. Во-вторых, основные функции высшего образования включают в себя воспроизводство существующей культуры и общества, их дальнейшее развитие, а также обеспечение взаимосвязи между культурой и социумом, что подчеркивает необходимость его активной адаптации к современным вызовам и требованиям. [48]

История развития образования свидетельствует о появлении различных его уровней в странах Древнего Востока, Междуречья и Древнего Египта. В этих обществах уже в те давние времена существовало разделение обучения среди представителей разных каст и слоев населения. Важно отметить, что образование того периода имело узкоспециализированный, прикладной характер, направленный на подготовку писцов, государственных чиновников, военной и жреческой элиты и т.д. Однако первым прообразом новой формы социального наследования, ставшей универсализирующей матрицей воспроизводства культуры, можно считать Лицей Аристотеля. Этот пример затем нашел отражение в более поздних школах эллинистического, римского и византийского периодов. [49]

Также в систему законодательства входят акты Парламента Великобритании для Шотландии, Уэльса, акты Шотландского парламента и большое число нормативных актов (UK Statutory Instruments). [50]

В систему высших учебных заведений Великобритании входят разнообразные институты, предоставляющие различные образовательные программы. Эти учреждения включают классические университеты, университетские колледжи, политехнические институты и колледжи высшего образования. Общее число таких учебных заведений составляет 180, из которых 102 являются государственными университетами.

Великобритания обладает разнообразной системой высшего образования, где государство предоставляет университетам свободу формирования образовательной политики, сохраняя при этом контроль за качеством преподавания. Государственный контроль включает регулярные оценки соответствия высших учебных заведений высоким стандартам образования, проводимые Рейтингом академических исследований (RAE), а также надзор со стороны Управления по обеспечению качества в образовательной сфере (QAA).

Существует также объединение университетов, подобное американской Лиге плюща и австралийской "Группе восьми". В Великобритании это объединение известно как Russell Group и включает в себя 20 университетов, выдающихся в области научных исследований.

Система высшего образования в Великобритании организована по многоступенчатой модели, включающей бакалавриат, магистратуру и докторантуру (PhD). Продолжительность программ бакалавриата обычно три года (или четыре года в Шотландии), магистратуры — один год, а докторантуры требуют прохождения трехгодичной программы и защиты диссертации.

Американская модель высшего образования

На сегодняшний день наиболее успешным способом реформирования системы национального образования является привлечение зарубежного опыта. Чаще всего в качестве образца для подражания выбирается модель высшего образования США. Учитывая, что высшее образование в Соединенных Штатах органично развивалось в условиях преобладающей либеральной идеологии и рынка, полное его внедрение в странах с другими социокультурными основами сталкивается с рядом реальных трудностей. [51]

В Казахстане и США системы высшего образования имеют существенные различия, основанные на исторических, культурных и структурных особенностях каждой страны.

В Казахстане - централизованное управление: исторически, система высшего образования в Казахстане была централизованной, где правительство и министерство образования играли ключевую роль в установлении правил, контроле качества и управлении вузами. Однако, в настоящее время страна переходит к использованию независимых аккредитационных агентств для оценки качества образования.

В США:

1. Децентрализация: Американская система высшего образования исторически ориентирована на децентрализацию. Вузы функционируют в условиях рыночной экономики и самостоятельно несут ответственность за обеспечение качества образования. Они разрабатывают свои критерии оценки, реагируют на динамику научного прогресса и потребности рынка труда.

2. Многообразие: США славятся многообразием своих вузов. Существует большое количество частных и государственных учебных заведений, разнообразных как по размеру, так и по направленности.

3. Система кредитов: Американская система использует систему кредитов для оценки прогресса студентов. Студенты выбирают предметы, которые соответствуют их интересам и целям, что дает большую гибкость в обучении.

4. Децентрализованные стандарты: В отличие от строгих государственных стандартов в некоторых европейских странах, в США стандарты образования децентрализованы и часто определяются самими вузами или штатами.

Отмеченные элементы в Болонском процессе, такие как многоуровневая структура обучения и система кредитов, обусловлены не столько американской системой, сколько усилиями Европы в стандартизации образования для повышения конкурентоспособности европейских вузов. [52]

В США высшее образование не поддается государственному стандартизированию. Каждый университет формирует свою уникальную систему обучения, предлагает несхожий перечень обязательных и дополнительных дисциплин, и устанавливает собственные критерии оценки академической деятельности студентов. Эта индивидуализированная структура высшего образования отражает американские ценности, подчеркивающие важность свободы выбора. Возможность самостоятельно формировать свой учебный путь в различных областях считается одним из ключевых демократических принципов в американском обществе.

Три общие характеристики для всех американских университетов включают многогранную систему обучения (бакалавриат, магистратура и докторантура), свободу выбора основной (major) и дополнительной (minor) специализаций, а также применение системы кредитов (credits) для оценки успехов студентов. [53]

Существенным преимуществом американской системы высшего образования является ее гибкость, мобильность и доступность для людей любого возраста. В американском университете студент постоянно сталкивается с возможностью выбора дисциплин, преподавателей, продолжительности обучения и других параметров. Однако, каждое принятое решение несет личную ответственность. Эта система хорошо адаптирована к условиям рыночной экономики, что делает США мировым лидером по привлечению иностранных студентов. Тем не менее, при рассмотрении возможности применения американского опыта важно учитывать, что эта

система функционирует в ином культурном, историческом и экономическом контексте. Ее главная цель заключается в подготовке студентов к жизни в американском обществе, поэтому механическое внедрение аспектов американского опыта в системы образования Казахстана или России не всегда обосновано.

Тем не менее, возможно использование отдельных элементов американской системы высшего образования, которые могут способствовать модернизации и усовершенствованию национальных систем. К таким элементам можно отнести постепенное отступление от жестко централизованного управления образованием, интеграцию современных информационных технологий в учебный процесс, внедрение новых курсов и программ, увеличение числа элективных предметов, снижение аудиторной нагрузки на преподавателей и студентов, создание условий для индивидуализированного обучения и активизацию международного сотрудничества. Кроме того, стоит выделить растущую тенденцию к диверсификации источников финансирования университетов. В Казахстане одним из ведущих трендов в образовательной экономике является создание условий для активизации финансово-хозяйственной деятельности университетов через коммерциализацию результатов научно-исследовательской работы.

Результаты и заключение

На настоящем этапе важной задачей является изменение подходов к развитию сферы образования. Очевидно, что различные институты власти, гражданского общества, бизнеса, другие стейкхолдеры играют важную роль в процессе реализации и совершенствования определенной модели системы высшего образования. Степень и формы их участия определяют регламентирующие процесс образования нормативно-правовые акты.

В настоящей статье мы рассмотрели модели высшего образования, известные в научной литературе, фиксирующие тип взаимодействия интересов личности, общества и государства: континентальная, либеральная (атлантическая), консервативная (иерархическая) и социальная (североевропейская). В континентальной модели – германская, швейцарская. Отдельно представлены шведская, а также японская страновые модели. Японская модель рассмотрена нами как один из образцов иерархической модели государственного регулирования системы высшего образования. В либеральной (атлантической) – британская и американская. Социальная (североевропейская) модель рассмотрена на примере Швеции как патерналистская и директивная.

Исследование «Модели высшего образования» осуществлено при финансовой поддержке Комитета по науке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН АР 19680224).

Список литературы

1. Болонская декларация от 19 июня 1999 г. URL: https://www.ablaikhan.kz/images/content/static/our-university/bologna_declaration-ru.pdf (дата обращения: 02.12.2023).
2. Европейская культурная конвенция от 19 декабря 1954 г., ETS No 018. URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016800645e8> (дата обращения: 02.12.2023).
3. Budapest-Vienna Declaration on the European Higher Education Area, 12 March 2010. URL: https://www.ehea.info/Upload/document/ministerial_declarations/Budapest_Vienna_Declaration_598640.pdf (дата обращения: 02.12.2023).
4. Грундер Г.-У. Болонский процесс в Швейцарии: «новые концепции» обучения – «новый тип» учения? // Высшее образование в России. – 2009. – № 7. – С. 163.
5. <https://www.coe.int/ru/web/impact-convention-human-rights/european-cultural-convention#/> Дата обращения 18.12.2023.
6. https://www.refworld.org/pdfid/53590c2a4.pdf?_cf_chl_tk=ahpQLA.htuPidZNP7fKFBhvjTJ9BuGwCaBIhqBNnHs-1702891821-0-gaNycGzNDNAhttps://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000152666_rus.:~:text=%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%BE%20%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8%20%D0%BA%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%84%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B9%2C%20%D0%BE%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%8F%D1%89%D0%B8%D1%85%D1%81%D1%8F%20%D0%BA%20%D0%B2%D1%8B%D1%81%D1%88%D0%B5%D0%BC%D1%83%20%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8E,%D0%95%D0%B2%D1%80%D0%BE%D0%BF%D0%B5%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BC%20%D1%80%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B5%20%28%D0%9B%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D0%BD%2C%201997%20%D0%B3.%29%20%E2%80%93%20%D0%A0%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%84%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%90%D0%B2%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B5%D0%B9 Дата обращения 18.12.2023.
7. Yerevan communiqué, 14-15 May, 2015. URL: https://www.ehea.info/Upload/document/ministerial_declarations/YerevanCommuniqueFinal_613707.pdf (дата обращения: 02.12.2023).
8. https://www.refworld.org/pdfid/53590c2a4.pdf?_cf_chl_tk=ahpQLeA.htuPidZNP7fKFBhvjTJ9BuGwCaBIhqBNnHs-1702891821-0-gaNycGzNDNA Дата обращения 18.12.2023.
9. https://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/conventions/Eur_Conv_Equiv_Dipl_leading_to_Admission_to_Universities Дата обращения 18.12.2023.

10. https://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/conventions/Eur_Conv_Acad_Recog_Univer_Qualif Дата обращения 18.12.2023
11. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1021091 Дата обращения 18.12.2023.
12. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30219660 Дата обращения 18.12.2023.
13. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30242656 Дата обращения 18.12.2023.
14. Михайлова Т.А. Реформы высшего образования в Германии: уроки для России // Образование за рубежом. – 2008. – № 6. – С. 78.
15. Вахштайн В. Две модели образовательных систем: континентальная и атлантическая // Прогнозис. – 2006. – № 3(7). – С. 322.
16. Каташинских В. С. Континентальная модель высшего образования как прообраз современной российской системы / В. С. Каташинских. — Текст : электронный // XIX Международная конференция «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования» : сборник материалов конференции. — Екатеринбург, УрФУ, 2016. — С. 1441.
17. Crossing boundaries at medieval universities / edited by Spencer E. Young. – Leiden: Koninklijke Brill, 2011. P. 319-321.
18. Неборский Е.В. Развитие системы высшего образования Германии // Проблемы современного образования. – 2014. – № 5. – С. 36.
19. Зайцева Л.А. Правовое регулирование высшего профессионального образования в Федеративной Республике Германия // Власть закона. – 2014. – № 2(18). – С. 86.
20. Bundesministerium der Justiz (1976). Hochschulrahmengesetz in der Fassung der Bekanntmachung, vom 19. Januar 1999 (BGBl. I S. 18), das zuletzt durch Artikel 1 des Gesetzes, vom 15. November 2019 (BGBl. I S. 1622) geändert worden ist. Режим доступа: <https://www.gesetze-im-internet.de/hrg/> (дата обращения: 06.12.2023).
21. Обзор систем высшего образования стран ОЭСР, Центр ОЭСР – ВШЭ, 2004. Система высшего образования Германии. https://globalcentre.hse.ru/data/2010/03/05/1231448541/OECD_No2_Ger.pdf (дата обращения: 06.12.2023).
22. Ярская В.Н. Методология университетского социального образования // Социальное неравенство и образование: проблема, исследования, действия: Сб. науч. ст. – Саратов: СГТУ, 2001. – С. 11.
23. Хофман Г. Программа реформирования рынка труда, перестройки социальных систем, экономического роста // Deutschland. – 2003. – № 5.
24. <https://lektsii.com/2-39484.html> Дата обращения 20230905
25. Фромент Э. Европейское пространство высшего образования: новые рамки развития // Высшее образование сегодня. 2003. № 6.

26. Фабарисов, Т.И. Анализ эффективности системы финансирования высшего образования Германии и ее влияние на подготовку молодых специалистов / Т.И. Фабарисов // Трансформации общественного сознания в переходную эпоху: материалы международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 21–22 апреля 2021 года / Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова; Ванадзорский государственный университет им. О. Туманяна. Том 2. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2022. – С. 192.

27. Higher Education and Research in Switzerland. State Secretariat for Education, Research and Innovation SERI, Bern, 2019. – P.18. URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/seri-higher-education-research-in-switzerland-2019-EN.pdf> (Дата обращения: 07.12.2023).

28. Constitution fédérale de la Confédération Suisse du 18 avril 1999 (État le 13 février 2022) <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1999/404/fr> (дата обращения: 07.12.2023).

29. Loi fédérale sur l'encouragement des hautes écoles et la coordination dans le domaine suisse des hautes écoles, 30.09.2011 г. // URL: <https://www.admin.ch/opc/fr/classified-compilation/20070429/index.html> (дата обращения: 07.12.2023).

30. Абашидзе А.Х. Система юридического образования в Швейцарии / А. Х. Абашидзе А.А. Эргот // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». – 2018. – № 1. – С. 33-41.

31. Биньковская Л.Н., Мальцев К.Г. Идея «либерального образования» и современный университет: от исследовательского к предпринимательскому // Общество: политика, экономика, право. – 2022. № 5. – С. 13 (12-14).

32. Кулагин В. Основные тенденции модернизации управления в сфере высшего образования // Высшее образование в России. – 2007. – № 3. – С. 158 (156-164).

33. Зернов В. Высшее образование как ресурс инновационного развития России // Высшее образование в России. – 2008. – № 1. – С. 15 (12-22); Калашникова М.В. Образовательная модель Liberal Arts в контексте системы российского высшего образования. – 2016. – С. 1.

34. Черных Н.А. Либеральная модель высшего профессионального образования: социологическая оценка реальности внедрения // Вестник ПАГС. – 2010. – С. 116.

35. Трофимова Ю.М. Шведская модель высшего образования (Чем она интересна для нас?) // Интеграция образования. – 1999. – № 1. – С. 3-4.

36. Можаяева Л.Г. Развитие непрерывного образования в Швеции // Научно-исследовательский институт проблем высшей школы. Серия Система образования в зарубежных странах. – 1976. – № 2. – С. 3-24.

37. Сандред Я. Национальная инновационная стратегия создается посредством диалога // Инновационные тренды. – 2011. – №7. – С. 11 (11-16).

38. Гехт А.Б., Цверрианшвили И.А. Шведская модель инновационной политики в сфере высшего образования и науки // С. 257-258.

39. Ицковиц Г. Тройная спираль: предприятия – университеты – государство. Инновации в действии. [Электронный ресурс] URL: <http://unova.2010/11/30/7039>. (дата обращения: 21.01.2020).

40. Курочкин А.В. Инновационная политика в условиях сетевого общества (североевропейская модель). – СПб.: РХГА, 2013; Гехт А.Б.,

41. Молокова Е.Л., Ляшенко Е.А., Шведов В.В. Модели рынка услуг высшего образования: оценки теоретических подходов // С. 6.

42. <https://www.ox.ac.uk/about/organisation/history> (дата обращения: 08.12.2023).

43. <https://www.cam.ac.uk/about-the-university/history#C1200> (дата обращения: 08.12.2023).

44. Родина Л.Л. Из истории университетов / Л. Л. Родина, Н. В. Николаева, А. И. Пономарев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Физика и химия. – 2015. – Т. 2 (60), № 4. – С. 410.

45. Николаев Б.В., Емелин М.Ю. Система источников правового регулирования высшего образования в США и Великобритании // Образование и право. – 2018. – №10. – С. 212-217.

46. Корф Д.В. Образовательное право и образовательная система Великобритании // Образовательное законодательство и образовательные системы зарубежных стран. – М.: Academia, 2007. – С. 132.

47. Калюжина Е.В. Социально-исторические модели высшего образования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. – 2011. – № 1 (13). – С. 123.

48. Рыбин В.А. Идея университета XXI века. Статья первая // Вестник Челябинского государственного университета – 2009. – № 42 (180). – С. 175.

49. <https://www.legislation.gov.uk/primary+secondary?title=higher%20education%20> (дата обращения: 08.12.2023)

50. Кутузов А.И. Организационно-экономические препятствия заимствования американской модели высшего образования в России // Актуальные вопросы экономических наук. Правовое регулирование социально-экономических отношений. – С. 252.

51. Орехова Е.Я., Чиков Н.Е. Креативность как эффективный инструмент развития образования: опыт США // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6. – С. 320.

52. Гильмиярова С.Г. Особенности многоуровневой системы обучения в американских университетах // Педагогический журнал Башкортостана. – 2012. – № 2. – С. 26-30.

53. Актуальные вопросы развития образования в странах ОЭСР / Отв. ред. М.В. Ларионова. — М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. — С. 21.

54. Вахштайн В.С. Система высшего образования в Японии // Вестник Российской академии наук. – 2007. – Т. 77. - № 3. - С. 261.

References

1. Bolonskaya deklaraciya ot 19 iyunya 1999 g. URL: https://www.ablaikhan.kz/images/content/static/our-university/bologna_declaration-ru.pdf (data obrashcheniya: 02.12.2023).

2. Evropejskaya kul'turnaya konvenciya ot 19 dekabrya 1954 g., ETS No 018. URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016800645e8> (data obrashcheniya: 02.12.2023).

3. Budapest-Vienna Declaration on the European Higher Education Area, 12 March 2010. URL: https://www.ehea.info/Upload/document/ministerial_declarations/Budapest_Vienna_Declaration_598640.pdf (data obrashcheniya: 02.12.2023).

4. Grunder G.-U. Bolonskij process v SHvejcarii: «novye koncepcii» obucheniya – «novyj tip» ucheniya? // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2009. – № 7. – S. 163.

5. <https://www.coe.int/ru/web/impact-convention-human-rights/european-cultural-convention#/> Data obrashcheniya 18.12.2023.

6. https://www.refworld.org/pdfid/53590c2a4.pdf?__cf_chl_tk=ahpQLLeA.htuPidZNP7fKFBhvJTJ9BuGwCaBIhqBNnHs-1702891821-0-gaNycGzNDNAhttps://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000152666_rus.:~:text=%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%BE%20%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8%20%D0%BA%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%84%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B9%2C%20%D0%BE%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%8F%D1%89%D0%B8%D1%85%D1%81%D1%8F%20%D0%BA%20%D0%B2%D1%8B%D1%81%D1%88%D0%B5%D0%BC%D1%83%20%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8E,%D0%95%D0%B2%D1%80%D0%BE%D0%BF%D0%B5%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BC%20%D1%80%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B5%20%28%D0%9B%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D0%BD%2C%201997%20%D0%B3.%29%20%E2%80%93%20%D0%A0%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%84%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%90%D0%B2%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B5%D0%B9 Data obrashcheniya 18.12.2023.

7. Yerevan communiqué, 14-15 May, 2015. URL: https://www.ehea.info/Upload/document/ministerial_declarations/YerevanCommuniqueFinal_613707.pdf (data obrashcheniya: 02.12.2023).

8. https://www.refworld.org/pdfid/53590c2a4.pdf?__cf_chl_tk=ahpQLeA.htuPidZNP7fKFBhvJTJ9BuGwCaBIhqBNnHs-1702891821-0-gaNycGzNDNA Data obrashcheniya 18.12.2023.
9. https://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/conventions/Eur_Conv_Equiv_Dipl_leading_to_Admission_to_Universities Data obrashcheniya 18.12.2023.
10. https://nic.gov.ru/ru/docs/foreign/conventions/Eur_Conv_Acad_Recog_Univer_Qualif Data obrashcheniya 18.12.2023
11. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1021091 Data obrashcheniya 18.12.2023.
12. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30219660 Data obrashcheniya 18.12.2023.
13. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30242656 Data obrashcheniya 18.12.2023.
14. Mihajlova T.A. Reformy vysshego obrazovaniya v Germanii: uroki dlya Rossii // Obrazovanie za rubezhom. – 2008. – № 6. – S. 78.
15. Vahshtajn V. Dve modeli obrazovatel'nyh sistem: kontinental'naya i atlanticheskaya // Prognosis. – 2006. – № 3(7). – S. 322.
16. Katashinskih V. S. Kontinental'naya model' vysshego obrazovaniya kak proobraz sovremennoj rossijskoj sistemy / V. S. Katashinskih. — Tekst : elektronnyj // XIX Mezhdunarodnaya konferenciya «Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya" : sbornik materialov konferencii. — Ekaterinburg, UrFU, 2016. — S. 1441.
17. Crossing boundaries at medieval universities / edited by Spencer E. Young. – Leiden: Koninklijke Brill, 2011. P. 319-321.
18. Neborskij E.V. Razvitie sistemy vysshego obrazovaniya Germanii // Problemy sovremennogo obrazovaniya. – 2014. – № 5. – S. 36.
19. Zajceva L.A. Pravovoe regulirovanie vysshego professional'nogo obrazovaniya v Federativnoj Respublike Germaniya // Vlast' zakona. – 2014. – № 2(18). – S. 86.
20. Bundesministerium der Justiz (1976). Hochschulrahmengesetz in der Fassung der Bekanntmachung, vom 19. Januar 1999 (BGBl. I S. 18), das zuletzt durch Artikel 1 des Gesetzes, vom 15. November 2019 (BGBl. I S. 1622) geändert worden ist. Rezhim dostupa: <https://www.gesetze-im-internet.de/hrg/> (data obrashcheniya: 06.12.2023).
21. Obzor sistem vysshego obrazovaniya stran OESR, Centr OESR – VSHE, 2004. Sistema vysshego obrazovaniya Germanii. https://globalcentre.hse.ru/data/2010/03/05/1231448541/OECD_No2_Ger.pdf (data obrashcheniya: 06.12.2023).
22. Yarskaya V.N. Metodologiya universitetskogo social'nogo obrazovaniya // Social'noe neravenstvo i obrazovanie: problema, issledovaniya, dejstva: Sb. nauch. st. – Saratov: SGTU, 2001. – S. 11.
23. Hofman G. Programma reformirovaniya rynka truda, perestrojki social'nyh sistem, ekonomicheskogo rosta // Deutschland. – 2003. – № 5.

24. <https://lektsii.com/2-39484.html> Data obrashcheniya 20230905

25. Froment E. Evropejskoe prostranstvo vysshego obrazovaniya: novye ramki razvitiya // Vysshee obrazovanie segodnya. 2003. № 6.

26. Fabarisov, T.I. Analiz effektivnosti sistemy finansirovaniya vysshego obrazovaniya Germanii i ee vliyanie na podgotovku molodyh specialistov / T.I. Fabarisov // Transformacii obshchestvennogo soznaniya v perekhodnuyu epohu: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Nizhnij Novgorod, 21–22 aprelya 2021 goda / Nizhegorodskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet im. N.A. Dobrolyubova; Vanadzorskij gosudarstvennyj universitet im. O. Tumanyana. Tom 2. – Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet im. N.A. Dobrolyubova, 2022. – S. 192.

27. Higher Education and Research in Switzerland. State Secretariat for Education, Research and Innovation SERI, Bern, 2019. – P.18. URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/seri-higher-education-research-in-switzerland-2019-EN.pdf> (Data obrashcheniya: 07.12.2023).

28. Constitution fédérale de la Confédération Suisse du 18 avril 1999 (État le 13 février 2022) <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1999/404/fr> (data obrashcheniya: 07.12.2023).

29. Loi fédérale sur l'encouragement des hautes écoles et la coordination dans le domaine suisse des hautes écoles, 30.09.2011 g. // URL: <https://www.admin.ch/opc/fr/classified-compilation/20070429/index.html> (data obrashcheniya: 07.12.2023).

30. Abashidze A.H. Sistema yuridicheskogo obrazovaniya v SHvejcarii / A. H. Abashidze A.A. Ergot // Elektronnoe setevoe izdanie «Mezhdunarodnyj pravovoj kur'er». – 2018. – № 1. – S. 33-41.

31. Bin'kovskaya L.N., Mal'cev K.G. Ideya «liberal'nogo obrazovaniya» i sovremennyy universitet: ot issledovatel'skogo k predprinimatel'skomu // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. – 2022. № 5. – S. 13 (12-14).

32. Kulagin V. Osnovnye tendencii modernizacii upravleniya v sfere vysshego obrazovaniya // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2007. – № 3. – S. 158 (156-164).

33. Zernov V. Vysshee obrazovanie kak resurs innovacionnogo razvitiya Rossii // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2008. – № 1. – S. 15 (12-22); Kalashnikova M.V. Obrazovatel'naya model' Liberal Arts v kontekste sistemy rossijskogo vysshego obrazovaniya. – 2016. – S. 1.

34. CHernyh N.A. Liberal'naya model' vysshego professional'nogo obrazovaniya: sociologicheskaya ocenka real'nosti vnedreniya // Vestnik PAGS. – 2010. – S. 116.

35. Trofimova YU.M. SHvedskaya model' vysshego obrazovaniya (CHem ona interesna dlya nas?) // Integraciya obrazovaniya. – 1999. – № 1. – S. 3-4.

36. Mozhaeva L.G. Razvitie nepreryvnogo obrazovaniya v SHvecii // Nauchno-issledovatel'skij institut problem vysshej shkoly. Seriya Sistema obrazovaniya v zarubezhnyh stranah. – 1976. – № 2. – S. 3-24.

37. Sandred YA. Nacional'naya innovacionnaya strategiya sozdaetsya posredstvom dialoga // Innovacionnye trendy. – 2011. – №7. – S. 11 (11-16).
38. Gekht A.B., Cverianshvili I.A. SHvedskaya model' innovacionnoj politiki v sfere vysshego obrazovaniya i nauki // S. 257-258.
39. Ickovic G. Trojnaya spiral': predpriyatiya – universitety – gosudarstvo. Innovacii v dejstvii. [Elektronnyj resurs] URL: <http://unova.2010/11/30/7039>. (data obrashcheniya: 21.01.2020).
40. Kurochkin A.V. Innovacionnaya politika v usloviyah setevogo obshchestva (severoevropejskaya model'). – SPb.: RHGA, 2013; Gekht A.B.,
41. Molokova E.L., Lyashenko E.A., SHvedov V.V. Modeli rynka uslug vysshego obrazovaniya: ocenki teoreticheskikh podhodov // S. 6.
42. <https://www.ox.ac.uk/about/organisation/history> (data obrashcheniya: 08.12.2023).
43. <https://www.cam.ac.uk/about-the-university/history#C1200> (data obrashcheniya: 08.12.2023).
44. Rodina L.L. Iz istorii universitetov / L. L. Rodina, N. V. Nikolaeva, A. I. Ponomarev // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Fizika i himiya. – 2015. – T. 2 (60), № 4. – S. 410.
45. Nikolaev B.V., Emelin M.YU. Sistema istochnikov pravovogo regulirovaniya vysshego obrazovaniya v SSHA i Velikobritanii // Obrazovanie i pravo. – 2018. – №10. – S. 212-217.
46. Korf D.V. Obrazovatel'noe pravo i obrazovatel'naya sistema Velikobritanii // Obrazovatel'noe zakonodatel'stvo i obrazovatel'nye sistemy zarubezhnyh stran. – M.: Academia, 2007. – S. 132.
47. Kalyuzhina E.V. Social'no-istoricheskie modeli vysshego obrazovaniya // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. – 2011. – № 1 (13). – S. 123.
48. Rybin V.A. Ideya universiteta XXI veka. Stat'ya pervaya // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – 2009. – № 42 (180). – S. 175.
49. <https://www.legislation.gov.uk/primary+secondary?title=higher%20education%20> (data obrashcheniya: 08.12.2023)
50. Kutuzov A.I. Organizacionno-ekonomicheskie prepyatstviya zaimstvovaniya amerikanskoy modeli vysshego obrazovaniya v Rossii // Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk. Pravovoe regulirovanie social'no-ekonomicheskikh otnoshenij. – S. 252.
51. Orekhova E.YA., CHikov N.E. Kreativnost' kak effektivnyj instrument razvitiya obrazovaniya: opyt SSHA // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2012. – № 6. – S. 320.
52. Gil'miyarova S.G. Osobennosti mnogourovnevnoj sistemy obucheniya v amerikanskih universitetah // Pedagogicheskij zhurnal Bashkortostana. – 2012. – № 2. – S. 26-30.
53. Aktual'nye voprosy razvitiya obrazovaniya v stranah OESR / Otv. red. M.V. Larionova. — M.: Izdatel'skij dom GU VSHE, 2005. — S. 21.

54. Vahshtajn V.S. Sistema vysshego obrazovaniya v Yaponii // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. – 2007. – T. 77. - № 3. - S. 261.

Суды қорғаудағы халықаралық құқықтық құралдар

Айгерим Ж. Жунусбекова

PhD, оқытушы

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті

Астана, Қазақстан

e-mail: aigerim112@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7889-9197

JEL-code: K33 International law

Түйіндеме: Соңғы жарты ғасырда трансшекаралық су ресурстарына қатысты әлемде 500-ден астам халықаралық қақтығыстар орын алды. Трансшекаралық су ресурстарын пайдалану проблемалары су объектілерін үйлесімсіз салу, ластанудың ауысуы әрекеттеріндегі келіспеушіліктердің көзі болды. Мақалада ішкі суды және өзендерді қорғау саласындағы халықаралық экологиялық құқықтың құралдары қарастырылады. Ішкі суларға қатысты құқық халықаралық экологиялық құқықтың көне бөлігіне жатады. Экологиялық проблемаларды реттеу элементтері бар алғашқы ережелер XVIII ғасырда пайда болды және негізінен трансшекаралық кеме қатынайтын өзендерді пайдалану мен қорғауға қатысты болды. Мақалада Еуропадағы трансшекаралық суға қатысты халықаралық құқықтың қарқынды дамуы көрсетіледі және трансшекаралық өзендерді қорғау саласындағы су қатынастарын реттейтін негізгі құжаттарға назар аударылады, сонымен қатар трансшекаралық суды қорғау саласындағы халықаралық экологиялық құқықтың құралдары ретінде халықаралық ұйымдардың рөлі қарастырылады.

Негізгі сөздер: ішкі сулар, қорғау, трансшекаралық сулар, конвенция, қағида, ластану, комиссия, өзен бассейні

Международно-правовые методы защиты воды

Айгерим Ж. Жунусбекова

PhD, преподаватель

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

Астана, Казахстан

e-mail: aigerim112@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7889-9197

JEL-code: K33 International law

Аннотация: За последние полвека в мире произошло более 500 международных конфликтов, связанных с трансграничными водными ресурсами. Проблемы использования трансграничных водных ресурсов стали источником разногласий в попытках несовместимого строительства водных объектов, переноса загрязнения. В статье рассматриваются инструменты международного экологического права в области охраны внутренних вод и рек. Право на внутренние воды относится к древней части международного экологического права. Первые правила с элементами регулирования экологических проблем появились в XVIII веке и касались в основном эксплуатации и охраны трансграничных судоходных рек. В статье освещается бурное развитие международного права в отношении трансграничной воды в Европе и основное внимание уделяется основным документам, регулирующим водные отношения в области охраны трансграничных рек, а также рассматривается роль международных организаций как инструментов международного экологического права в области охраны трансграничной воды.

Ключевые слова: внутренние воды, охрана, трансграничные воды, конвенция, правила, загрязнение, комиссия, бассейн реки

International legal instruments for water protection

Aigerim Zh. Zhunusbekova

PhD, lecturer

L.N. Gumilyov Eurasian National University

Astana, Kazakhstan

e-mail: aigerim112@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7889-9197

JEL-code: K33 International law

Annotation: In the world over the past half century, more than 500 international conflicts have taken place regarding transboundary water resources. Problems of using transboundary water resources were a source of disagreement during attempts at uncoordinated construction of water bodies and the transfer of pollution. The article discusses the instruments of international law in the field of protection of inland waters and rivers. Inland water law is one of the oldest parts of international environmental law. The first rules containing elements of regulation of environmental problems arose already in the 18th century and mainly concerned the use and protection of navigable rivers. The article shows the dynamics of the development of international law relating to transboundary waters in Europe, pays attention to the fundamental documents regulating water relations in the field of protection of transboundary rivers, and also examines the role of international organizations as instruments of international environmental law in the field of protection of transboundary waters.

Keywords: internal waters, protection, transboundary waters, convention, principle, pollution, commission, river basin

Кіріспе

Экологиялық қауіпсіздік жүйесінде суды қорғау саласындағы проблемалар ерекше орын алады. Соңғы жарты ғасырда трансшекаралық су ресурстарына қатысты әлемде 500-ден астам халықаралық қақтығыстар орын алды. Трансшекаралық су ресурстарын пайдалану проблемалары су объектілерін үйлесімсіз салу, ластанудың ауысуы әрекеттеріндегі келіспеушіліктердің көзі болды.

XXI ғасырдың басында әр түрлі аймақтардағы су объектілерінің ластануы, су тасқындарының көбеюі және судың жетіспеушілігі едәуір өсті. Әлем халқының алтыдан бір бөлігі – бір миллиардтан астам адам таза суға қол жеткізе алмайды. Сондықтан «адамның суға құқығы» үгіті жүргізілді, ал 2003 жыл «халықаралық тұщы су жылы» [1] деп жарияланды. Халықаралық суларды қорғау (өзендер, көлдер, жер асты сулары) ерекше қиындықтармен байланысты. Су ресурстарына қатысты даулар көптеген халықаралық қақтығыстар тудырды, мысалы, Түркия мен Сирия, Израиль және Палестина автономиясы арасындағы қақтығыстар.

Ішкі суларға қатысты құқық халықаралық экологиялық құқықтың ең көне бөлігіне жатады және ең толық реттеуді қамтиды. Экологиялық проблемаларды реттеу элементтері бар алғашқы ережелер XVIII ғасырда пайда болды және негізінен трансшекаралық кеме қатынайтын өзендерді пайдалану мен қорғауға қатысты болды.

Материалдар мен әдістер

Мақаланың мақсаты су ресурстарын пайдалану мен қорғауда халықаралық құқықтың қалыптасуы, дамуы және қазіргі жағдайының үдерісін қарау, оның ішінде осы саладағы негізгі халықаралық-құқықтық актілердің құқықтық мәртебесін және мазмұнын талдау.

Зерттеудің жалпы мақсатына жету үшін келесі әдістер пайдаланылды: тарихи талдау әдісі және диалектикалық әдіс – трансшекаралық суларды пайдалану және оларды экологиялық қорғау бойынша мемлекеттердің әдеттегі құқықтық және заңнамалық тәжірибесін қалыптастыру мен дамытуды зерттеуде; жүйелік әдіс – негізгі ұғымдарды анықтау кезінде; салыстырмалы құқықтық әдіс – зерттеу саласындағы халықаралық құжаттардың нормаларын және ережелерін талдау кезінде қолданылады.

Талқылаулар

Трансшекаралық суларды қорғау мәселелерін реттеуде халықаралық құқық саласындағы шетелдік және отандық ғалымдардың еңбектерінде бірқатар пікірталастар болды.

Алғашқы өркениеттердің пайда болуы ірі Инд, Ганг, Ніл, Евфрат және

Тигр өзендерімен байланысты болды. Ежелгі уақыттың өзінде су ресурстарының шектеулі мөлшерін пайдалану бойынша қақтығыстар пайда болды.

XVIII ғасырда Еуропа мен Солтүстік Америкадағы өнеркәсіп пен сауданың өркендеуі су кеңістігін қарқынды пайдалануына әкелді. Бұл кезеңде үлкен өзендерде навигацияның өсуі болды. XIX ғасырдың ортасында индустрияландыру мен халықтың өсуі есебінен суды пайдаланудың жаңа түрлері дамыды. Өнеркәсіптік өндіріс және энергия өндірісі үшін суды (өзендер, каналдар, көлдер) пайдалану қажетті шарт болды. Навигация мақсатында су кеңістігін пайдалану саласында Ұлыбритания мен Америка Құрама Штаттары 1794 жылы жүк тасымалдау мәселелері бойынша алғашқы келісімшарт Джей шартына [2] қол қойды.

Джей Шарты бойынша екі ел де аралас комиссияларға маңызды шекаралық дауларды қарауға, сондай-ақ Ұлыбритания тарапынан теңіздегі әскери қақтығыстардың құқықтарын және АҚШ тарапынан бейтараптық міндеттемелерін орындауға қатысты барлық дауларын беруге уәде берді.

XVIII ғасырдың аяғында 1792 жылдың қараша айында француз конвенті Шельдт пен Маас өзендеріне қатысты (екеуі де Франция, Бельгия және Нидерланды арқылы өтетін) декрет қабылдады. Француз революциялық үкімет осы қаулыда бірде-бір халықтың әділетсіздік жасамай, өзенді пайдаланудың айрықша құқығын және жоғарыда тұрған тіршілік иелерінің бірдей артықшылықтарға ие болуын болдырмау құқығын өздігінен қолдана алмайтындығын жариялады. [3]

Траншекаралық өзен суларын пайдалану туралы келісім Рейндегі кеме қатынасы бостандығын орнатқан 1814 жылғы Париж бейбітшілік шартында бекітілді, ал 1815 жылғы Вена конгрессінің қорытынды актісінде Еуропадағы барлық халықаралық (кеме жүзетін) өзендерде: Эльбе мен Дунай бойында кеме жүзу еркіндігі қағидасы жарияланды. Атап айтқанда, халықаралық өзендерде кеме қатынасы сауда тасымалы үшін ашық болатыны және ешкімге тыйым салынбайтыны қарастырылды. Аумағы арқылы кеме жүзетін өзен өтетін немесе шекара ретінде қызмет ететін елдер осы өзен бойында кеме қатынасының ережелерін бірлесе белгілеу керек болды. [4] Вена конгресінің қатысушылары трансшекаралық өзендердегі кеме қатынасын реттеу құқығы басқа мемлекеттердің қысымынсыз және араласуынсыз пайда болатын мәселелерді ерікті және әділ негізде шешетін жағалаудағы мемлекеттерге тиесілі деп санады. Бұл жағдай XIX ғ. ортасына дейін сақталды, бірақ кейін халықаралық кеме қатынасы өзендерінің құқықтық режимі дамыған капиталистік державалардың қысымы, олардың жағалаудағы мемлекеттердің істеріне араласуы немесе отаршылдықтың кеңею жағдайында бұрынғыдан да орнықтырылды.

Мәселен, отарлау мәселелері бойынша 1884-1885 жылғы Берлин конференциясында 14 мемлекеттің қатысуымен (Германия, Франция, Ұлыбритания, Ресей, Бельгия, Португалия және Құрама Штаттары қоса

алғанда) Конго бассейнінде және оның Үнді мұхитқа дейінгі жақын аудандарында сауда және қозғалыс еркіндігі туралы шешім қабылданды. Конго өзенінде кеме қатынасы жөніндегі халықаралық комиссия бекітілді және кеме қатынасы мәселелері реттелінді. Дегенмен, іс жүзінде комиссия құрылмады және сауда кеме қатынасы еркіндігі тек оны құрған отаршыл күштермен ғана пайдаланылды. [5]

1929 жылы Халықаралық әділ соттың тұрақты Палатасы Одер бойынша комиссия туралы іс бойынша шешімде шектес мемлекеттердің кеме қатынасына қатысты мүдделері «жалпы құқықтың негізі» болып табылатынын анықтады, ол бойынша өзенді барлық ағысы бойынша қолдануда барлық жағалау мемлекеттерінің толық теңдігі және бір жағалау мемлекеттерінің басқаларымен салыстырғандағы кез келген артықшылықтарын алып тастау керектігі айтылды (№ 5, 23, 27 шешімдері). Бүгінгі күні ірі еуропалық өзендерде кеме қатынасы еркіндігі халықаралық құқықпен қамтамасыз етілген. Траншекаралық суларды кеме қатынасына емес мақсатта пайдалану жиі қақтығыстарды тудырады. Аймақтың климаттық жағдайы және әлеуметтік-экономикалық жағдайына қарай сандық немесе сапалы мәселелер алдыңғы қатарға шығарылады. Сандық мәселелер бойынша әдеттегі қақтығыс өзеннің жоғарғы ағысындағы мемлекеттің өзеннің төменгі жағындағы мемлекеттердің зарарына суды бөгеуі болып табылады.

Қолдану мен қорғауға қатысты қарама қайшы мүдделердің теңдігіне қатысты қағидалар сапаға, судың ластануына қатысты сұрақтар бойынша дауларды шешу процесінде пайда болды: елеулі трансшекаралық зиян келтіруге тыйым салу 1937 ж. Маас өзені бойынша делимитациялау туралы іс бойынша Халықаралық әділ соттың тұрақты палатасының шешімінің және 1957 ж. Лану көлі ісі бойынша арбитражды шешімінің пәнін құрады. Траншекаралық су ресурстарын тұрақты бірлесе қолдану қағидасы федеративті негізде құрылған мемлекеттерде, мысалы Швейцария, АҚШ, Германияда шиеленістерге қатысты сот шешімдерінде көрсетілген. Бұл қағиданың халықаралық құқықпен мойындалуы оның заңды міндеттемейтін 1966 ж. Халықаралық өзендер суларын қолдану Хельсинки ережелерінде бекітілуіне мүмкіндік берді. [6]

Залал келтірмеу және трансшекаралық су ресурстарын тұрақты бірлесе қолдану қағидасы 1997 ж. БҰҰ Халықаралық су ағындарын қолданудың кеме жүрмейтін түрлері құқығы туралы Конвенциясында кодификацияланды және БҰҰ Халықаралық сотының Габчиково-Надьмарош жобасы туралы дау бойынша шешімінде расталды.

Габчиково-Надьмарош ісі Халықаралық сот қарауға қабылдаған халықаралық «су даулары» арасындағы алғашқы іс болды. [7]

Бұл іс жалпы табиғи ресурстарды бірлесе қолдану тұжырымдамасына маңызды үлес қосты. Сот атап өткендей, Чехословакия бірлескен ресурсты біржақты бақылауды жүзеге асыру арқылы халықаралық құқықты бұзды және Венгрияны Дунай өзенінің табиғи ресурстарын пайдалануда әділ және негізді

үлесті алу құқығынан айырды.

XIX ғасырда суды қорғаудың сандық және сапалық аспектілері бойынша жеке мемлекетаралық келісімдер жасалған соң, XX ғасырда халықаралық келісімдер саны тұрақты өсті. Еуропадағы маңызды серпін Екінші дүниежүзілік соғыстан кейін Рейндегі жағалау мемлекеттердің ынтымақтастығы нәтижесінде туындаған.

50 миллион адам тұратын 9 елден өтетін Швейцариядан ағысы басталатын Рейн бассейні Боден көлі арқылы өтіп, 1320 км-де Солтүстік теңізге құяды. XIX ғасырда арнасы түзетіліп және каналдармен байланыстырылған өзен XX ғасырдың ортасында тым жоғары деңгейде ластанған болатын. 1950 жылы ластанудың алдын алу мақсатында Рейнді ластанудан қорғау жөніндегі Халықаралық комиссия құрылды. Құрамында Швейцария, Франция, Германия, Люксембург және Нидерланды бар жағадағы мемлекеттермен құрылған бұл бейресми орган 1963 жылы ресми мәртебеге ие болды.

Рейнді химиялық ластанудан қорғау туралы конвенция белгілі бір зиянды заттардың шығарылуын азайту арқылы судың сапасын жақсартуға ұмтылды.

Алайда Конвенцияда зиянды деп жіктелген заттардың барынша рұқсат етілген мөлшерін белгілеу қиынға соқты.

Рейн бассейніндегі ынтымақтастық Рейннің өзін қорғауымен ғана шектелмейді. 1960 жылдардың басында Боден, Мозель және Саар өзендері бойынша халықаралық комиссиялар құрылды. Комиссия жағадағы мемлекеттердің суды ластанудан қорғау және Рейн бассейніндегі басқа комиссиялармен ынтымақтастық жөніндегі қызметін үйлестіреді.

Германия, Франция және Люксембург жағадағы мемлекеттер ретінде 1961 жылы Мозельді ластанудан қорғау жөніндегі халықаралық комиссия құрған болатын. Сонымен қатар, Германия мен Франция тиісті комиссия құру бойынша Саар туралы бірдей хаттамаға қол қойды. Суларды қорғау бойынша бірлескен қызметті, атап айтқанда, басқа ұйымдармен үйлестіруді жетілдіру мақсатында, 1991 жылы екі комиссия Трирде бірлескен хатшылық құрды.

Боден көлінің бассейні Германияның, Австрияның, Швейцарияның, Лихтенштейннің және Италияның аумағында орналасқан. Көлдің аумақтық мәртебесі толығымен реттелмеген, дегенмен жағадағы мемлекеттер суды қорғауға да қатысы бар бірқатар келісімдерде пайдалану режимін анықтады. Боден көлінің суларын қорғау жөніндегі халықаралық комиссия 1959 жылы Боден көлін ластанудан қорғау туралы Келісім негізінде құрылған. Келісім 1961 жылы күшіне енген. Комиссия 1967 жылы Боден көлін санитарлық қорғау жөніндегі директивалар дайындады, олар үнемі жаңарып отырды.

1966 жылы Германия, Австрия және Швейцария Боден көлінен Су алуды реттеу туралы келісімде сандық көрсеткіштерді анықтады. 1973 жылы Германия, Австрия және Швейцария арасында жасалған Боден көлі бойынша кеме қатынасы туралы келісім қосымша лақтау көздерін реттеуді көздейді. Осы Келісімнің негізінде, Боден көлі бойынша кеме қатынасының халықаралық комиссиясы құрылды. Сонымен бірге, Швейцария мен Германия Төменгі көл

және Рейн бойынша кеме қатынасы туралы келісіміге қол қойды. [8]

1986 жылғы 1 қарашада Еуропадағы ең ірі экологиялық апаттардың бірі Рейнде болды. Швейцарияның Базель қаласында химия зауытындағы өрт 30 тонна пестицидтер, сынап және басқа да ауылшаруашылық химия өнімдерін өзенге шығаруға әкелді. Рейн қызыл түске ие болып, өзен аймағындағы адамдарға үйден кетуге тыйым салынды, Германияның кейбір қалаларында су құбырлары жабылды. Ластану 10 күн ішінде Солтүстік теңізге жетіп, нәтижесінде, кейбір бағалаулар бойынша, жарты миллион балық қаза болды, кейбір түрлері мүлдем жоғалып кетті.

Қоғамдық қарқынды әсерден кейін, 1987 жылы 2000 жылға дейін есептелген «Рейн іс-қимыл бағдарламасы» қабылданды. Сондай-ақ ол «Албырт 2000» деп аталды, себебі ол осы күнге дейін сезімтал балықты өзенге қайтаруға бағытталған болды. Биліктің белсенді іс-әрекеттерінің нәтижесінде өзенге шығарылатын нитраттар мен фосфордың мөлшері 50%-ға, ал кейбір басқа ластану 80%-дан 100%-ға дейін төмендеді. Албырт өзенге қайта оралды. «Рейн-2020» бағдарламасы өзенді жүзу үшін жеткілікті түрде тазартуға бағытталған болатын. [9]

«Рейн» және «Албырт 2000» іс-қимыл бағдарламалары өз мақсаттарына қол жеткізді және оларды ішінара асырды. Бағдарламаларды жүзеге асыруға заңды міндеттемелердің жоқтығын өтеп, су қорғау саласындағы халықаралық ынтымақтастықтың жаңа бағдарларына ықпал еткен ең күшті саяси қысым көмек берді.

Қазіргі уақытта трансшекаралық ағындарды пайдалану мен қорғауды реттейтін екі әмбебап халықаралық құжат қабылданды. Оларға 1992 жылғы Трансшекаралық су ағындары мен халықаралық көлдерді қорғау және пайдалану туралы конвенция, 1997 жылы Халықаралық су ағындарын кеме қатынасына емес қолдану құқығы туралы конвенция жатады.

1992 жылғы ЕЭК Трансшекаралық су ағындары мен халықаралық көлдерді қорғау және пайдалану туралы конвенция 1996 жылы 6 қазанда күшіне енген және оның аймақтық бағытта болуына қарамастан (аймақтағы 56 ел), 2003 жылдан бастап басқа өңірлердегі мемлекеттердің Конвенцияға қосылуға жол берілетіндіктен ол әмбебап деп аталына алады. [10]

Рамолық конвенция қатысушы мемлекеттерді тұрақты даму тұжырымдамасын дамытатын трансшекаралық суларға қатысты белгілі бір принциптер мен шараларды жүзеге асыруды міндеттейді. Осы негізде он жыл аясында субаймақтық деңгейде келісімдер бекітілген: Маас (1994 және 2002), Шельдт (1994), Дунай (1994), Одер (1996) өзендері, португалдық-испандық шекара сулары бойынша (1998 ж.) және Рейн (1999) өзені бойынша конвенциялар мен келісімдер.

Дүниежүзілік денсаулық ұйымымен бірлесе Трансшекаралық ағын сулар мен халықаралық көлдерді қорғау және қолдану туралы 1992 жылғы Конвенцияға Су мен денсаулық туралы хаттамаға қол қойылды. Хаттамаға 1999 жылы 36 мемлекет қол қойды. БҰҰ ЕЭК Су ағындары туралы Конвенциясына

қатысушылардың тұрақты ынтымақтастығы Женевадағы хатшылықтың қолдауымен жүзеге асырылады. Осы Конвенцияның негізінде халықаралық форумдар мен сараптамалық бірлестіктердің тиімді жүйесі құрылды.

XXI ғ. Күн тәртібінде экожүйелерді қорғауға бағытталған шаруашылық ауқымда суды кешенді пайдалануды дамыту туралы талап ұсынылған болатын. Су экожүйелерінің жұмыс істеуін қамтамасыз ету үшін су ресурстарын кешенді басқару су қоймасына тұтастай алғанда қолданылуы керек.

1992 жылғы БҰҰ ЕЭК Су ағындары туралы Конвенциясының 2-бабының 6-тармағына сәйкес су ағыны ғана емес, сонымен бірге оның қоршаған ортасы да қорғауға жатады. [10] Дунайды қорғау жөніндегі конвенцияның пәні өзеннің бүкіл гидрологиялық аумағы яғни өзен бассейнінің экожүйесі болып табылады. Рейнді қорғау туралы конвенцияның ауқымы өзеннің негізгі ағынын, сондай-ақ онымен байланысты жер асты суларын қамтиды.

Кешенді көзқарасқа сәйкес, БҰҰ ЕЭК Рамолық конвенциясы мен оған негізделген арнайы келісімдер судың әртүрлі антропогендік қысымын реттеуге бағытталған. Судың сапасын жақсарту арқылы теңіз ортасын қорғау қамтамасыз етілуі тиіс. Конвенциялар су көздерін ұтымды пайдалану және сақтау туралы міндеттемелерді қамтитындықтан сандық аспектілерді де қозғайды.

БҰҰ ЕЭК Конвенциясының 9-бабының 2-тармағы жағадағы мемлекеттердің бірлескен органдарды құруды көздейді. Суды қорғау жөніндегі халықаралық комиссиялардан басқа, мысалы, Эльба, Маас, Шельда және Одер, Дунайды қорғау жөніндегі Халықаралық комиссия және Рейнді қорғау жөніндегі Халықаралық комиссия құрылған.

Еуропалық одақта 2000 жылы 22 желтоқсанда Су саясаты туралы Рамолық директива күшіне енді. Ол жерасты суларын қоса алғанда аумақтағы барлық су объектілеріне қолданылады. Директива ЕО-қа мүше мемлекеттердің су заңнамаларын түбегейлі өзгертуге бағытталған. Ол жер үсті суларын, жағадағы теңіз суын және жер асты суларын қорғаудың негіздемелік рәсімін белгілейді. Директиваның мақсаты функционалдық әртүрлілікті ескере отырып, оны кешенді пайдалану болып табылады. [11]

Еуропадан тыс трансшекаралық суларды қорғау туралы халықаралық құқық аз серпінді дамыды. Бірнеше ондаған жылдарға созылған Халықаралық құқық Комиссиясы шегіндегі келіссөздер нәтижесінде, 1997 жылы Халықаралық су ағындарын кеме қатынасына емес қолдану құқығы туралы конвенция қабылданды. [12]

1997 ж. Халықаралық конвенциядан басқа трансшекаралық суларды қорғауды көздейтін аймақтық келісімдерге: 1978 жылғы 22 қарашадағы АҚШ пен Канада арасындағы Ұлы көлдерде судың сапасы туралы келісім; 1978 жылғы 3 шілдедегі Боливия, Бразилия, Колумбия, Эквадор, Гайана, Перу, Суринам және Венесуэла арасындағы Амазон өзенінің бассейнінде ынтымақтастық туралы келісім; 1979 жылғы 19 қазанда Паранадағы Аргентина, Парагвай және Бразилия арасындағы ГЭС-ның бірлескен құрылысы туралы

үкімет келісімі; 1987 жылғы 28 мамырдағы Ботсвана, Мозамбик, Танзания, Замбия және Зимбабве арасында ортақ Замбези өзенінің жүйесін экологиялық ұтымды басқару бойынша іс-шаралар жоспары туралы келісім, 1996 жылғы 2 желтоқсандағы Бангладеш пен Үндістан арасындағы Фараккедағы Ганг өзенінің суларын бірлесе қолдану туралы шарт жатады.

Траншекаралық суды басқаруға бірнеше халықаралық ұйымдар үлес қосады. Халықаралық су ассоциациясы Ұлыбританияда құрылған және оған шамамен 130 мемлекет (олардың ұлттық комитеттері арқылы), 750-ден астам ұйым және 9 мыңға жуық жеке адам қатысады. Оның мақсаты тұщы су қоймаларының жағдайын жақсарту. Ол ауыз сумен қоса, сумен жабдықтау, сумен қамтамасыз ету, жалпы су сапасын басқару мәселелерімен айналысады. Қауымдастықтың айрықша құзыреттілігі саласында ең жаңа басқару технологияларын жасау және енгізу, қоршаған ортаны бақылау және халықаралық өзендердің жалпы мәселелерін жариялау болып табылады. Қауымдастықтың құзыретіне кіретін басқа да мәселелер су ресурстарын басқару бойынша БҰҰ-ның уәкілетті ұйымдарымен бірлесіп жұмыс жасау, Дүниежүзілік су кеңесіне, Дүниежүзілік су әріптестігі бағдарламасына және Сумен қамтамасыз ету және суды тазалау бойынша консультативтік кеңестің жұмысына қатысу болып табылады. Қауымдастық су ресурстарын басқарумен айналысатын негізгі халықаралық қауымдастықтардың арасындағы топтарды байланыстыратын Су ресурстары бойынша қауымдастықтардың өзара әрекеті жөніндегі халықаралық комитеттің құрылтайшысы болды. Су бойынша халықаралық зерттеу қауымдастығы 1971 жылы құрылған және су шаруашылығын басқару мәселелерімен айналысады, бұл басшылықтың барлық аспектілеріне – биологиялық және химиялықтан бастап институционалдық және әлеуметтік-экономикалық мәселелерге дейін назар аударады. Ол Халықаралық су журналын жариялайды. Еуропалық су ассоциациясы 1981 жылы су ресурстарын басқару мен жақсартуға және су ресурстарын пайдаланудың барлық мәселелеріне арналған тәуелсіз үкіметтік емес және коммерциялық емес ұйым ретінде құрылды. Оның жұмысына Орталық және Шығыс Еуропаның барлығына жуық мемлекеттерінің өкілдері, соның ішінде ЕО, Норвегия және Швейцария, сондай-ақ бұрынғы КСРО елдерінің көпшілігі қатысады. Ассоциацияның мақсаты – су ресурстарын басқару мәселелері бойынша конференцияларды, кездесулерді және жұмыс топтарын ұйымдастыру арқылы соңғы техникалық және басқарушылық әзірлемелер туралы ақпарат беру. Ол Еуропалық су ресурстарын басқару журналын шығарады және Еуропалық қоршаған ортаны қорғау агенттігінің Еуропа бойынша Бас директорымен, Еуропалық стандарттау жөніндегі комитетімен, Еуропалық қоршаған орта агенттігімен және Еуропалық парламентпен бірлесе байланыс жасай отырып жұмыс атқарады. Қауымдастық құрамына еуропалық елдердің 29 ұлттық бірлестігі кіреді. Халықаралық су шаруашылығы институты – дамушы елдерде су шаруашылығын басқару және су ресурстарын ауыл шаруашылығында қолдану мәселелерімен айналысатын ғылыми-зерттеу

ұйымы. Траншекаралық су ресурстары мәселесін шешуге бағытталған қызметте басты орынды БҰҰ-ның шеңберінде қабылданған Жаһандық су серіктестігі халықаралық бағдарламасы алады. Оның қызметі су бойынша трансшекаралық бастамаларды, соның ішінде трансшекаралық су ресурстарын тиімді басқару жүйесін тереңдете құруға бағытталған. Осыған байланысты НІЛ өзенінің бассейні маңызды, өйткені оның аумағында көптеген елдер орналасқан. Траншекаралық су ресурстары мәселелерімен басқа да ұйымдар, соның ішінде ЮНЕСКО, Дүниежүзілік банк, Дүниежүзілік денсаулық сақтау ұйымы, түрлі институттар, қорлар және т.б. айналысады. XX ғасырдың соңғы онжылдығында осы ұйымдардың көпшілігі жұмысын кеңейтуге, бірлестіктерге біріктіруге талпынысы және т.б. бағыттары байқалды. Себебі, бүгінгі күні үнемі ақпарат алмасусыз ресурстарды басқарудың өзекті мәселелерімен айналысу қиынға соғуда. Сонымен қатар, бүгінгі күні осы ұйымдардың алдында тұрған проблемалар өткен мәселелермен салыстырғанда әлдеқайда күрделі.

Нәтижелер мен қорытынды

Көптеген мәселелер, мысалы, XX ғасырдың ортасы – гидроэлектростанциялардың құрылысы, навигация және басқалары – қазір көптеген өңірлерде шешілген немесе олар бойынша нақты әзірленген өзара әрекеттесу құрылымы бар. Бүгінгі проблемалар – ағынды суларды бақылау, сумен жабдықтауды, суды және жағалаудағы аудандардың ластануы барлық мүдделі мемлекеттер мен білікті мамандардың қатысуын талап етеді. Сонымен бірге трансшекаралық су ресурстарын басқарудың, оның ішінде әлеуметтік-экономикалық мәселелердің барлық аспектілері бойынша ынтымақтасу қажет. Осы себепті трансшекаралық су ресурстарын басқарумен айналысатын үкіметтік емес ұйымдардың болуы заңды және негізді болып көрінеді.

Қазіргі заманғы халықаралық құқық ғалымдарының пікірінше, БҰҰ халықаралық су ағындарын кеме қатынасына емес қолдану құқығы туралы Конвенциясы «трансшекаралық су ресурстарын басқарудың кешенді құқықтық негізін ұсынатын жалғыз құқықтық құжат» болып табылады. [13] Ол ортақ су ағындарына қатысты мемлекеттердің әрекетін анықтайтын екі негізгі қағиданы белгілейді – әділ және ұтымды пайдалану және шекаралас мемлекетке елеулі зиян келтірмеу міндеті.

Су бақылау арқылы елдің экономикасын және әлеуметтік саласын табысты жаңғыртуға мүмкіндік беретін маңызды геоэкономикалық және стратегиялық даму ресурсы болып табылады.

Елдер арасындағы су қатынастарын реттеу экономикалық және экологиялық қауіпсіздік тұрғысынан өте маңызды. Бұл міндет өзендердің су балансын сақтауға, трансшекаралық ағын су ресурстарын бірлесе пайдалану мен қорғауда ортақ ұстанымды қалыптастыруға, олардың ластануына және сарқылуына жол бермеуге бағытталуы керек.

Қолданылған әдебиеттер

1. БҰҰ Бас Ассамблеясы 20.12.2000 ж. № 55/196 Қарары. [Эл.ресурс]. – URL: <https://www.un.org/ru/ga/documents/gares.shtml> (жүгінген күн: 11.09.2023 ж.)
2. 19.11.1794 ж. Достық, сауда және теңізде жүзу туралы шарт. [Эл.ресурс]. – URL: https://avalon.law.yale.edu/18th_century/jay.asp (жүгінген күн: 11.09.2023 ж.)
3. Француз буржуазиялық революциясы. М. 1941. 540 б.
4. Ключников Ю., Сабанин А. Международная практика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч.1.М.1925. 116 б.
5. Мартенс Ф.Ф. Ресейдің шетелдік державалармен жасаған трактаттары мен конвенцияларының жинағы // Т.8. Спб., 1899. 695-725 б.
6. Рысбеков Ю.Х. О двух «водных» Конвенциях ООН. [Эл.ресурс]. – 2011. – URL: http://www.cawater-info.net/6wwf/conference_tashkent2011/files/discussion_note_2_wat_conv_rus.pdf (жүгінген күн: 11.09.2023 ж.)
7. Рысбеков Ю.Х. Халықаралық өзендердегі трансшекаралық ынтымақтастық: мәселелер, тәжірибе, дәрістер, сарапшылар болжамдары. – В.А. Духовный ред. – Ташкент: НИЦ МКБК, 2009. – 84 б.
8. Transboundary Rivers and International Lakes [Электрон.ресурс]. – 1996. – URL: http://www.iwacportal.org/File/downloads/nota_95_064.pdf (жүгінген күн: 12.09.2023 ж.)
9. Буровский А.М., Якуцени С.П. Саяси экология: оқулық. – М.: Литагент «Директмедиа», 2015. – 450 б.
10. Convention on protection and use of cross-border water currents and international lakes 1992 [Электрон.ресурс]. – URL: <https://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/water/pdf/watercon.pdf> (жүгінген күн: 13.09.2023 ж.)
11. Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза № 2000/60/ЕС от 23 октября 2000 года [Электрон.ресурс]. – URL: <http://www.caresd.net/iwrm/new/doc/direct.pdf> (жүгінген күн: 13.09.2023 ж.)
12. Convention on the Law of the Non-navigational Uses of International Watercourses 21.05.1997 (ILM 36 [1997] 700) [Электрон.ресурс]. – URL: http://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/8_3_1997.pdf (жүгінген күн: 13.09.2023 ж.)
13. Калиниченко Т.Г. Халықаралық су құқығын қалыптастыру және дамыту // Экологиялық құқық. – 2005. – №6 – б. 33

References

1. BҰҰ Bas Assambleyasy 20.12.2000 zh. № 55/196 Qarary. [El.resurs]. – URL: <https://www.un.org/ru/ga/documents/gares.shtml> zhygingen kyn: 11.09.2023 zh.)

2. 19.11.1794 zh. Dostық, sauda zhәне teñizde zhyzu turaly shart. [El.resurs]. – URL: https://avalon.law.yale.edu/18th_century/jay.asp (zhygingen kyn: 11.09.2023 zh.)
3. Francuz burzhuaziyalyk revolyuciya. M. 1941. 540 b.
4. Klyuchnikov YU., Sabanin A. Mezhdunarodnaya praktika novejshego vremeni v dogovorah, notah i deklaraciya. CH.1.M.1925. 116 b.
5. Martenc F.F. Resejdiñ sheteldik derzhavalar men zhasařan traktattary men konvenciya larynyñ zhinařy // T.8. Spb., 1899. 695-725 b.
6. Rysbekov YU.H. O dvuh «vodnyh» Konvenciya OON. [El.resurs]. – 2011. – URL: http://www.cawater-info.net/6wwf/conference_tashkent2011/files/discussion_note_2_wat_conv_rus.pdf (zhygingen kyn: 11.09.2023 zh.)
7. Rysbekov YU.H. Halyřaralyk  zenderdegi transshekaralyk yntymařtastyk: m seleler, t zhiribe, d rister, sarapshylar bolzhamdary. – V.A. Duhovnyj red. – Tashkent: NIC MKVK, 2009. – 84 b.
8. Transboundary Rivers and International Lakes [Elektron.resurs]. – 1996. – URL: http://www.iwacportal.org/File/downloads/nota_95_064.pdf (zhygingen kyn: 12.09.2023 zh.)
9. Burovskij A.M., YAkuceni S.P. Sayasi ekologiya: ořulyk. – M.: Litagent «Direktmedia», 2015. – 450 b.
10. Convention on protection and use of cross-border water currents and international lakes 1992 [Elektron.resurs]. – URL: <https://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/water/pdf/watercon.pdf> (zhygingen kyn: 13.09.2023 zh.)
11. Direktiva Evropejskogo parlamenta i Soveta Evropejskogo Soyuza № 2000/60/ES ot 23 oktyabrya 2000 goda [Elektron.resurs]. – URL: <http://www.caresd.net/iwrm/new/doc/direct.pdf> (zhygingen kyn: 13.09.2023 zh.)
12. Convention on the Law of the Non-navigational Uses of International Watercourses 21.05.1997 (ILM 36 [1997] 700) [Elektron.resurs]. – URL: http://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/8_3_1997.pdf (zhygingen kyn: 13.09.2023 zh.)
13. Kalinichenko T.G. Halyřaralyk su křkyřyn řalyptastyru zh ne damytu // Ekologiyalyk křkyř. – 2005. – №6 – b. 33

On the issue of the peculiarities of the law of the Grand Duchy of Lithuania as integration law

Ivanov Konstantin Igorevich,

Doctor of Law, Associate Professor at the European Humanities University
Vilnius, Lithuania

e-mail: Konstantin.ivanov@ehu.lt

ORCID: 0009-0004-9037-6526; JEL-code: K33 International law

Annotation: The article is devoted to the historical aspects of the formation of the law of the Grand Duchy of Lithuania. The author refers to its structure, features, actions in time and territory. It is important to study the influence of the law of the Grand Duchy of Lithuania in neighboring countries. The peculiarity of the law of the Grand Duchy of Lithuania lies in the fact that it continued to operate even after the state unification itself

Key words: Lithuania, Grand Duchy of Lithuania, law, history of law, history of foreign law.

Литва Ұлы Герцогтігінің интеграциялық құқық ретіндегі құқығының ерекшеліктері туралы сұраққа

Иванов Константин Игоревич,

Заң ғылымдарының докторы, Еуропа гуманитарлық университеттің қауымдастырылған профессоры

Вильнюс, Литва

e-mail: Konstantin.ivanov@ehu.lt

ORCID: 0009-0004-9037-6526; JEL-code: K33 Халықаралық құқық

Түйіндеме: Мақала Литва Ұлы княздығын құқығын қалыптастырудың тарихи аспектілеріне арналған. Автор оның құрылымын, ерекшеліктерін, уақыт пен аумақ бойынша әрекетін көрсетеді. Литва Ұлы княздығы құқығының көрші елдерге әсерін зерттеу де маңызды. Литва Ұлы княздығы құқығы әрекетінің ерекшелігі – ол мемлекеттер біріккеннен кейін де өзінің әрекет етуін жалғастырғандығында.

Негізгі сөздер: Литва, Литва Ұлы княздығы, құқық, құқық тарихы, шетелдік құқық тарихы.

К вопросу об особенностях права Великого княжества Литовского как интеграционного права

Иванов Константин Игоревич,

Доктор права, ассоциированный профессор Европейского гуманитарного университета

Вильнюс, Литва

e-mail: Konstantin.ivanov@ehu.lt

ORCID: 0009-0004-9037-6526; JEL-code: K33 Международное право

Аннотация: Статья посвящена историческим аспектам становления права Великого княжества Литовского. Автор обращается к его структуре, особенности, действия по времени и территории. Важно изучить влияние права

Великого княжества Литовского соседних стран. Особенности действия права Великого княжества Литовского заключается и в том, что оно продолжало действовать и после самого государственного объединения

Ключевые слова: Литва, Великое княжество Литовское, право, история права, история зарубежного права.

Introduction

In 1991, the Republic of Lithuania regained its independence by seceding from the Soviet Union. The history of the law of this Baltic state, which celebrated its 1000th mention in 2009, dates back to ancient times. When and under what circumstances was the State of Lithuania formed? It is impossible to consider the formation of the legal system of Lithuania without analyzing and considering the history of law. It is not for nothing that the preamble of the new Constitution of the Republic of Lithuania dated October 25, 1992 states that the Statutes are called the legal foundations of the Lithuanian state.

Materials and methods

The basis for writing this article was the First Lithuanian Statute as a monument of medieval European law, its analysis, its influence on the development of Lithuanian law. An ancient and important source was also considered - the privileges of Jogaila. When writing the article, the author used general scientific-empirical (description, observation, comparison, generalization), theoretical (axiomatic, unity of historical and logical), general logical methods and research techniques (analysis, synthesis, generalization) methods.

Discussion

The Grand Duchy of Lithuania was one of the powerful states of medieval Europe, which once united the territories of modern Lithuania, Russia, Poland, Latvia, Belarus and Ukraine. It was a state of two seas - the Baltic and the Black. Therefore, the history of this principality is an undoubted component of the history of all the above countries. The law of the Grand Duchy of Lithuania is also very specific for its time. This was influenced by many facts. The cornerstone of the history of law and state of the Grand Duchy of Lithuania was the well-known Lithuanian Statutes. In modern legal doctrine, there is growing great interest in them, associated, first of all, with their complete lack of study, with different interpretations of legal terms, with disputes over the authenticity of translations, etc.

At the very beginning, the Lithuanian state used customary law and Russian law as sources of law. In legal proceedings the official language was Russian. The Russian language played an important role in the life of the state and in legal proceedings, since it was spoken by a large number of residents of the Baltic state.

Despite the serious position of the Grand Duchy of Lithuania in Europe, the first codified source appeared somewhat later in comparison with other European countries. The compilation and codification of customary law norms of judicial codes and statutes already known at that time as the Statutes of Casimir the Great, the Code of Carolina, the Code of Laws of Ivan III and a number of others, their content was

predetermined by the maturity of feudal society, the level of legal thought, the characteristics of the historical eras in which they were compiled, and also characteristic national features of the peoples of individual countries. The circumstances listed above led to the emergence of Lithuanian written law, and later the First Lithuanian Statute. The only difference is that this happens later, 150 years after the creation of the Lithuanian state itself. (1, c 12)

But still, before analyzing the Lithuanian Statute, it would be more correct to consider the first act of written Lithuanian law - the Jogaila privileges. And soon new privileges for Jews appeared under Vytautas the Great. The structure of the state and the rights of the estates were determined by special privileges that transferred Polish state concepts to Lithuanian soil. Privileges were given both to the whole state and to individual regions, classes or groups of people (gentry, townspeople, Jews). (2, c 15)

Granting privileges to Jewish communities in the 14th century. was already a tradition for a number of European rulers. But researchers believe that this privilege differs from its prototypes in many significant features. (3, C 120) Vytautas Privilege is an important source in the study of not only the history of the Jewish people, but also the Grand Duchy of Lithuania. It turns out that the writing and entry into force of this privilege was a challenge of the time. After all, it was during this period that Lithuania tried to be as close as possible to Europe and in the legal sphere too. The Grand Duchy of Lithuania was multinational, and the Jewish community was one of the largest and legal regulation was very necessary. After all, even at that time Vilnius was called the Second or Northern Jerusalem. The use of such an instrument as privileges in legal practice brought the Grand Duchy of Lithuania even closer to the Polish Principality.

At the end of the 16th century, Lithuania still did not have codified legislation, but was guided by a set of regional statutes and local traditions. It was at this time that the intention was born to combine all the “rights” into a single whole, however, the implementation of the plan was postponed. For the first time, the preparation and adoption of a national code of laws for the Grand Duchy of Lithuania was mentioned in the confirmation privilege of the Grand Duke of Lithuania Alexander in 1501. (4, C 54) In it, the Grand Duke pointed out the temporary nature of the privilege. The privileges remained in force until the adoption of the first Lithuanian Statute. The initiative for codification was taken by the nobility, which was rapidly gaining strength. Then the envoys to the Diet of 1514 submitted a petition to the Grand Duke to “write the right into law.” But then the question became open again. And already in 1522 the Sejm decided to begin discussing this proposal. The draft statute was developed by the Grand Duke's office. Here it is undoubtedly important to clarify the issue of the language of the First Lithuanian Statute. It was written neither in Lithuanian nor in Latin. Which would be quite logical. The Lithuanian language at that time was not the official language of the Grand Duchy of Lithuania. The main legal monuments of that time were written in Latin. Due to the fact that Kievan Rus was unable to repel the Tatar-Mongol invasion and by that time had ceased to exist as a state. The scattered principalities were annexed by Lithuania in a fairly short period.

Among them were the Novgorod, Vitebsk, and Polotsk principalities. And thus, along with the German and Latin languages, the writing of the annexed principalities began to be used and used in legal proceedings. At the moment, having studied many studies, we can decide that the First Lithuanian Statute was written in the Old Belarusian language. This language is called the Old Belarusian language conventionally, since at that time there was neither the state of Belarus itself nor the Belarusian language. It should be noted, that in the scientific literature there is no single generally accepted name for the name of the Cyrillic written language of the Grand Duchy of Lithuania. (5, C 17) Modern researchers of the Baltic and Slavic languages point to the similarity of origin and use of the Russian, Old Belarusian and Ukrainian languages. Thus, it turns out that the Lithuanian legislator resorted to tricks to retain the conquered lands. The Basic Law of the Grand Duchy of Lithuania was written in the language of the conquered principalities. By that time, this language had become commonly used in the territories of the Lithuanian state, which at that time extended from the Baltic to the Black Seas.

The statute, discussed at many meetings, was adopted in the fall of 1529. It was not published, but was rewritten for practical use. Through the lists that have survived to this day, the necessary amendments were made to the document to correct inaccuracies. An interesting detail of the statute is that it was written in Belarusian. Later, the Lithuanian statutes were translated into Polish and Russian. The Lithuanian Statutes were published in the Grand Duchy of Lithuania back in the 16th century and continued to operate in the former territories of this state as a collection of civil and criminal laws until almost half of the 19th century. Thus, it turns out that the laws of the state outlived the state itself for several centuries.

The first Lithuanian Statute, known as the “Old” Statute, consists of 13 sections divided into 264 articles. The first section treats the problems of supreme power and communicating it to the population. The head of state was the ruler, who in his activities relied on the Council of Lords, which included Catholic bishops, the chancellor, the hetman, and the governors. The highest officials of the Lithuanian state were the marshals, the chancellor, and the zemstvo hetman. The city administration was headed by elected bodies; they owned administrative and judicial power in the city. The other is about “Zemstvo Defense,” that is, about the organization of military service. The third is about the nobility (gentry) and their privileges. The fourth is about judges and courts. The highest judicial body was the court of the ruler. Community peasant courts, courts of elders and governors operated locally. The rest is the norms of civil and criminal law, as well as the procedure for the judicial process. The statutes were a reflection of the struggle between the rich boyars (lords) and the nobility (gentry) and recorded the totality of rights and privileges that the gentry leadership awarded itself. The nobility was guaranteed approximately the following: they did not have the right to punish them without a harsh public trial; the land could not be taken away without guilt; The responsibility of the nobleman for violations was established individually. The gentry also had the opportunity to appeal decisions to the voivode or headman to the highest-ranking

prince, and had the freedom to travel abroad. Submitted nobility were dismissed without any additional taxes or duties.

For the murder of a nobleman, the nobleman paid 100 kopecks. pennies of “blame” to the relatives of the murdered man and the same amount of “blame” to the Grand Duke. A slave paid for the murder of a nobleman with his head.

The statutes were a serious instrument for the protection of the gentry in the Grand Duchy of Lithuania. At the request of the gentry, the Statute was changed several times, and serious changes led to the document being significantly supplemented and approved as a privilege on March 1, 1566.

The process of increasing the gentry's rights and privileges, from the fact that the gentry enshrined the right in the code, led to the approval and adoption by the Seimas of a new edition - the so-called "Volyn" Statute of 1566. This statute already consisted of 14 sections and 366 articles. This Statute is known as the Second Lithuanian Statute.

In Lithuanian law, one of the most common types of punishment was fines, along with which there was such punishment as the death penalty. In law, its class character is most clearly visible, when for the same crime: a nobleman and a commoner were punished differently. The codification process of the Grand Duchy of Lithuania continued and in 1588 a completely new, more “fragmented statute”, known as the “New”, appeared. The regulation of feudal relations is most clearly visible in it. Land law protected the gentry's monopoly on the use and disposal of land (that is, the land authorities).

This statute, in contrast to the Union of Lublin of 1569, secured the political independence of the Grand Duchy of Lithuania.

Obligatory legal relations are highlighted as a separate institution of civil law in the statutes of the Grand Duchy of Lithuania.

It should be noted that, in contrast to property legal relations, in which the right of an active subject corresponds to the obligation of all citizens in a general sense without a specific definition of the participants in legal relations, in obligatory legal relations a complete certainty of the persons participating in them is established. These relationships exist only between known persons and do not concern other persons. Subjects of obligatory legal relations have certain names. The active subject is called a “believer” or creditor, because he trusts the diligence of the passive subject, called the debtor, since the latter must fulfill the obligation assigned to him. It should be noted that these terms are used in relation to contractual obligations. In certain agreements, subjects of obligatory legal relations are assigned other specific names: seller, buyer, tenant, and so on. In most cases, one debtor corresponds to one creditor. However, there were also cases when there were more than two active and passive subjects. This phenomenon took place back in classical Roman law, where there were also simple cases of obligatory legal relations - one creditor (*reus stipulandi*) and one debtor (*reus promittendi*), as well as obligatory legal relations that were more complex in the number of participants: with several creditors and debtors. Actions that constituted the object of obligatory legal relations under the statutory

law of the Grand Duchy of Lithuania could be one-time (transfer of an acquired item), reusable (supply of firewood for heating a home), long-term (storage of someone else's item).

It must be emphasized that the basis of the system of Lithuanian feudal law was its division into private and public. At the same time, a violation of private law entailed legal obligations, the emergence, operation and termination of which were regulated by the rules of the law of obligations. The history of law knows three Lithuanian statutes, which were approved in 1529, 1566 and 1588. Due to frequent changes in the territory, as stated, they were supplemented and changed. The most recent Lithuanian statutes (1588) were in force in Lithuania and Belarus and were completely repealed only in 1840.

Researchers of the latter statute notice its great similarity with old Russian law, especially with “Russian Truth”. The opinions of most scientists boil down to the fact that “Lithuanian Rus” itself, in other words, Belarus and Ukraine, preserved and developed the old Russian legal norms more than others. Professor Maksimenko explained this similarity by the fact that “Russkaya Pravda” itself arose on the same basis on which the Lithuanian Statute subsequently arose, that is, in Kievan Rus. (5, c 13)

By annexing the territories that once belonged to the Grand Duchy of Lithuania, the Russian Empire initially left the population to the use of local laws. Therefore, the role of the Lithuanian Statutes remained important at this historical stage. Thus, it became necessary to translate the text of the Statute into Russian. It is with this period that most of the problems in the modern study of the Lithuanian Statutes are connected. The Statutes were translated into Russian from Polish. In the Polish version of the translation there are noticeably a large number of inaccuracies when translating from the original. Therefore, in modern studies of the Lithuanian Statutes, the source itself is very important. It turns out that the most correct version is written in Old Belarusian, which in turn makes it difficult to accurately and completely study this medieval code of laws.

Results and Conclusions

The first experience of codified law - the Lithuanian statutes - outlived the Grand Duchy of Lithuania itself for several centuries. Not every modern European state can boast of such a legal heritage as the Republic of Lithuania. Lithuanian law of that period can be called integration law in modern legal language and, to some extent, can be compared with the current European law. Lithuanian statutes are an important source on the socio-economic and legal history of Lithuania.

Sources and literature

1. S. Lazutka, I. Valikonytė, E. Gudavičius Первый Литовский статут (1529 г.). — Vilnius: Margi raštai, 2004. — с. 12
2. Сухарев, А. А., Матузенко, Т. И. К вопросу о Привилее Ягайло от 20 февраля 1387 года /А. А. Сухарев, Т. И. Матузенко. //Право Беларуси. Часть 1. - Новополоцк, 2004. -С.55

3. Привилегия евреям Витаутаса Великого 1388 года. Реконструкция и анализ текста – С. Лазутка, Е. Гудавичюс. Москва – Иерусалим, 1993, 120 с
4. Журавский А. О канцелярском языке Великого княжества Литовского // Lietuvos istorijos metraštis 1983 metai Vilnius, 1984 p. 17
5. Максимейко Н. А. Русская Правда и литовско-русское право. Киев, 1904 С.13

**Халықаралық құқық нормаларына сәйкес кәмелетке
толмағандардың жыныстық қолсұғылмаушылығын мемлекетішілік
қорғаудың өзекті мәселелері**

Ергалимова Ақбопе Нұрмұханбетқызы

Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті 2-курс докторанты
Астана, Қазақстан

e-mail: Akbope_80kz@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4143-9100

Түйіндеме. Кәмелетке толмағандардың жыныстық қолсұғылмаушылығына қарсы жасалынатын қылмыстық құқық бұзушылықтар санының жыл санап өсуі - еліміздегі кәмелетке толмағандардың құқықтары мен бостандықтарын қорғау саласындағы мемлекеттік саясатты күшейту қажеттілігін туындатуда. Елімізде кәмелетке толмағандардың құқықтары мен бостандықтарын қорғау және қамтамасыз ету саласында халықаралық және ұлттық деңгейде бірқатар құжаттар қабылданғанымен, кәмелетке толмағандардың қоғам мен отбасындағы қауіпсіздіктері әлі де сақталмай келеді. Мемлекеттік құзыретті органдардың статистикалық мәліметтеріне көз жүгіртетін болсақ кәмелетке толмағандардың жыныстық қол сұғылмаушылығына қарсы жасалынып жатқан қылмыстардың санының әлі де болса азаймай тұр. Кәмелетке толмағандардың ерекше бір санатын-мүмкіндігі шектеулі балалар құрайды. Денсаулық жағдайының түрлі ерекшеліктеріне байланысты мүмкіндігі шектеулі балалар жыныстық сипаттағы зорлық-зомбылықтың құрбандарына айналу қаупі өте жоғары. Алайда, бұл туралы құқыққорғау органдарына хабарлану мүмкіндігі төмен болғандықтан бұл санаттағы балаларға қатысты жасалған қылмыстар латентті сипатта қалады.

Мақалада кәмелетке толмағандардың жыныстық қолсұғылмаушылығына қарсы қылмыстық құқықбұзушылықтардың қауіптілігі мен оған әсер етуші факторлары сипатталады. Мақала авторымен еліміздегі кәмелетке толмағандардың жыныстық қолсұғылмаушылығына қарсы қылмыстардың соңғы жылдардағы статистикалық мәліметтері зерттеледі. Сонымен қатар кәмелетке толмағандардың жыныстық қолсұғылмаушылығына қарсы

қылмыстық құқықбұзушылықтардың алдын - алуды жетілдіруде тиімді шешу жолдары ұсынылады.

Негізгі сөздер: кәмелетке толмаған балалар, жыныстық қолсұғылмаушылық, жыныстық сипаттағы зорлық-зомбылық, қамқоршылық және қорғаншылық органы, Дүниежүзілік денсаулық сақтау ұйымы, мүмкіндігі шектеулі бала, бала құқықтары туралы Конвенция.

Актуальные вопросы внутригосударственной защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних в соответствии с международным правом

Ергалимова Ақбопе Нұрмұханбетқызы

Евразийский национальный университет имени Л.Н.Гумилева докторант 2-курса

Астана, Казахстан

e-mail: Akbope_80kz@mail.ru

ORCID: [0000-0003-4143-9100](https://orcid.org/0000-0003-4143-9100)

Аннотация. Ежегодный рост количества уголовных преступлений, совершаемых против половой неприкосновенности несовершеннолетних, порождает необходимость усиления государственной политики в сфере защиты прав и свобод несовершеннолетних в стране. Несмотря на принятие ряда документов на международном и национальном уровне в сфере защиты и обеспечения прав и свобод несовершеннолетних в стране, безопасность несовершеннолетних в обществе и семье по-прежнему не сохраняется. По статистике компетентных государственных органов, количество преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних по-прежнему не снижается. Особой категорией несовершеннолетних являются - дети с ограниченными возможностями здоровья. Дети с ограниченными возможностями здоровья подвергаются очень высокому риску стать жертвами сексуального насилия. Однако из-за малой вероятности донесения до правоохранительных органов преступления, совершенные в отношении детей данной категории, остаются латентными.

В статье описана опасность уголовных преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних и факторы, влияющие на нее. Автор статьи рассматривает статистику преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних в стране за последние годы. При этом предлагаются эффективные решения по совершенствованию профилактики уголовных преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетние дети, половая неприкосновенность, сексуальное насилие, опека и попечительство, Всемирная

организация здравоохранения, ребенок с ограниченными возможностями, Конвенция о правах ребенка.

Current issues of domestic protection of sexual integrity of minors in accordance with international law

Yergalimova Akbope

Doctoral student L. Gumilyov Eurasian National University

Astana, Republic of Kazakhstan

e-mail: Akbope_80kz@mail.ru

ORCID: [0000-0003-4143-9100](https://orcid.org/0000-0003-4143-9100)

Abstract. The annual increase in the number of criminal offenses committed against the sexual integrity of minors gives rise to the need to strengthen state policy in the field of protecting the rights and freedoms of minors in the country. Despite the adoption of a number of documents at the international and national level in the field of protecting and ensuring the rights and freedoms of minors in the country, the safety of minors in society and family is still not maintained. According to statistics from the competent government bodies, the number of crimes against the sexual integrity of minors is still not decreasing. A special category of minors are children with disabilities. Children with disabilities are at very high risk of becoming victims of sexual violence. However, due to the low likelihood of being reported to law enforcement agencies, crimes committed against children in this category remain latent. At the same time, effective solutions are proposed to improve the prevention of criminal offenses against the sexual integrity of minors.

Keywords: minor children, sexual integrity, sexual violence, guardianship and guardianship, World Health Organization, child with disabilities, Convention on the Rights of the Child.

Кіріспе. Отбасы қоғамның негізгі әлеуметтік бөлшегі болып табылатыны ертеден белгілі. Отбасы - болашақ дені сау ұрпақты өсіретін, еңбек нарығын жұмыс күшімен қанықтыратын, жас ұрпақтың рухани және физикалық дамуының негізін қамтамасыз ететін, мәдениет пен адамгершілік, білім нәрімен сусындауына мүмкіндік тудыратын ең негізгі институт.

Сондықтан кез - келген мемлекет отбасының қызмет етуіне қолайлы жағдай жасау арқылы ғана емес, сонымен бірге отбасының, оның мүшелерінің, кәмелетке толмағандардың және олардың ата-аналарының рухани және физикалық даму мүдделеріне зиян келтіргені үшін, оның құқықтарын бұзғаны үшін құқықтық жауапкершілікті белгілеу арқылы салауатты отбасылық қатынастарды қорғауға және дамытуға мүдделі.

Кәмелетке толмағандардың құқықтары мен заңды мүдделерін қамтамасыз ету, оларды зорлық-зомбылықтың кез-келген түрінен қорғау – мемлекеттік саясаттың басым бағыттарының бірі болып табылады. Ұлттық статистика

бюросының 2022 жылғы мәліметтеріне сүйенсек, елімізде 6 485 507 кәмелетке толмаған балалар өмір сүруде, олардың 51,5 % –ұл балалар болса, 48,5 %-қыз балалар. [1] Кәмелетке толмағандардың жыныстық қолсұғылмаушылығына қарсы қылмыстардың жоғары деңгейі соңғы жылдардағы қоғамның аса өзекті мәселелерінің біріне айналып отыр. Оның өзектілігі – бұл қылмыстың адамдардың ең осал, әлсіз санаты - балаларға қатысты жасалатындығымен сипатталады.

Материалдар мен әдістер. Қазақстан Республикасы тәуелсіздігін жариялап, өзін демократиялық, құқықтық мемлекет ретінде орнықтырған сәттен бастап кәмелетке толмаған балалардың құқықтары мен бостандықтарын қорғауды жүзеге асыру мақсатында 45-ке жуық нормативтік-құқықтық акт қабылданып, 15-ке жуық халықаралық құжат ратификацияланды. Олардың қатарында Біріккен Ұлттар Ұйымының Бас Ассамблеясымен 1948 жылы 10 желтоқсанда қабылданған Адам құқықтарының жалпыға ортақ Декларациясы, 1966 жылғы 16 желтоқсандағы азаматтық және саяси құқықтар туралы Халықаралық пакт, 1985 жылы 20 қарашада қабылданған Бала құқығы туралы Декларация, 1989 жылы 20 қарашадағы Бала құқықтары туралы Конвенцияның ерекше маңызы бар.

Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пактінің 24-бабы 1-бөлігінде әрбір баланың тіліне, дініне, шығу тегіне, нәсіліне, түр-түсіне, ұлттық және әлеуметтік шығу тегіне, мүлiктік немесе туылу жағдайына қарамастан отбасы, қоғам, мемлекет тарапынан жан-жақты қорғалуымен қатар сол құқықтарды толығымен қамтамасыз ету үшін мемлекеттер тиісті шараларды қабылдауы қажет екендігіне аса мән береді. [2] 1985 жылы 20 қарашада қабылданған Бала құқығы туралы Декларациясының Преамбуласы балалардың бақытты балалық шағын және олардың жеке тұлға ретінде Декларацияда көзделген барлық құқықтар мен бостандықтарды еркін пайдалануын қамтамасыз ету мақсатында ата-аналарды, ерікті ұйымдарды, жергілікті билік органдарын, үкіметтік және үкіметтік емес ұйымдарды барлық заңнамалық және басқа да қажетті шараларды қабылдауға шақырады. [3]

Бала құқықтары туралы Конвенцияның (ары қарай - Конвенция) 1-бабына сәйкес, «Конвенцияның мақсаттары үшін, егер бала, қолданылатын заңға сәйкес кәмелеттік жасқа ертерек толмаса, 18 жасқа толмаған әрбір адам бала болып табылады» делінген. [4]

Конвенциясының 34-бабында «қатысушы мемлекеттер баланы жыныстық қанаудың және жыныстық зорлық-зомбылықтың барлық түрінен қорғауға міндеттенеді. Осы мақсатта қатысушы мемлекеттер, атап айтқанда, ұлттық, екіжақты және көпжақты деңгейлерде:

a) баланы кез - келген заңсыз жыныстық әрекетке итермелеу немесе мәжбүрлеуді болдырмау үшін;

b) балаларды жезөкшелікте немесе басқа да заңсыз сексуалдық әрекеттерде пайдалануды болдырмау үшін;

с) порнографиялық материалдарда балаларды пайдалануды болдырмау үшін барлық қажетті шараларды қабылдайды» деп көзделген. [4]

Бүгінгі заң әдебиеттерінде жыныстық сипаттағы зорлық – зомбылық ұғымына ғалымдар тарапынан түрлі анықтамалар берілген. Мысалға алсақ, Я. М. Яковлевтің пікірінше, жыныстық сипаттағы зорлық-зомбылық «жәбірленушінің жыныстық мүддесіне қарсы және еркінен тыс, қоғамдағы жыныстық қатынастың қалыптасқан тәсілін бұза отырып, субъектінің өзінің не өзге адамның жыныстық қажеттілігін қанағаттандыруға бағытталған қылмыстық заңмен қарастырылған қоғамға қауіпті әрекеттері». А. Н. Игнатов келесідей анықтаманы ұсынады «жыныстық сипаттағы зорлық-зомбылық-кінәлінің өзінің немесе басқа адамдардың жыныстық қажеттіліктерін қанағаттандыруға бағытталған жыныстық қатынастың қоғамда қалыптасқан тәсілін және жыныстық моральдың негізгі қағидаттарын өрескел бұзатын әлеуметтік қауіпті әрекеттер». Б. В. Даниэльбектің пікірі де жоғарыдағы авторлармен етене ұқсас, яғни, оның ойынша жыныстық сипаттағы зорлық-зомбылық дегеніміз «Өзінің немесе басқа біреудің қажеттіліктерін қанағаттандыруға бағытталған, қоғамдағы жыныстық қатынастың қалыпты құрылымына қол сұғатын жыныстық сипаттағы әлеуметтік қауіпті әрекеттер». [5]

Сонымен, жоғарыда аталған авторлардың пікірлерін қорытындылай келе, жыныстық сипаттағы қылмыстар – бұл заңмен қорғалатын жыныстық қол сұғылмаушылық пен жеке адамның жыныстық бостандығына, сондай-ақ кәмелетке толмаған адамдардың моральдық және физикалық дамуына қарсы бағытталған қоғамға қауіпті, қылмыстық заңда жазалау қатерімен тиым салынған әрекеттер деп қорытынды жасауға болады.

Кәмелетке толмағандарға қатысты жыныстық сипаттағы зорлық-зомбылық дегеніміз - баланың еркімен және (не) оның еркінен тыс және (не) оның дәрменсіз жағдайын пайдаланып оған қатысты жасалынған кез-келген жыныстық сипаттағы әрекеттер. Кейбір ғалымдардың пікірінше, жыныстық зорлық-зомбылық – ересек адамдардың жыныстық қанағаттану немесе материалдық пайда алу мақсатында баланы түрлі жыныстық әрекеттерге тартуы ретінде қарастырылған. [6,с.10] Жыныстық зорлық - зомбылық әрекеттері баланы қорқыту, аңду, балаға қатысты әдепсіз әрекеттер жасау жолымен зорлауға әрекеттену және онымен жыныстық қатынасқа түсуден тұрады.

Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 120, 121, 122, 123, 124-баптарында кәмелетке толмағандардың жыныстық қолсұғылмаушылыққа деген құқықтарын қамтамасыз ететін, оларға қатысты қылмыстық құқық бұзушылықтар жасалған жағдайда қылмыстық жауаптылықты белгілейтін қылмыстық-құқықтық нормалар бар, бұл баланың құқықтарын қорғау саласындағы халықаралық құқық нормаларына сәйкес келеді.

Еліміздің қылмыстық заңнамасының талаптарына сәйкес кәмелетке толмағандардың жыныстық қолсұғылмаушылыққа деген құқықтарына қарсы

қылмыстар үшін істі жәбірленушімен татуласуына байланысты, белсенді өкінуіне байланысты тоқтатуға заңды түрде тыйым салынған. Кәмелетке толмағандардың жыныстық қол сұғылмаушылықтарына қарсы қылмыс жасаған адамдар соттылығы бойынша ескіру мерзімінің өтуіне байланысты жазасын өтеуден босатылуға және шартты түрде мерзімінен бұрын босатуға жатпайды. Осы санаттағы тұлғаларға қатысты жазаның өтелмеген бөлігі жазаның неғұрлым жеңіл түрімен ауыстырылмайды, жазаны өтеуді кейінге қалдыруға жол берілмейді, оларға рақымшылық актісі де қолданылмайды.

Жыныстық сипаттағы зорлық-зомбылық қылмыстарының түрлік объектісі- жеке тұлғаның жыныстық қолсұғылмаушылыққа деген құқығы мен жыныстық бостандығы. Қылмыс объективтік жағынан жәбірленушінің жыныстық мүддесіне зиян келтірген немесе зиян келтіру қаупін тудырған тек қана белсенді әрекеттерден тұрады. Қылмыстың субъектісі - ақыл-есі дұрыс, қылмыс құрамына байланысты қылмыс жасаған уақытта 14, 16 жасқа толған жеке тұлға. Субъективтік жағынан бұндай қылмыстар тек қана тікелей қасақаналықпен жүзеге асырылады. Осылайша, жоғарыда айтылғандарға сүйене отырып, қылмысқа барудағы ниет-мақсат жыныстық сипаттағы зорлық-зомбылық қылмыстары үшін субъективтік жақтың міндетті белгісі болып табылмайды деген қорытынды жасауға болады, өйткені бұл топтағы қылмыстар бұзақылық ниетпен, кек алу мақсатында, сондай-ақ пайда табу мақсатында болуы мүмкін. Жауаптылық пен жаза тағайындау кезінде қылмыскердің қылмыс жасаудағы ниет –мақсаты маңызды рөл атқармайды.

Жыныстық сипаттағы зорлық-зомбылық қылмыстарының құрамы негізінен формальдық сипатқа ие, яғни, қылмыстан кейінгі зардаптардың туындаған туындамағанына қарамастан қылмыс басталған сәттен бастап аяқталған болып саналады.

Қазақстан Республикасы қылмыстық кодексінің 120-бабына сәйкес зорлау- жеке тұлғаның жыныстық қолсұғылмаушылық құқығы мен жыныстық бостандығына қарсы қылмыстардың аса ауыр санатын құрайды және бұндай қылмыстың жәбірленушісі тек қана әйел адам болып табылады. Сәйкесінше, 121, 122, 123, 124-баптарда қылмыстың жәбірленушісі- әйел адаммен қатар ер адам да болуы мүмкін. Қарастырылып отырған қылмыстардың субъектілері өзіндік ерекшеліктерге ие. Зорлау қылмыстарының субъектісі ретінде - ақыл есі дұрыс, қылмыс жасаған уақытта жасы 14-ке толған ер адам (арнайы субъект) ғана табылады. Әйел адам тек зорлауды бірге орындаушы немесе басқа да сыбайлас қатысушы (ұйымдастырушы, айдап салушы, көмектесуші) ретінде әрекет ете алады. Он төрт жасқа толған ер адамдар да, әйелдер де жыныстық сипаттағы зорлық-зомбылық әрекеттерінің субъектісі болуы мүмкін. Он алты жасқа толған адамдар жынысына қарамастан жыныстық сипаттағы әрекеттерге мәжбүрлегені үшін қылмыстық жауаптылыққа тартылады. Азғындық әрекеттердің субъектісі ер адам да, әйел адам да болуы мүмкін. Он алты жасқа толмаған адаммен жыныстық қатынасқа түсу және жыныстық сипаттағы басқа да әрекеттер үшін қылмыстық жауаптылыққа 16 жасқа толған ерлер мен

әйелдер тартылуы мүмкін. Отандық криминалист Ю.М.Антонян «жыныстық сипаттағы қылмыстардың алдын алу тиімсіз және олар нашар ашылады деп есептейді. Қоғам, өз кезегінде, мемлекеттен бұндай қылмыстардың тиімді алдын алу шараларын күтеді және қылмыскерге тағайындалған жаза қылмыстың рецидивіне жол бермейтіндей болуы керек деп санайды».

Кәмелетке толмағандардың жыныстық қолсұғылмаушылығына қарсы қылмыстар жоғары деңгейдегі латенттілік сипатқа ие. Қылмыстың жәбірленушісі бала болғандықтан, ол өзінің физикалық күш-қуатының жеткіліксіздігінен, қорқыныш пен үрей сезімдеріне бой алдыруынан өзіне қатысты жасалынып жатқан әрекеттерге қарсы тұруға қауқары жетпейді. Кәмелетке толмаған балалардың өз отбасында туған әкесінің не анасымен бірге тұратын басқа ер азаматтардың тарапынан жыныстық зорлық - зомбылықтың құрбандарына айналу деректері аз емес. Анасының баланың сөзіне сенбеуі, қоғамдық теріс пікірге қалудан қорқуы, ер адамнан материалдық не өзге де тәуелділікте болуы, кәмелетке толмаған балаға қылмыскер тарапынан көрсетілген психикалық қысым, баланың дәрменсіздігі - бұндай қылмыстар туралы құқық қорғау органдарына хабарланбай қалудың негізгі себептерін құрайды. Тіпті ұзақ уақыт араға салып бұндай қылмыстар туралы құқыққорғау органдарына хабарланғанымен іс бойынша дәлелдемелердің жеткіліксіз болуы немесе мүлде жойылып кетуінен кінәлі тұлғаны қылмыстық жауаптылыққа тартудың мүмкіндігі жоққа шығарылады.

Кәмелетке толмағандардың жыныстық қолсұғылмаушылығына қарсы қылмыстар өзінің криминалдық сипаты жағынан жоғары белсенділік пен өте ауыр салдарларға ие, бұндай қылмыстар кез-келген жастағы кәмелетке толмаған қылмыстың құрбаны үшін тек физиологиялық қана емес, ауыр психологиялық салдарларға, атап айтсақ, қылмыстың құрбаны болған кәмелетке толмаған балада өз-өзіне қол жұмсау (қол жұмсауға әрекет жасау), агрессия, қатарлас құрдастарынан шеттелу мен терең депрессияға түсу, сабақ үлгерімінің күрт нашарлауы, үйден қашу, сабақты себепсіз босату, қоғамға жат топтарға кіру, жарақаттан кейінгі терең ақаулар (энурез, кекештік, түрлі фобиялар), садомазохистік тенденциялардың пайда болуы мен гомосексуалдық бағдардың өзгеруіне себеп болатын психоәлеуметтік дамуының толықтай бұзылуына алып келіп соғуы мүмкін.

Мәселені талдау барысында 2022-2023 жылдар бойынша еліміздегі кәмелетке толмағандардың жыныстық қолсұғылмаушылықтарына қарсы қылмыстық құқық бұзушылықтарды анықтау мақсатында құзыретті органдардың статистикалық мәліметтеріне жүгіндік. Нәтижесінде анықталғаны: 2022-2023 жылдар бойынша сотқа дейінгі тергеулердің бірыңғай тізілімінде (ЕРДР) кәмелетке толмағандардың жыныстық қолсұғылмаушылығына қатысты тіркелген қылмыстық құқықбұзушылықтар саны – 2022 жылы- 706, 2023 жылы (қаңтар-тамыз айларында) -591- ді құраған. Соның ішінде 2022 жылы -725, 2023 жылы - 460 қылмыстық іс сотқа жіберілген.[7] Егер, ағымдағы жылдың аяқталуына әлі 2 айдың бар екендігін ескерсек 2023 жылдағы аталған

баптардағы көрсеткіштер 2022 жылдан кем түспеуі мүмкін деген күмәніміз орынсыз емес.

Талқылау. Кәмелетке толмаған балалардың негізгі бір санаты - мүмкіндігі шектеулі балалар. ЮНИСЕФ есебіне сәйкес, 2021 жылы әлемде 240 миллион мүгедек бала бар деп есептелген. Біріккен Ұлттар Ұйымының мәліметтері бойынша жыл сайын шамамен 10 миллион бала кәмелеттік жасқа толғанға дейін қайтыс болады немесе олардың өмір сүруі мен дамуы үшін жеткілікті жағдайлар жасалмағандықтан, бес жасқа толғанға дейін физикалық немесе психикалық ауру болып қалады. [8, с.27]

Қазақстан Республикасы Денсаулық сақтау Министрлігінің 2022 жылғы статистикалық мәліметтеріне сүйенетін болсақ, елімізде 18 жасқа дейінгі мүгедек балалардың саны - 98254, оның ішінде Атырау облысында - 3922, Қызылорда облысында - 5513, Түркістан облысында - 14883, Шығыс Қазақстан облысында - 5593, Қостанай облысында - 3231, Алматы қаласында - 7841, Ақмола облысында - 3077, Жамбыл облысында - 6658, Маңғыстау облысында - 6601, Астана қаласында - 7188, Ақтөбе облысында - 4428, Батыс Қазақстан облысында - 2866, Павлодар облысында - 3123, Шымкент қаласында - 6663, Алматы облысында - 8953, Қарағанды облысында - 5478, Солтүстік Қазақстан облысында - 2236. [9]

Зерттеулер көрсеткендей, мүгедек балалардың дені сау балалармен салыстырғанда физикалық зорлық-зомбылыққа ұшырау ықтималдығы әдетте 3,6 есе және жыныстық зорлық-зомбылыққа ұшырау мүмкіндігі 2,9 есеге жоғары. Дегенмен, мүгедектіктің сипаты мен ауырлығы мүгедек баланың құқықбұзушылықтың құрбаны болу мүмкіндігіне әртүрлі дәрежеде ықпал етеді. Мысалы, интеллектуалдық/психоэмоционалдық кемістігі бар балалардың жыныстық зорлық-зомбылық пен қанаудың құрбаны болу ықтималдығы дені сау балаларға қарағанда 4,6 есе жоғары. Мұның бірқатар себептері бар. Мысалы, ақыл-ой кемістігі бар балаларға дұрыс мінез-құлық пен орынсыз мінез-құлықты ажырату қиын. Сол себепті, мұндай балалар өзіне жасалған жыныстық не өзге зорлық зомбылықты қалыпты, дұрыс әрекет ретінде қабылдауы мүмкін. Кейде зорлық-зомбылық көрсетушілер когнитивті немесе қарым-қатынасында ақаулары бар балаларды «жеңіл нысана» ретінде қарастырады, өйткені мұндай балалар зорлық-зомбылық туралы хабарлау кезінде қиындықтарға тап болады. Оның үстіне, мүгедек балалар «сенімділігі төмен» куәгерлер болып саналады. Бұл зорлық-зомбылық жасағандарды жауапқа тартуды қиындатады. Еуропадағы зорлық-зомбылық дағдарысы орталықтарынан жиналған деректер бұл орталықтарға келген мүгедектердің мүгедектігі жоқ адамдарға қарағанда «бірнеше жыныстық зорлық-зомбылықты бастан кешіру ықтималдығы жоғары» болғанын растайды. [10]

ЮНИСЕФ пайымдауынша әлемдегі 15-19 жас аралығындағы әрбір 20-шы қыз бала (13млн. жуық) өз өмірінде жыныстық зорлық-зомбылықтың құрбаны болған. [11]

Мүгедектікті, оның себептері мен мерзімдерін белгілеу тәртібі Қазақстан Республикасы Денсаулық сақтау және әлеуметтік даму министрінің 2015 жылғы 30 қаңтардағы № 44 бұйрығымен бекітілген медициналық - әлеуметтік сараптама жүргізу Ережесімен регламенттелген. Мүгедектік тобы елімізде бала 7-жасқа толған кезден бастап тағайындалады. Медициналық - әлеуметтік сараптама негізінде 7-жасқа дейінгі балаға –«мүгедектігі бар бала», 7-18 жас аралығындағы балаларға 1,2,3 топ мүгедектігі бар бала санаты тағайындалады. 7 жасқа дейінгі балаға мүгедектік - 6 ай, 1 жыл, 2 жыл, 5 жыл мерзімге немесе 7 жасқа толғанға дейін тағайындалады. 7 жастан 18 жасқа дейінгі балаға мүгедектік -6 ай, 1 жыл, 2 жыл, 5 жыл мерзімге немесе 18 жасқа толғанға дейін тағайындалады. Мүгедектік белгіленген бала осы кезеңдердің белгіленген мерзімінде қайта куәландырудан өтуге міндетті. [11]

Осы жерде біздің назарымызға ілінген маңызды жәйт, балаға мүгедектік тағайындалғаннан кейін оның келесі куәландыру мерзімінің келгенінше оның құқықтары мен заңды мүдделерінің сақталуының, бұзылмауының, отбасы мүшелері тарапынан зорлық – зомбылыққа ұшырамауының ешқандай мемлекеттік орган тарапынан жүйелі түрде қадағаланбауы. Денсаулықтың ерекшелігіне байланысты мүгедектіктің сипатының әртүрлі болатындығын ескерсек, терең психикалық және менталдық ауытқулары бар, тірек - қимыл аппараттарының терең бұзылысы бар (церебральді сал ауруы), саңырау және мылқау балалар (глухонемые) жыныстық сипаттағы зорлық-зомбылық қылмыстарының «нысанасына» оңай айналатыны анық. Терең психикалық және менталдық ауытқулары бар, тірек - қимыл аппараттарының терең бұзылысы бар (церебральді сал ауруының ауыр формасы) балалардың басым көпшілігі еліміздегі инклюзивті білім беру жүйесіне енгізілмегені жасырын емес. Олар психологиялық-медициналық-педагогикалық комиссия қорытындысымен үйден немесе арнайы білім беру мекемелерінде білім алады. Бұндай санаттағы балаларға қатысты жақын туыстары тарапынан, білім беру мекемесі қызметкерлері тарапынан жыныстық зорлық - зомбылық қылмыстары орын алған жағдайда ол туралы құқық қорғау органдарына хабарланбауы да мүмкін. Өкінішке орай, құзыретті органдардың статистикалық мәліметтерінен біз мүгедек балаларға қатысты тіркелген қылмыстық істерді мүлде таба алмадық. Мүмкіндігі шектеулі балалар санаты статистикалық мәліметтерде жеке бөліп қарастырылмағандықтан оларға қатысты жасалынатын қылмыстардың сипатына көз жүгіртуде мүмкін болмады. Бұл – мүмкіндігі шектеулі балалардың құқықтарын қорғау механизмін әлі де болса жетілдіру қажеттігінің белгісі деп санаймыз.

2022 жылдың 14 шілдесі күні Үкіметтің кеңейтілген отырысында мемлекет Басшысы балаларды зорлық-зомбылықтан, суицидтен қорғау және олардың құқықтары мен әл-ауқатын қамтамасыз етудің 2023-2025 жылдарға арналған Кешенді жоспарын әзірлеуді ұсынды. Оқу - ағарту министрлігінің хабарлауынша кешенді жоспарда келесі бағыттағы бірқатар шаралар қарастырылған:

- балалардың құқықтары мен мүдделерін сақтау бойынша адамдардың жауапкершілігін қатаңдату;
- білім беру ұйымдарын қорғаудың кешенді жүйесімен қамтамасыз ету;
- балалар арасында балаларға қатысты зорлық-зомбылық, құқық бұзушылық және суицид деңгейін төмендету, оның ішінде психологиялық қызметті күшейту;
- дағдарыс жағдайынан шығу бойынша балаларға білікті көмек көрсету;
- балалар арасында жолдарда, суда болуы мүмкін оқиғаларға жол бермеу, өрттің алдын алу, балаларға жануарлардың шабуыл жасауы, балалардың терезеден құлауының алдын алу;
- балалар мен ата-аналардың құқықтық сауаттылығын арттыру, балалар мен ата-аналар қатынастарын нығайту жөніндегі ақпараттық-түсіндіру қызметін ұйымдастыру. [12]

Байқағанымыздай, Кешенді жоспарда мүмкіндігі шектеулі балалардың құқықтарын қорғау, қауіпсіздігін қамтамасыз ету мәселесі назардан тыс қалып қойған.

Зерттеулерге сүйенсек, балаларға қатысты жасалынатын зорлық-зомбылық қылмыстарының 69% ата-анасы ішкілікке салынған не есірткі заттарды жүйелі не жиі қолданатын отбасы мүшелерінің тарапынан орын алады. Дүниежүзілік денсаулық сақтау ұйымы да алкогольге және есірткіге тәуелділікті, отбасының қаржылық жағдайының төмендігін, ата-аналарының (немесе біреуінің) бала күнінде зорлық-зомбылықтың құрбандары болу оқиғаларын – балаларға қатысты зорлық-зомбылық әрекеттеріне барудың тәуекелді факторы ретінде қарастырады. [13] Ата-анасы қоғамға қарсы өмір салтын ұстанатын балалардың мінез-құлқында жиі елеулі ауытқулар орын алады, яғни, олар өзге балалармен салыстырғанда қатыгездік және зорлық-зомбылыққа жақын болады.

Елімізде балалардың құқықтары мен заңды мүдделерін қорғауды қамтамасыз ететін басты мемлекеттік орган – қамқоршылық және қорғаншылық органдары. Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2012 жылғы 30 наурыздағы «Мемлекеттік қамқоршылық және қорғаншылық жөніндегі функцияларын жүзеге асыру қағидаларын бекіту туралы» №382 қаулысының (ары қарай- Қаулы) 2-тарауы, 7-бөлігі, 5-тармағында «Орган баланың өміріне немесе денсаулығына тікелей қатер төнген жағдайда ауданның, облыстық, республикалық маңызы бар қаланың, астананың жергілікті атқарушы органының актісі негізінде сот шешімі қабылданғанға дейін баланы ата-анасынан немесе ол қамқоршылығында жүрген өзге адамдардан дереу айырып алуды жүзеге асырады» деп көзделген. [13] Бұл - қамқоршылық және қорғаншылық органдарының атқаратын қызметінің бір ғана бағыты. Аталған қаулыда қамқоршылық және қорғаншылық органдары қызметінің 19 бағыты көрсетілген. Мәліметтерге сүйенсек, 2021 жылы елімізде қамқоршылық және

қорғаншылық органдарында бар жоғы 299 маман қызмет жасаған. Орташа есеппен 1 маманға 17 000 баладан келген.

Аталған органдардағы мамандар саны мен Қаулыда көрсетілген 19 қызмет бағытын назарға алсақ, қамқоршылық және қорғаншылық органдары қолайсыз отбасында тәрбиеленіп жатқан балаларға (сонымен қатар, мүмкіндігі шектеулі балаларға) қатысты отбасы мүшелері тарапынан орын алатын зорлық-зомбылық әрекеттері туралы мүлде бейхабар болуы мүмкін.

Кәмелетке толмағандардың құқықтары мен бостандықтарын қорғау қай уақытта болмасын өзекті. Бұл тек мемлекеттің ғана емес, әрбір саналы азаматтың, жалпы қоғамның міндеті болуы шарт. Кәмелетке толмағандардың құқықтары мен бостандықтарын, соның ішінде жыныстық қол сұғылмаушылыққа деген құқықтарын қорғау саласындағы мемлекетте атқарылып жатқан заңнамалық шараларға қарамастан бұл мәселе әлі де болса өткір болып тұр.

2023 жылдың қыркүйек айындағы Қазақстан халқына жолдауында Президент еліміздегі кәмелетке толмағандардың қауіпсіздігі мәселесін назарынан тыс қалдырмады. Өз сөзінде Мемлекет басшысы «Толыққан тұлға мен саналы азаматтың қалыптасуының іргетасы бала кезінен қаланады. Еліміздегі әрбір баланың бақытты да қауіпсіз балалық шағы болуы керек. Мен Мемлекет басшысы ретінде кәмелетке толмағандарға қатысты зорлық-зомбылықтың кез келген түрі үшін жазаны күшейтуді талап етемін» деді. [14] Президенттің бұл мәселеге ерекше тоқталуы негізсіз емес.

Нәтижелер мен қорытынды. Зерттеу жұмысы барысында атап өткендей, аталған қылмыстардың өзектілігі мен латентті сипатын ескере отырып төмендегідей шешу жолдары ұсынылады:

1. Қамқоршылық және қорғаншылық органдарының қолайсыз отбасында тәрбиеленіп жатқан кәмелетке толмағандардың құқықтары мен бостандықтарын қорғау саласындағы рөлін арттыру. Бұл мақсатты жүзеге асыру үшін қорғаншылық және қамқоршылық органдары қызметкерлерінің санын көбейту. Олардың білім беру ұйымдарымен тығыз қарым қатынаста болуын қамтамасыз ету.

2. Білім беру ұйымдарындағы психолог мамандардың штаттық санын көбейту. Қазақстан Республикасы балалардың құқықтарын қорғау Комитетінің хабарлауынша елімізде бір мектеп психологына 2000 баладан келеді екен. Психологтың қызметіне балаларға диагностика жасау, түзету және профилактикалық жұмыстарды жүргізу, кеңестер беру, журналдарды жүргізуден бөлек, түрлі папкаларды, хаттамаларды толтыру мен фото - есептерді жүргізу кіреді. Халықаралық тәжірибеде бір мектеп психологына 500 баладан келеді. Елімізде байқағанымыздай мектеп психологтарына келетін жүктеменің нормадан тыс болғандығынан олардың практикалық сағаттарды жүргізуге физикалық мүмкіндіктері жоқ. Бұл жүктеме - психологтардың мектептегі кәмелетке толмаған балалармен жүргізілуі тиіс ең басты қызметтеріне кедергісін тигізуде.

3. Мүмкіндігі шектеулі балаларды, соның ішінде, жалпы білім беру жүйесіне енгізілмеген, үйден оқытылатын және арнайы білім беру мекемелеріне орналастырылған (терең психикалық және менталдық ауытқулары бар, тірек - қимыл аппараттарының терең бұзылысы бар (церебральді сал ауруының ауыр формасы) балаларды мүгедектікке өтудің белгіленген кезеңіне дейінгі уақытта міндетті түрде бақылауды жүзеге асыру. Бұл қызметті жергілікті өзін-өзі басқару органдары бала тіркелген денсаулық сақтау мекемесімен бірлесе отырып жүзеге асырулары қажет.

4. Балаларды зорлық-зомбылықтан, суицидтен қорғау және олардың құқықтары мен әл-ауқатын қамтамасыз етудің 2023-2025 жылдарға арналған Кешенді жоспарына «мүмкіндігі шектеулі балалардың құқықтары мен бостандықтарын қамтамасыз ету мақсатында мүмкіндігі шектеулі бала тәрбиелеп отырған ата-ананың, олардың орнын алмастырушы өзге де адамдардың, осындай балалар тәрбиеленіп жатқан мемлекеттік мекемелердегі жауапты тұлғалардың жауапкершілігін қатаңдату» нормасымен толықтыру қажет деп санаймыз.

5. Мүмкіндігі шектеулі балаларға қатысты орын алған қылмыстық құқықбұзушылықтардың түрлерін анықтап, қажетті заңнамалық шараларды қабылдау мақсатында ҚР құқықтық статистика және арнайы есеп Комитетінің ашық деректер базасында мүмкіндігі шектеулі балалардың арнайы есебін жүргізу. Бұл шара – мүмкіндігі шектеулі балалардың халықаралық құқық нормаларына сәйкес құқықтары мен қауіпсіздіктерін қорғауды жүзеге асырудағы мемлекеттік саясаттың бағытын нақты анықтауда аса қажет деп санаймыз.

МҒТАР 10.87.27; 10.77.51

Әдебиеттер тізімі

1. В Казахстане проживает почти 6,5 млн детей // [Электрондық ресурс] - <https://www.zakon.kz/sobytiia/6015880-v-kazakhstane-prozhivaet-pochti-65-mln-detei.html>

2. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принята резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года// [Электронный ресурс] – https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml

3. Декларация прав ребенка. Принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 года // [Электронный ресурс] - https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml

4. Конвенция о правах ребенка. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года // [Электронный ресурс] - https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/

5. М.Ю. Краева, Л.Э. Зотова. Профилактика и выявление насилия над детьми в замещающих семьях. – Москва, 2017. - 130 с.

6. Ekberova E. ООН: дети с инвалидностью по-прежнему отстают в доступе к образованию // [Электронный ресурс] -

<https://www.aa.com.tr/ru/мир/оон-дети-с-инвалидностью-по-прежнему-отстают-в-доступе-к-образованию/2417670>

7. Насилие над детьми чаще всего происходит внутри семьи. В России родственники совершают 39% изнасилований и убийств несовершеннолетних // [Электронный ресурс] - <https://tochno.st/materials/nasilie-nad-detmi-chashche-vsego-proiskhodit-vnutri-semi-v-rossii-rodstvenniki-sovershayut-39-iznasilovaniy-i-ubiystv-nesovershennoletnikh>

8. Почти три тысячи подростков забеременели в прошлом году в Казахстане : <https://www.nur.kz/society/1935388-pochti-tri-tysyachi-podrostkov-zaberemeneli-v-proshlom-godu-v-kazahstane/>

9. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Экономический курс Справедливого Казахстана» // [Электронный ресурс] -

<https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-ekonomicheskij-kurs-spravedlivogo-kazahstana-18588>

10. Ekberova E. ООН: дети с инвалидностью по-прежнему отстают в доступе к образованию // <https://www.aa.com.tr/ru/мир/оон-дети-с-инвалидностью-по-прежнему-отстают-в-доступе-к-образованию/2417670> (дата обращения: 09.11.2023)

11. Об утверждении Правил проведения медико-социальной экспертизы. Приказ заместителя Премьера-Министра –Министра труда и социальной защиты населения РК от 29.06.2023 года №260 // [Электронный ресурс] - <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300032922> (дата обращения: 09.11.2023)

12. Балаларды зорлық-зомбылықтан қорғау бойынша кешенді жоспар әзірленді // [Электронный ресурс] - <https://egemen.kz/article/336783-balalardy-zorlyq-zombylyqtan-qorghau-boyyynsha-keshendi-dgospar-azirlendi>

13. Мемлекеттік қорғаншылық және қамқоршылық жөніндегі функцияларын жүзгег асыру қағидаларын бекіту туралы ҚР Үкіметінің 2012 жылғы 30 наурыздағы №382 қаулысы <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P1200000382> (дата обращения 04.10.2023)

References

1. Kazahstane prozhivaet pochtі 6,5 mln detej // [Elektrondyк resurs] - <https://www.zakon.kz/sobytiia/6015880-v-kazakhstane-prozhivaet-pochti-65-mln-detei.html>

2. Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskіh i politicheskіh pravah. Prinyata rezolyuciej 2200 A (XXI) General'noj Assamblei ot 16 dekabrya 1966 goda// [Elektronnyj resurs] – https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml

3. Deklaraciya prav rebenka. Prinyata rezolyuciej 1386 (HIV) General'noj Assamblei OON ot 20 noyabrya 1959 goda // [Elektronnyj resurs] - https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml

4. Konvenciya o pravah rebenka. Prinyata rezolyuciej 44/25 General'noj Assamblei ot 20 noyabrya 1989 goda // [Elektronnyj resurs] - https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/

5. M.Yu. Kraeva, L.E. Zotova. Profilaktika i vyyavlenie nasiliya nad det'mi v zameshchayushchih sem'yah. – Moskva, 2017. - 130 s.

6. Ekberova E. OON: deti s invalidnost'yu po-prezhnemu otstayut v dostupe k obrazovaniyu // [Elektronnyj resurs] - <https://www.aa.com.tr/ru/mir/oon-deti-s-invalidnost'yu-po-prezhnemu-otstayut-v-dostupe-k-obrazovaniyu/2417670>

7. Nasilie nad det'mi chashche vsego proiskhodit vnutri sem'i. V Rossii rodstvenniki sovershayut 39% iznasilovaniy i ubijstv nesovershennoletnih // [Elektronnyj resurs] - <https://tochno.st/materials/nasilie-nad-detmi-chashche-vsego-proiskhodit-vnutri-semi-v-rossii-rodstvenniki-sovershayut-39-iznasilovaniy-i-ubijstv-nesovershennoletnikh>

8. Pochti tri tysyachi podrostkov zaberemeneli v proshlom godu v Kazahstane : <https://www.nur.kz/society/1935388-pochti-tri-tysyachi-podrostkov-zaberemeneli-v-proshlom-godu-v-kazahstane/>

9. Poslanie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva narodu Kazahstana «Ekonomicheskij kurs Spravedlivogo Kazahstana» // [Elektronnyj resurs] - <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-ekonomicheskij-kurs-spravedlivogo-kazahstana-18588>

10. Ekberova E. OON: deti s invalidnost'yu po-prezhnemu otstayut v dostupe k obrazovaniyu // [https://www.aa.com.tr/ru/mir/oon-deti-s-invalidnost'yu-po-prezhnemu-otstayut-v-dostupe-k-obrazovaniyu/2417670_\(data obrashcheniya: 09.11.2023\)](https://www.aa.com.tr/ru/mir/oon-deti-s-invalidnost'yu-po-prezhnemu-otstayut-v-dostupe-k-obrazovaniyu/2417670_(data obrashcheniya: 09.11.2023))

11. Ob utverzhdenii Pravil provedeniya mediko-social'noj ekspertizy. Prikaz zamestitelya Prem'era-Ministra –Ministra truda i social'noj zashchity naseleniya RK ot 29.06.2023 goda №260 // [Elektronnyj resurs] - [https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300032922_\(data obrashcheniya: 09.11.2023\)](https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300032922_(data obrashcheniya: 09.11.2023))

12. Balalardy zorlyq-zombylyqtan qorqau boyynsha keshendi zhospar azirlendi // [Elektronnyj resurs] - <https://egemen.kz/article/336783-balalardy-zorlyq-zombylyqtan-qorghau-boyynsha-keshendi-dgospar-azirlendi>

13. Memlekettik qorqanshylyq zhәне qamqorshylyq zhөnindegi funkciyalaryn zhyzgeg asyru qafidalaryn bekitu turaly QR Ykimetiniң 2012 zhyly 30 nauryzday №382 kaulysy <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P1200000382> (data obrashcheniya 04.10.2023)

Международное регулирование качества высшего образования*(на праве рецензии монографического исследования А.Б. Жумагуловой**«Правовое и институциональное обеспечение качества высшего образования» – Алматы, 2019. – 296 с.)*

В названном монографическом исследовании автор А.Б. Жумагулова отмечает важность и актуальность для современного и будущего мира вопросов образовательной деятельности, правового обеспечения качества высшего образования. Наряду с этим она приводит пять факторов, детерминирующих представленный выше тезис: 1) важная роль образования в истории человечества, нарастание роли образования в формировании «человеческого капитала», 2) глобализация, интернационализация образования, трансграничная миграция рабочей силы и вызванная ими потребность формирования международной унификации качества и содержания образовательных программ, 3) массификация высшего образования, что создает угрозу снижения качества высшего образования при увеличении числа выпускников вузов, 4) рост структурного дисбаланса между подготовкой специалистов и потребностями экономики в предоставлении рабочих мест, 5) переход ряда ключевых национальных функций в сфере образования от государства к международным и независимым национальным структурам.

Данные явления следует изучить, исследовать. Это необходимо для обоснования их правового регулирования, институционального обеспечения на уровне международного права и национального законодательства.

Автор в ходе работы над монографией изучила более 200 авторефератов и диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по вопросам образования первой четверти XXI века в странах СНГ. Это позволило ей заключить: не более 30 процентов работ посвящены вопросам высшего образования, приблизительно 5 процентов исследователей исследовали тему качества образования, тема аттестации и /или аккредитации образовательных учреждений отражена в научных исследованиях единиц, преимущественно в сфере педагогических наук; менее половины исследований посвящены анализу юридических проблем в образовании; основная часть – экономическим, педагогическим, социологическим, историческим, философским, политическим аспектам в сфере образования (С. 6-7). Отмечены работы: в сфере государственного управления высшим образованием, правовые научные исследования по вопросам сотрудничества в сфере образования (С. 7-8).

Выделено, что «целью исследования является системное описание и представление концептуально цельного научного видения системы правового и институционального обеспечения качества высшего образования на уровне страны и ее взаимодействия с международными структурами (интернационального обеспечения» (С. 8).

Монография состоит из 4 глав и 24 подглав, заключения, перечня 90 условных обозначений.

В первой главе «Международное право и национальное право Республики Казахстан в сфере образования: взаимодействие и влияние на развитие страны» особое внимание уделено правам человека в сфере образования (С. 9-48). Рассмотрение международного права прав человека на формирование образовательного права автор начинает с зарождения термина права человека как юридической категории в англо-саксонской правовой системе, обращает внимание на Всеобщую декларацию прав человека (1948) (далее – ВДПЧ). Исследователь выделяет авторов, в трудах которых право на образование рассматривается как составная часть основных прав и свобод человека, как фактор «... интегратора, фундамента и связующего элемента всей системы основных прав и свобод человека и гражданина». В вопросе формирования международного права прав человека указаны Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966) и его факультативные протоколы. Право на образование было включено, как пишет автор, «... в другие документы международного права как входящее в число основных прав». К ним отнесены дополнительный Протокол № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – ЕКПЧ) от 20 марта 1952 года, Декларация о правах ребенка (1959), Конвенция о правах ребенка (1989), Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования (1960), др. Исследователь уточняет, что европейские программы в области образования берут свое начало в 1950-х – 1960-х годах, базируются на Европейской культурной конвенции (1954). А.Б. Жумагулова делает вывод: «... выработанные международным сообществом идеология и механизмы соблюдения и защиты прав человека являются одной из главных основ правового обеспечения развития образования на нашей планете, единой для большинства государств мира» (С. 14-15).

Рассматривая вопросы прав человека на образование, автор коснулась теоретических вопросов международного права – взаимодействия, коллизий, имплементаций национальных правовых систем мира с правами человека; рекомендательный статус ВДПЧ.

Автор представил анализ современного состояния, перспектив развития национального права, динамику законодательства Республики Казахстан в сфере образования. Здесь исследованы конституционные нормы на образование – среднее, высшее; нормы Закона Республики Казахстан (далее – ЗРК) «Об образовании» (2007). Рассмотрена эволюция законодательства в области образования – ЗРК «Об образовании» (1992), Конституция Республики Казахстан (1993), ЗРК «О высшем образовании» (1993), ЗРК «Об образовании» (1999), ЗРК «Об образовании» (2007). Проведенный анализ позволил А.Б. Жумагуловой сделать вывод о формировании образовательного законодательства исходя из практических потребностей, международной практики, где «... роль правовой науки ... оказалась де-факто невысокой». Автор подчеркивает, что вопросы правового регулирования образования находятся в зоне внимания Президента Казахстана К.К. Токаева.

Образовательное законодательство совершенствуется. Базисом этому служат развитие международного законодательства, автор приводит следующие документы: доклад Генерального секретаря ООН о реализации экономических, социальных и культурных прав (2017), резолюция Совета ООН по правам человека «О праве на образование» (2016), резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (2015). Развитие национального права в области образования традиционно основывается на Концепции правовой политики Республики Казахстан. Автор указала на отдельные успехи Казахстана в сфере образования. К примеру, приглашение стать участником комитета образовательной политики Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) в 2017 г.; ратификация Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования (1960), Конвенции о правах инвалидов (2006) в 2016 году.

Определяя место институционального фактора в области образования, А.Б. Жумагулова использовала широкую методологию институциональной теории и рассматривает отсылает читателя к трудам Н.И. Матузова, Т. Веблена, Дж. Кэмпбелла, В.М. Бережного, С.Ю. Дефоржа. Она приводит цитату В.И. Ляшенко: «... понятие институционализация достаточно широкое и включает как организационные структуры, так и такие составляющие, как нормативная база и деловые соглашения, уровень доверия в обществе, неформальные правила и социальные нормы. К ним также относятся обычаи, привычки, запреты. В круг коллективных институциональных участников входят государственные учреждения, законодательные органы, политические партии, союзы, группы по интересам, этнические образования, неправительственные организации, фирмы и компании. Таким образом, институты... – это, главным образом, правила, регулирующие экономическую, политическую и социальную жизнь современного общества». За основу институционального фактора А.Б. Жумагулова берет институты-организации, дополняющиеся правилами и следует этому определению. Таким образом, к институциональному обеспечению прав человека в сфере образования она относит: 1) на глобальном международном уровне – в системе ООН – Управление Верховного комиссара по правам человека (далее – УВКПЧ), Совет по правам человека, Универсальный периодический обзор, Специальные процедуры Совета по правам человека, комитеты ООН – Комитет по правам человека, Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, Комитет по ликвидации расовой дискриминации, Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Комитет против пыток, Подкомитет по предупреждению пыток, Комитет по правам ребенка, Комитет по трудовым мигрантам, Комитет по правам инвалидов, Комитет по насильственным исчезновениям, не входящие в сферу УВКПЧ – Экономический и социальные совет, Управление по координации гуманитарной деятельности, Международная организация труда, Организация Объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры

(далее – ЮНЕСКО), др. (С. 34-35); 2) на региональном международном уровне – Совет Европы, Органы Европейского Союза, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (далее – ОБСЕ), Парламентская Ассамблея ОБСЕ, институты Верховного комиссара по делам национальных меньшинств, Представитель ОБСЕ по свободе СМИ, Бюро по демократическим институтам и правам человека (далее – БДИПЧ) ОБСЕ, Международный институт омбудсмана; 3) на уровне международных неправительственных организаций – Amnesty International, Human Rights Watch, The International Commission of Jurists, др.; 4) на национальном уровне государственные органы – Президент Республики Казахстан, Комиссия по правам человека при Президенте Республики Казахстан, Совет по правовой политике, Парламент Республики Казахстан (Сенат, Мажилис), Правительство Республики Казахстан, государственные исполнительные органы (центральные и местные), Суды, Конституционный Совет Республики Казахстан, Уполномоченный по правам человека в Республике Казахстан, Национальный центр по правам человека.

На наш взгляд, автор справедливо пишет о заинтересованности в успешности процессов и результатов образования – государства, общества и личности, бизнес-структур. Активная позиция бизнес-сообщества в сфере образования рассмотрена на примере Австрии, Великобритании, Германии, Ирландии, США, Франции, Нидерландов (С. 41), а также Казахстана (С. 42-44) через участие в разработке классификатора направления подготовки кадров и попечительских советов.

Во второй главе «Качество высшего образования как ключевой критерий формирования человеческого капитала» рассматривая вопросы правового обеспечения формирования человеческого капитала в Республике Казахстан А.Б. Жумагулова пишет о том, что в Послании Президента Республики Казахстан на 2017 год «Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность» (2017) (возможно, впервые – Ш.Т.) особое внимание было уделено качеству высшего образования. По убедительному мнению автора переломным моментом в упрочении понятия качества образования в международном праве стали 60-е годы XX века. Этому способствовала Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования (1960). Импульс продвижению понятия качества образования был дан Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах (1966) (далее – МП ЭСКП). В этом ряду автор называет и анализирует Всемирную конференцию ЮНЕСКО по высшему образованию (2009), Всемирный форум по образованию (2015) и Инчхонскую декларацию «Образование 2030: обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и обучения на протяжении всей жизни для всех» (2015); резолюцию ГА ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» («Повестка дня 2030»), в которой рассмотрена цель 4 «Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех» (С. 68-72). Автор

обращает особое внимание причинам, обусловившим громкому звучанию вопросов качества образования: «... образование из преимущественно научно-культурной и прикладной сферы неожиданно резко вторглось в другую сферу – стало одной из важнейших экономических и военных категорий»; «... противостояние двух сверхдержав (СССР и США) в атомной и космической сфере, включая ракетное вооружение (С. 76).

Профессиональные данные, исследовательское мастерство автора, результаты анализа вопросов данной главы позволили подчеркнуть: «вопрос об использовании и имплементации в национальное право норм международного права в сфере качества высшего образования достаточно непросто и неоднозначен». Она присоединяется к критическому мнению Е.В. Мартыненко – «о международно-правовом регулировании качества образования можно говорить весьма условно, имея в виду практическое отсутствие нормативно-правовых актов, регламентирующих отношения субъектов международного образовательного права в области регулирования качества образования». Далее, все также поддерживая процитированного ученого-юриста А.Б. Жумагулова пишет: «среди международных норм права в сфере качества высшего образования мы не видим сколько-нибудь значимого числа жестких общеобязательных, детально выверенных правил и нормативов, обеспечиваемых и гарантируемых какими-либо межгосударственными организациями».

В рамках главной цели монографии автор рассматривает механизм гарантии качества (С. 80), понятие «образование» (С. 80-81) и «качество высшего образования» (С. 81) в трудах различных ученых-юристов, экономистов, а также группы трактовок (их четыре) качества образования (С. 83-89). Мы согласны с утверждением А.Б. Жумагуловой «... качество высшего образования должно определяться консенсусом всех заинтересованных сторон по согласованию их требований к образованию» (С. 89).

Автор представила анализ современных вызовов и угроз качеству образования, а также пути их преодоления. Последнее характеризует профессионализм ученого, ответственное отношение к предмету исследования. В ряду главных трендов развития образования современности названа коммерциализация. Автор пишет о снижении качества образования за счет его коммерциализации. В этой связи она приводит одну из приоритетных задач Совета по правам человека ООН – выработка мер защиты образования от коммерциализации. По справедливому мнению автора сочетание коммерциализации и роста предложения развилось явление – массификация высшего образования. Рассмотрена общемировая массификация высшего образования и в отдельности – Китая, России, Казахстана (С. 100-111). В ряду новых и взаимосвязанных вызовов и угроз качеству высшего образования автор назвала: 1) массификацию высшего образования; 2) снижение роли государства и суверенных интересов; 3) разбалансирование структуры подготовки специалистов со структурой реального рынка труда; 4) несоответствие

получаемых в процессе образования знаний и профессиональных компетенций объективно необходимым (С. 115-116).

Следует отметить характерную черту для труда А.Б. Жумагуловой: теоретические выводы, подкрепленные эмпирическими и статистическими данными, социологическими исследованиями, др. В этой связи данное монографическое исследование может быть рассмотрено как определенный вклад в теоретическую разработку вопросов образовательного права. Рассмотрение системы гарантии качества высшего образования не стало исключением. А.Б. Жумагулова через соответствующие разделы итогового Коммюнике Всемирной конференции ЮНЕСКО (2009), доклада Еврокомиссии Европарламенту и Европейскому Совету (2009) рассматривает формирование понятия «системы гарантии качества» (С. 118-119). В книге приводятся различные подходы по системам гарантии качества – вузы, аккредитация вузов (государственная, международная). К механизмам гарантии качества отнесены исследователями – лицензирование, аттестация, аккредитация. По мнению автора монографии, упускается ряд аспектов систем гарантии качества высшего образования.

Результатом исследования качества высшего образования в качестве ключевого критерия формирования человеческого капитала стало выдвижение новой системы гарантии качества высшего образования: 1) система правовых, институциональных механизмов – международное право в качестве образования, 2) государственные правовые и институциональные механизмы обеспечения качества высшего образования, 3) стейкхолдерские механизмы воздействия на качество высшего образования, 4) независимая институциональная и специализированная аккредитация, 5) гарантии качества высшего образования, 6) вузовские механизмы обеспечения качества образования.

В третьей главе «Государственные и стейкхолдерские механизмы обеспечения качества высшего образования в Республике Казахстан» автор анализирует законодательное обеспечение качества образования в стране. Автор логично рассуждает, что качественное образование должно быть гарантировано всем. Государство в лице своих органов играет важную роль в его обеспечении. Всемирная конференция «Образование для всех» (1990) призвала к обеспечению качества образования при базовой ответственности правительств государств. Законодательное обеспечение и регулирование вопросов предоставления образования лежит в плоскости деятельности и ответственности государств. Директор Центра развития высшего образования, расположенного в Ливерпуле, М. Йорк писал: «... растет озабоченность со стороны правительств во всем мире, чтобы гарантировать, что высшее образование в их странах заслуживает уважения» (С. 122). Исследователь далее рассматривает инструментарии обеспечения качества высшего образования. Наиболее системным она называет законодательное обеспечение качества высшего образования. В этой связи особое внимание уделено Европейскому

пространству высшего образования (далее – ЕПВО), в состав которого в 2010 года вошел Казахстан, присоединившись к Болонскому процессу. Рассмотрен опыт США.

В системе казахстанского законодательства А.Б. Жумагулова пишет о наличии огромного массива нормативных и иных правовых актов – от политико-правовых документов – Посланий Президента Республики Казахстан до подзаконных актов регулирования отдельных процессов и процедур обеспечения качества высшего образования. Это – Конституция Республики Казахстан (1995), ЗРК «Об образовании» (2007), международные договоры Казахстана в сфере высшего образования, масса основных и производных нормативных правовых актов (С. 121-126).

Большое значение в вопросах обеспечения качества высшего образования несомненно имеет правовое регулирование формирования студенческого контингента в Казахстане. Интерес представляет зарубежный опыт правового регулирования названного процесса. Автор рассматривает известные мировой практике подходы и методологии формирования студенческого контингента: централизованная система – в Германии; децентрализованная система – США; селективная – Британии. Отдельно рассмотрен опыт Японии, Финляндии. В Казахстане, заключает, автор модель формирования студенческого контингента – централизованная и селективная (С. 127-140).

В ряду правовых механизмов обеспечения качества высшего образования, А.Б. Жумагулова рассмотрела лицензирование деятельности организации образования (С. 141-145), государственные стандарты образования (С. 146-152). Наряду с правовыми механизмами изучены виды государственного контроля – государственная аттестация организаций образования, текущий и итоговый контроль, внешняя оценка учебных достижений (отменен), промежуточный государственный контроль (отменен) (С. 153-159).

Подробно рассмотрен вопрос получения и поэтапного расширения самостоятельности вузов (С. 160-169).

Обеспечению качества высшего образования наряду с правовым механизмом, основанным на нем государственным контролем большое значение в современном мире имеет механизм реализации потребностей стейкхолдеров. Автор указывает: «наиболее адекватным для анализа системы обеспечения качества образования в международном и национальном масштабах, по нашему мнению, является такое определение, которое базируется на консенсусе всех заинтересованных сторон по согласованию их требований к образованию» (С. 170). Мы согласны с мнением исследователя, что «... совершенно очевидно, что объективно очень значимые интересы ... стейкхолдеров должны иметь механизмы реального воздействия на образовательные процессы и их результаты» (С. 170). Такие механизмы, А.Б. Жумагулова называет «стейкхолдерскими» (С. 170). Ею в монографии исследуются национальные системы квалификаций – механизм реализации потребностей стейкхолдеров. В Европейском Союзе, у нас в Казахстане система квалификаций выстраивается

из следующих функционально-институциональных элементов: 1) национальная рамка квалификаций – в Европе Европейская; 2) отраслевые рамки квалификаций; 3) профессиональные стандарты (С. 170-180).

Обеспечению качества высшего образования служит и рейтинг образовательных программ, осуществляемый Национальной Палатой предпринимателей «Атамекен», о чем пишет автор (С. 181).

В четвертой главе «Гармонизация национального и интернационального уровней гарантирования качества высшего образования» А.Б. Жумагулова рассмотрела становление и развитие Болонского процесса, его правовую природу (С. 182-203). Проанализирована реализация положений Болонского процесса в Казахстане (С. 203-205) начиная с официального присоединения в 2010 г. и введения кредитной технологии обучения до введения постдокторских программ в 2018 году. Автор резюмирует, какие параметры ЕПВО внедрены в Казахстане (С. 214-219) и посвящает отдельную подглаву связи качества высшего образования с ЕПВО (С. 220-222).

Следующим механизмом обеспечения качества высшего образования указана в монографии – аккредитация. Автор делает вывод: «... аккредитация эквивалентна определению (оценке) качества высшего образования. Причем она направлена не только на оценку, но и на системное совершенствование, повышение качества образования. А значит объективно вполне пригодна в качестве механизма для оценки, регулирования и развития качества высшего образования» (С. 225). Для монографии А.Б. Жумагуловой характерно внимательное отношение к теоретическим и историческим вопросам предмета исследования. Не исключение в этом отношении механизм обеспечения качества высшего образования – аккредитация. Она рассмотрела историю аккредитации, историю становления правового статуса аккредитации в США, Европе, России (С. 229-250).

В настоящее время особое значение приобрели усилия по координации аккредитационной деятельности на международном уровне. Международные сети, ассоциации гарантии качества высшего образования, различные объединения аккредитационных агентств различных стран все более приобретают востребованность и авторитет. Наиболее значимые приведены в рецензируемой монографии (С. 251-261), что делает ее еще более нужной для практического применения исследователям, экспертам, обучающимся, государственным и негосударственным органам – институтам, учреждениям, организациям, др.

Исследователь привела в своем труде эволюцию правового обеспечения аккредитации высшего образования в Казахстане с 2001 года. В этой связи она подвергла анализу ЗРК «Об образовании» (1999, 2007), Государственные программы развития образования в Республике Казахстан (2005 – 2010, 2011 – 2020, 2016 – 2019). В институциональном обеспечении представлена динамика создания, деятельности аккредитационных органов, их развития – некоммерческие неправительственные аккредитационные агентства:

Независимое агентство по обеспечению качества в образовании (далее – НАОКО) (2008), Независимое Агентство аккредитации и рейтинга (далее – НААР) (2011); Национальный реестр признанных аккредитационных органов (с 2012); национальная институциональная аккредитация (с 2015). В монографии представлен список аккредитационных органов, вошедших в национальный реестр по состоянию на 21 ноября 2018 года. Автор заключает в своем предложении: «системное значение для Казахстана как страны – члена Европейского пространства высшего образования (ЕПВО) имеет правовая имплементация норм и обязательств Болонского процесса в национальное законодательство» (С. 275); подробно представлены стратегические задачи системы аккредитации высшего образования в Казахстане (С. 276-280).

Монография А.Б. Жумагуловой результат теоретического изучения, знания практики, профессионального видения, ответственного отношения, разностороннего анализа к вопросу правового и институционального обеспечения качества высшего образования. Рассмотрены вопросы имплементации норм международного права в национальное законодательство нашей страны и ряда зарубежных. Данное исследование проведено в Казахстане впервые. Монография вызывает интерес теоретиков и практиков юридической общественности, сферы образования, государственного управления, экспертного сообщества в названных сферах; обучающихся – бакалавриата, магистратуры, докторантуры, постдокторантуры; широкого круга читателей, интересующихся вопросами обеспечения качества в образовании, др.

*Ш.В. Тлепина, д.ю.н., профессор
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева*

Мақалаларды жариялау ережелері

«Еуразия халықаралық құқық журналына» («Eurasian Journal of International law») мақала беру кезіндегі авторларға арналған нұсқаулар

1. Қарастыруға беру. Қолжазбалар электрондық түрде Microsoft Word және PDF пішімінде EAJIL редакторына ұсынылған веб-интерфейс арқылы жіберілуі керек.

Мақаланы жариялауға ұсынған автор редакциямен келіссөздер мен хат алмасуды жеке өзі жүргізеді.

2. Авторлық құқықтар. Қолжазбалар сол жұмыс (немесе оның басым бөлігі) бұрын жарияланбаған, басқа жерде жариялануға қарастырылып жатпаған және барлық авторлармен расталған жағдайда рецензиялауға қабылданады. Мақала баспаға қабылданғаннан кейін жариялауға және шығаруға құқық тек EAJIL-ге тиесілі болады.

3. Техникалық талаптар. Мақаланың көлемі – әдебиеттер тізімін қоса алғанда 3000-нан 7000 сөзге дейін.

Мәтіндік редактор параметрлері: барлық өрістері 2 см; шрифт Times New Roman, өлшемі – 14; жоларалық интервал - 1; ені бойынша туралау; абзац шегінісі 1 см; парақтың бағдары – кітаптық. Мақала мәтінінің түпнұсқалығы 70%-дан кем емес (Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің антиплагиат жүйесінде жүргізілген тексеру нәтижелері бойынша).

Мәтінді, формулаларды және кестелерді теру үшін Microsoft Word немесе LibreOffice Writer редакторын пайдалану керек. Барлық көрнекі нысандар (суреттер, графиктер, диаграммалар) jpeg немесе png форматында берілуі керек. Суреттің жоғарғы жағында оң жақ бұрышында орналасатын суреттің нөмірін және атауын беру қажет (мысалы, Сурет 1. Сурет атауы). Барлық суреттер айқын болуы керек, жазулар анық көрінуі тиіс.

Кестелер мазмұндалу мәтініне сәйкес мақаланың өзінде орналастырылады. Кестенің жоғарғы жағында оң жақ бұрышында кесте нөмірін және оның атауын беру қажет (мысалы, Кесте 3. Кесте атауы).

4. Мақаланың құрылымы. Мақаланың келесідей құрылымы болуы керек:

- Тақырып және автор туралы мәліметтер (Title) 3 тілде: қазақ, орыс, ағылшын. Шетелдік авторлар үшін Тақырып және автор туралы мәліметтер, Түйіндеме, Негізгі сөздерді қазақ тіліне аударуды журналдың редакциясы жүзеге асырады.

- Түйіндеме (Abstract) 3 тілде: қазақ, орыс, ағылшын.

- Негізгі сөздер (Keywords) 3 тілде: қазақ, орыс, ағылшын.

- Кіріспе (Introduction).

- Материалдар мен әдістер (Materials and methods).

- Талқылау (Discussion).

- Нәтижелер және қорытынды (Results and conclusions).
- Гранттың, стипендияның және басқа да қаржыландыру көздерінің көрсеткіші (қажет болса) (Acknowledgements).
- Әдебиеттер тізімі (References).

4.1. Тақырып және автор туралы мәліметтер (Title) келесілерді қамтуы керек:

- мақаланың тақырыбы, автор(лар)дың аты-жөн(дер)і, ғылыми дәрежесі, ғылыми атағы, лауазымы, жұмыс орны, қаласы, елі, электрондық поштасы, ORCID;

- кем дегенде 1 JEL коды (бірнеше де болады)
<http://www.aeaweb.org/jel/guide/jel.php>

Автор(лар) деректерін рәсімдеу үлгісі Қосымша 1-де.

4.2 Түйіндеме (Abstract) – 150-200 сөз қазақ, орыс, ағылшын тілдерінде. Талапқа сәйкес болмаған жағдайда, баспа (автордың келісімі бойынша) түйіндеменің көлемін ішінара өзгертуге, азайтуға немесе көбейтуге құқылы.

4.3. Негізгі сөздер – 7-10 сөз. Негізгі сөздер бір-бірінен нүктелі үтір арқылы бөлінеді, қазақ, орыс, ағылшын тілдерінде беріледі.

4.4. Кіріспе (Introduction) мақсаттар мен міндеттерді қамтуы тиіс.

4.5. Материалдар және әдістер (Materials and methods) бөлімі қамтуы тиіс:

- а) халықаралық құқықтық құжаттар, нормативтік құқықтық актілер, мемлекеттік бағдарламалар және т.б.;

- б) қолданылған ғылыми зерттеу әдістері;

4.6. Талқылау (Discussion) бөлімінде мақала тақырыбы бойынша басқа авторлардың зерттеулеріне қысқаша шолу (бар болса).

4.7. Нәтижелер мен қорытынды (Results and conclusions).

4.8. Грант, стипендия және зерттеуді қаржыландырудың басқа көздері туралы ақпарат мақаланың соңында «Әдебиеттер тізімі» бөлімінің алдында Acknowledgements бөлімінде орналастырылады.

4.9. Әдебиеттер тізімі (References) мақаланың соңында алфавиттік тәртіппен беріледі. Мақала мәтініндегі қайнар көздерге сілтеме APA Style 6th edition форматында болуы керек. Қайнар көздерді форматтаудың онлайн-генераторын пайдалану ұсынылады <https://www.citationmachine.net/apa> Мақаланың мәтінінде қайнар көздер келесідей көрсетіледі: (Imanov, 2002), (Imanov and Abayev, 1990), егер үш автор және одан көп болса – (Abayev et al., 2010).

Мақала авторларының өзіндік сілтемесі – мақала авторының жұмысына 2- 3 сілтемеден артық емес болуы керек.

Журналдың шығарылымы EAJIL сайтында орналастырылады және жүктепалуға қолжетімді болады.

**Қазақстан және Түркияның туризм аясындағы заңнамасына
салыстырмалы талдау**

Серік И. Оспанов

заң ғылымдарының докторы, профессор

Л. Н. Гумилев атындағы ЕҰУ халықаралық құқық кафедрасының
профессоры,

Астана, Қазақстан

e-mail: serik_i@mail.ru

ORCID: JEL-code:

Түйіндеме.

Негізгі сөздер:

**Сравнительный анализ законодательства в сфере туризма в
Казахстане и Турции**

Серик И. Оспанов

доктор юридических наук, профессор

профессор кафедры международного права ЕНУ им. Л.Н. Гумилева,

Астана, Казахстан.

e-mail: serik_i@mail.ru

ORCID: JEL-code:

Аннотация.

Ключевые слова:

**Comparative analysis of legislation in the sphere of tourism
in Kazakhstan and Türkiye**

Serik I. Ospanov

Doctor of Law, Professor

professor of the Department of international law, L.N. Gumilyov ENU,

Astana, Kazakhstan

e-mail: serik_i@mail.ru

ORCID: JEL-code:

Abstract.

Key words:

Правила опубликования статей

Руководство для авторов при подаче статей в «Евразийский журнал международного права» (ЕАЖМП) («Eurasian Journal of International law» (EAJIL))

1. Подача на рассмотрение. Рукописи должны быть представлены в электронном виде в формате Microsoft Word и PDF в редакцию EAJIL через предоставленный веб-интерфейс.

Автор, предоставивший статью для публикации, лично ведет переговоры и переписку с редакцией.

2. Авторские права. Рукописи принимаются к рецензированию при условии, что эта же работа (или ее значительная часть) ранее не публиковалась, не рассматривается для публикации в другом месте и одобрена всеми авторами (в случае соавторства). После принятия статьи к печати права на публикацию и издание принадлежат исключительно EAJIL.

3. Технические требования. Объем статьи – от 3000 до 7000 слов, включая список литературы.

Параметры текстового редактора: все поля по 2 см; шрифт Times New Roman, размер – 14; межстрочный интервал – 1; выравнивание по ширине; абзацный отступ 1 см; ориентация листа – книжная. Оригинальность текста статьи не менее 50% (по результатам проверки в системе антиплагиат ЕНУ им. Л.Н. Гумилева).

Для набора текста, формул и таблиц следует использовать редактор Microsoft Word. Все визуальные объекты (рисунки, графики, диаграммы) должны быть предоставлены в формате jpeg или png. Необходимо дать номер рисунка и название (например, Рисунок 1. Название рисунка), которые размещаются сверху рисунка в правом углу. Все рисунки должны быть четкими, надписи хорошо видны.

Таблицы размещаются в самой статье по тексту изложения в формате Microsoft Word. Необходимо дать номер таблицы и ее название сверху таблицы в правом углу (например, Таблица 1. Название таблицы).

4. Структура статьи. Статья должна иметь структуру:

1. Заголовок и данные об авторе (Title) на 3 языках: казахский, русский, английский. Для зарубежных авторов перевод разделов Заголовок и данные об авторе, Аннотация, Ключевые слова на казахский язык осуществляет редакция журнала.

2. Аннотация (Abstract) на 3 языках: казахский, русский, английский.

3. Ключевые слова (Keywords) на 3 языках: казахский, русский, английский.

4. Введение (Introduction).

5. Материалы и методы (Materials and methods): а) Материалы (Materials); б) Методы (Methods)

6. Обсуждение (Discussion).
7. Результаты и заключение (Results).
8. Заключение (Conclusions).
9. Указание (при желании) на грант, стипендии и другие источники финансирования (Acknowledgements).
10. Список литературы (References).

4.1. Заголовок и данные об авторе (Title) должны включать:

- название статьи, ФИО, ученая степень, ученое звание, должность, место работы, город, страна, электронная почта, ORCID автора (ов) ;

- как минимум 1 JEL-код (можно несколько)
<http://www.aeaweb.org/jel/guide/jel.php>

Образец оформления данных автора(ов) в Приложении 1.

4.2 Аннотация (Abstract) – 150-200 слов на казахском, русском, английском языках.

4.3. Ключевые слова – 7-10 слов. Ключевые слова отделяются друг от друга точкой с запятой, предоставляются на казахском, русском и английском языках.

4.4. Введение (Introduction) должно содержать цели и задачи.

4.5. Материалы и методы (Materials and methods) должен включать в себя:

а) международно-правовые документы, нормативные правовые акты, государственные программы и т.д.;

б) использованные методы научного исследования.

4.6. Обсуждение (Discussion) краткий обзор исследований иных авторов по теме статьи (при наличии).

4.7. Результаты (Results)

4.8. Заключение (Conclusions).

4.9. Информация о гранте, стипендии и иных источниках финансирования исследования помещается в конце статьи перед разделом «Список литературы» в раздел Acknowledgements.

4.10. Список литературы (References) приводится в алфавитном порядке в конце статьи. Ссылки на источники в тексте статьи должны быть в формате APA Style 6th edition. Рекомендуется воспользоваться онлайн-генератором форматирования источников <https://www.citationmachine.net/apa> В тексте статьи источники указываются следующим образом: (Imanov, 2002), (Imanov and Abayev, 1990), если три автора и больше - (Abayev et al., 2010).

Самоцитирование авторов статьи — не более 2-3 ссылок на работы автора статьи. Содержание статьи должно иметь обзоры научных трудов зарубежных исследователей по аналогичной проблеме, а также ссылки не менее чем на одну статью в предыдущих выпусках Евразийского журнала международного права.

Выпуск журнала будет размещен и доступен для скачивания на сайте EAJIL.

**Қазақстан және Түркияның туризм аясындағы заңнамасына
салыстырмалы талдау**

Серік И. Оспанов

заң ғылымдарының докторы, профессор

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

e-mail: serik_i@mail.ru; ORCID:

Түйіндеме.

Негізгі сөздер:

**Сравнительный анализ законодательства в сфере туризма в
Казахстане и Турции**

Серик И. Оспанов

доктор юридических наук, профессор

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана,
Казахстан.

e-mail: serik_i@mail.ru; ORCID:

Аннотация.

Ключевые слова:

**Comparative analysis of legislation in the sphere of tourism
in Kazakhstan and Türkiye**

Serik I. Ospanov

Doctor of Law, Professor

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

e-mail: serik_i@mail.ru; ORCID:

Abstract.

Key words:

Rules for publishing articles

A guide for authors when submitting articles to «Eurasian Journal of International law» (EAJIL)

1. Submission for consideration. Manuscripts should be submitted electronically in Microsoft Word and PDF format to the EAJIL editorial office via the provided web interface.

The author who submitted the article for publication personally conducts negotiations and correspondence with the editorial board.

2. Copyright. Manuscripts are accepted for review provided that the same work (or a significant part of it) has not been published before, is not considered for publication elsewhere and is approved by all authors (in case of co-authorship). After the acceptance of the article for publication, the rights to publication and publication belong exclusively to EAJIL.

3. Technical requirements. The volume of the article is from 3000 to 7000 words, including the list of references.

Text editor parameters: all fields are 2 cm; Times New Roman font, size – 14 pt; line spacing – 1; alignment - width; first line: indent 1 cm; sheet orientation – portrait. The originality of the text of the article is at least 70% (according to the results of verification in the antiplagiat system of the L.N. Gumilev ENU).

It is recommended to use Microsoft Word or LibreOffice Writer editors for typing text, formulas and tables. All visual objects (drawings, graphs, diagrams) must be provided in jpeg or png format. It is necessary to give the number of the picture and the name (for example, Figure 1. The name of the picture), which are placed on top of the picture in the right corner. All drawings should be clear, the inscriptions are clearly visible.

Tables are placed in the article itself according to the text of the presentation in Microsoft Word format. It is necessary to give the table number and its name at the top of the table in the right corner (for example, Table 1. Table name).

4. The structure of the article. The article should have the structure: - Title and data about the author (Title) in 3 languages: Kazakh, Russian, English. For foreign authors, the translation of the sections Title and information about the author, Abstract, Keywords into Kazakh is carried out by the editorial board of the journal.

- Abstract in 3 languages: Kazakh, Russian, English.
- Keywords in 3 languages: Kazakh, Russian, English.
- Introduction.
- Materials and methods.
- Discussion.
- Results and conclusions.
- Indication (if desired) of the grant, scholarships and other sources of funding (Acknowledgements).
- References.

4.1. The title and information about the author (Title) should include:

- title of the article, full name, academic degree, academic title, position, place of work, city, country, e-mail, ORCID of the author(s) ;

- at least 1 JEL code (multiple possible) <http://www.aeaweb.org/jel/guide/jel.php>

A sample of the design of the author's data(s) in Appendix 1.

4.2. Abstract – 150-200 words in Kazakh, Russian, English. In case of non-compliance with the requirement, the editorial board reserves the right (by agreement of the authors) to partially change, reduce or increase the volume of the abstract.

4.3. Keywords – 7-10 words. Keywords are separated from each other by a semicolon, provided in Kazakh, Russian and English.

4.4. The Introduction should contain goals and objectives.

4.3. Keywords – 7-10 words. Keywords are separated from each other by a semicolon, provided in Kazakh, Russian and English.

4.4. The Introduction should contain goals and objectives.

4.5. The Materials and methods section should include:

a) international legal documents, regulatory legal acts, government programs, etc.;

b) the methods of scientific research used.

4.6. In the Discussion section, a brief overview of the research of other authors on the topic of the article (if available).

4.7. Results and conclusions.

4.8. Information about the grant, scholarship and other sources of research funding is placed at the end of the article before the section "References" in the section Acknowledgements.

4.9. The list of References is given in alphabetical order at the end of the article. References to sources in the text of the article should be in the APA Style 6th edition format. It is recommended to use an online source formatting generator <https://www.citationmachine.net/apa> . In the text of the article, sources are indicated as follows: (Imanov, 2002), (Ivanov and Abayev, 1990), if there are three or more authors - (Abayev et al., 2010).

Self—citation of the authors of the article - no more than 2-3 references to the works of the author of the article.

The issue of the magazine will be posted and available for download on the EAJIL website.

**Қазақстан және Түркияның туризм аясындағы заңнамасына
салыстырмалы талдау**

Серік И. Оспанов

заң ғылымдарының докторы, профессор

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

e-mail: serik_i@mail.ru; ORCID:

Түйіндеме.

Негізгі сөздер:

**Сравнительный анализ законодательства в сфере туризма в
Казахстане и Турции**

Серик И. Оспанов

доктор юридических наук, профессор

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана,
Казахстан.

e-mail: serik_i@mail.ru; ORCID:

Аннотация.

Ключевые слова:

**Comparative analysis of legislation in the sphere of tourism
in Kazakhstan and Türkiye**

Serik I. Ospanov

Doctor of Law, Professor

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

e-mail: serik_i@mail.ru; ORCID:

Abstract.

Key words:

Оглавление

Сарсембаев М.А., Зейнулла Ж.С. Цифровизированное производство электромоторной и беспилотной техники для АПК (перспективные нормы казахстанского и международного права)	10
Сарсембаев М.А., Зейнолла Ж.С. Агроөнеркәсіптік кешен үшін электроқозғалтқыш және ұшқышсыз көліктердің цифрландырылған өндірісі (қазақстандық және халықаралық құқықтың перспективалық нормалары)	11
Sarsembayev M.A., Zeinulla Zh.S. Digitalized production of electric motor and unmanned vehicles for agro-industrial complex (promising norms of Kazakhstan and international law)	12
Абдуллин А.И., Гибадуллин Т.Д. Охрана культурного наследия в деятельности ЮНЕСКО	24
Абдуллин А.И., Гибадуллин Т.Д. ЮНЕСКО қызметіндегі мәдени мұраны қорғау	26
Abdullin A.I., Gibadullin T.D. Protection of cultural heritage in the activities of UNESCO	27
Давлетгильдеев Р.Ш., Тлепина Ш.В. Обзор основных моделей высшего образования	39
Давлетгильдеев Р.Ш., Тлепина Ш.В. Жоғары білім берудің негізгі үлгілеріне шолу	40
Davletgildeev R.Sh., Tlepina Sh.V. Overview of the main models of higher education	41
Жунусбекова А.Ж. Суды қорғаудағы халықаралық құқықтық құралдар	72
Жунусбекова А.Ж. Международно-правовые методы защиты воды	72
Zhunusbekova A.Zh. International legal instruments for water protection	73
Ivanov K.I. On the issue of the peculiarities of the law of the Grand Duchy of Lithuania as integration law	83
Иванов К.И. Литва Ұлы Герцогтігінің интеграциялық құқық ретіндегі құқығының ерекшеліктері туралы сұраққа	84
Иванов К.И. К вопросу об особенностях права Великого княжества Литовского как интеграционного права	84
Ергалимова А.Н. Халықаралық құқық нормаларына сәйкес кәмелетке толмағандардың жыныстық қолсұғылмаушылығын мемлекетішілік қорғаудың өзекті мәселелері	90

Ергалимова А.Н. Актуальные вопросы внутригосударственной защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних в соответствии с международным правом.....	91
Yergalimova A.N. Current issues of domestic protection of sexual integrity of minors in accordance with international law.....	92
Международное регулирование качества высшего образования.....	104
Мақалаларды жариялау ережелері	113
Правила опубликования статей	116
Rules for publishing articles.....	119

Eurasian Journal of International Law (EAJIL)

Еуразия халықаралық құқық журналы (ЕАХҚЖ)

Евразийский журнал международного права (ЕАЖМП)

Редакция мекенжайы: 010008, Қазақстан, Астана қ., Сәтбаев көшесі, 2.
Тел.: +7(7172)709-500 (ішкі 31-267).
электрондық пошта: ejil2022@mail.ru; sholpanw@yandex.kz; erbolabay@mail.ru
<https://ejil.enu.kz>

Editorial address: 010008, Kazakhstan, Astana, Satpaev st. 2
Tel.: +7(7172)709-500 (internal number: 31-267)
e-mail: ejil2022@mail.ru; sholpanw@yandex.kz; erbolabay@mail.ru
<https://ejil.enu.kz>

Адрес редакции: 010008, Казахстан, г. Астана, ул. К. Сатпаева 2, каб. 325
Тел.: +7(7172) 709-500 (вн. 31-267).
e-mail: ejil2022@mail.ru; sholpanw@yandex.kz; erbolabay@mail.ru
<https://ejil.enu.kz>

Баспахана мекенжайы: 010008, Қазақстан, Астана қ., Қажымұқан к., 13/1, тел.:
+7(7172)709-500 (ішкі 31-434)

Printing house address: 010008, Kazhymukan st. 13/1, Astana, Kazakhstan.
Tel.: +7(7172)709-500 (internal number: 31-434)

Адрес типографии: 010008, Казахстан, г. Астана, ул. Кажымукана, 13/1, тел.:
+7(7172)709-500 (вн. 31-434).